

ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана в 2004 г.

Автор проекта серии В.А. Роббек

Т. 23

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

*А.К. Акимов (главный редактор), А.В. Мигалкин (зам. главного редактора),
В.А. Роббек (зам. главного редактора), А.А. Петров (зам. главного редактора),
А.В. Кривошапкин, Ч.М. Таксами, Л.И. Винокурова (ответственный секретарь)*

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)
ДЕПАРТАМЕНТ ПО ДЕЛАМ НАРОДОВ
И ФЕДЕРАТИВНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А.И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА

ЮКАГИРЫ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Л.Н. ЖУКОВА

ОЧЕРКИ
ПО ЮКАГИРСКОЙ
КУЛЬТУРЕ

ЧАСТЬ I

ОДЕЖДА ЮКАГИРОВ:
ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА

Ответственный редактор
доктор исторических наук *М.А. Кирьяк*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2009

УДК 391
ББК 63.5 (2)
Ж86

Рецензенты

кандидат педагогических наук *П.Е. Прокопьева*
кандидат исторических наук *С.А. Алексеева*
кандидат исторических наук *Е.С. Габышев*

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН

*Издается при финансовой поддержке наследной администрации
скуттул МО «Немчининский юкагирский наслег»,
Национальной библиотеки РС(Я)*

В подготовке иллюстративного материала
принимали участие
О.М. Шебохова и С.Д. Охлопкова

Жукова Л.Н.

Ж86 Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 1: Одежда юкагиров: генезис и семантика / Л.Н. Жукова. — Новосибирск: Наука, 2009. — 152 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 23).

ISBN 978-5-02-032143-4 (Ч. 1).
ISBN 978-5-02-032137-3.

В монографии рассматриваются вопросы бытования национального костюма юкагиров (преимущественно лесных) от глубокой древности до современности; предлагается первичная периодизация его истории. Исследуются типы наплечной одежды и адаптивные изменения в гардеробеaborигенных и пришлых народов Северной Евразии.

Для этнологов, мастеров по шитью национальной одежды, а также широкого круга читателей.

УДК 391
ББК 63.5 (2)

ТП-2008-І-№ 184

ISBN 978-5-02-032143-4 (Ч. 1)
ISBN 978-5-02-032137-3

© Л.Н. Жукова, 2009
© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2009
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2009

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

На рубеже двух тысячелетий в человеческом сообществе появился новый взгляд на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Сегодня рождается концепция развития арктических и субарктических территорий, диктуемая их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением. Она предусматривает совершенно иное отношение к глубоко самобытной культуре северных народов.

Прежний идеологизированный формационный взгляд на арктические народы определял их как носителей архаической отживающей культуры. В результате этого коренные народы Севера и Арктики превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, а самобытное их развитие оказалось под серьезной угрозой исчезновения. Осознание этого положения и озабоченность им нарастают во всем мире и особенно в России. Для сохранения северных народов Правительство Российской Федерации проводит целенаправленную государственную политику. Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации разрабатываются **Концепция проекта Федерального закона «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»** и другие судьбоносные для Севера проекты.

Под эгидой ЮНЕСКО реализуются программы в поддержку нематериального наследия, а именно проекты «Живые сокровища человечества» и «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена продолжают реализацию инициативного проекта **«Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»**, цель которого — издание памятников культурного наследия народов Севера. Проект открыт для всех заинтересованных государственных, научных и общественных структур.

От редакции

Серия состоит из следующих блоков:

1. Языки и фольклор народов Севера.
2. Декоративно-прикладное искусство народов Севера.
3. Традиционная культура северных этносов: материальный и духовный мир.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока создали в самой холодной части планеты среду обитания человека с уникальной духовной и материальной культурой. Отличительной ее особенностью является экологический и гуманистический характер взаимодействия человека с окружающей природой.

Культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — подлинная сокровищница, к сожалению, до сих пор малоизвестная мировому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью, колоритными обрядами и экзотическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Часть этого богатства сосредоточена в российских и зарубежных архивах и музеях, в государственных и частных коллекциях.

Издание этих памятников сделает достоянием России и всего человечества образцы уникального наследия, станет вневременным вкладом народов Севера в культуру и историю великой России.

Проект Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Института народов Севера Российской государственной педагогической университета им. А.И. Герцена предусматривает заинтересованное участие всех регионов проживания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — носителей уникальной этнической культуры — в подготовке и выпуске томов серии.

* * *

В рамках серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» вышли следующие книги:

1. **Варламова Г.И. (Кэлтукэ).** Мировоззрение эвенков. Отражение в фольклоре, т. 1.
2. **Данилова А.А.** Бытовая лексика юкагирского языка, т. 2.
3. **Мыреева А.Н.** Эвенкийско-русский словарь, т. 3.
4. **Краски северного сияния,** т. 4.
5. **Иохельсон В.И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы, т. 5.
6. **Роббек В.А., Роббек М.Е.** Эвенско-русский словарь, т. 6.
7. **Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров),** т. 7.

От редактории

8. **Мыреева А.Н.** Лексика эвенкийского языка, т. 8.
9. **Саввинов А.И.** Проблема этнокультурной идентификации долган: на материалах традиционного искусства, т. 9.
10. **Николаева Н.Н.** Песенное творчество М.П. Кульбертиновой, т. 10.
11. **Роббек В.А.** Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте, т. 11.
12. **Чикачев А.Г.** Русские в Арктике: полярный вариант культуры, т. 12.
13. **Роббек М.Е.** Традиционная пища эвенов, т. 13.
14. **Филиппова В.В.** Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности, т. 14.
15. **Болдырев Б.В.** Морфология эвенкийского языка, т. 15.
16. **Таксами Ч.М.** Этническая культура нивхов —aborигенов Тихоокеанского Севера, т. 16.
17. **Пикунова З.Н., Пикунова И.Р.** Энциклопедия природы = Буга дярин энциклопедия: Фауна, т. 17.
18. **Андреева Т.Е.** Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка, т. 18.
19. **Варламова Г.И.** Женская исполнительская традиция эвенков (по фольклорным и другим материалам), т. 19.
20. **Типы героических сказаний эвенков**, т. 20.
21. **Прокопьева П.Е.** Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре, т. 21.
22. **Стручков К.Н.** Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы, т. 22.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для россиян XX век ознаменовался тяжелыми войнами и революциями, масштабным политическим, экономическим и культурным переустройством общества, тяжелыми потерями, понесенными государством в результате репрессий против своих граждан, но в то же время он был озарен светом манящей мечты о коммунистическом будущем. На протяжении столетия страна находилась в состоянии продолжительного стресса, который завершился тяжелейшим кризисом, поразившим все сферы жизнеобеспечения общества, и в итоге — политическим и экономическим развалом страны. В конце XX в. в критическом состоянии оказалась материальная и духовная культура народов, проживавших на территории Российской Федерации. Малочисленные народы Севера, вовлеченные в общий перестроочный процесс, в борьбе за существование вместе с приобретением нового жизненного опыта неизбежно должны были утратить некоторые самобытные элементы национальной культуры. Особенно болезненно это отразилось на состоянии культуры юкагиров.

Юкагиры — самоназвание *одул/вадул* (юк. «сильный») — малочисленный северный народ, проживающий в северных улусах Республики Саха (Якутия), в Магаданской области и на Чукотке. Это родственные между собой группы древнего уралоязычного населения, заселявшие в прошлом обширные территории Восточной Сибири. Предполагают, чтоprotoюкагиры являются собой одну из первых волн переселения уральских народов на северо-восток, причем их отделение от уральцев произошло раньше, чем распад уральской языковой семьи на финно-угорскую и самодийскую ветви (т.е. не позднее V тыс. до н.э.) [Николаева, 1989, с. 4; Симченко, 1976, с. 31]. В частности, исследования в области палеолингвистики показали, что юкагирский язык обнаруживает некоторые примечательные параллели с восточно-уральскими языками и имеет определенное сходство с финно-угорской лексикой [Николаева, 1988, с. 21]. Юкагирский учений д-р филол. наук Г.Н. Курилов в результате многолетних исследований пришел к выводу, что «...в прошлом существовала целая семья одульских (юкагирских) языков, носители которых

Предисловие

составляли семью одулоязычных племен (или народов). Именно эта семья одулоязычных народов — а не один народ — обитала на обширной территории Северо-Востока Азии. При этом отдельные племена данной семьи смешивались с чукчами и эскимосами на востоке, с нганасанами — на западе, с тунгусоязычными и тюркоязычными народами — на юге» [Курилов, 2003, с. 24].

Уже к концу XIX в. многие юкагироязычные племена — ходынцы, шоромбои, янгинцы, анаулы и др. — прекратили свое существование, смешавшись с соседними народами. В научной литературе и официальных документах того времени сообщается о юкагирах, говорящих на двух наречиях — верхнеколымском и тундренном. Третья юкагирская группа — чуванцы — кочевала с чукчами и коряками к востоку от р. Колымы, русифицированные чуванцы проживали в селениях на р. Анадырь [Иохельсон, 2005а, с. 30]. В 1900 г. исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон писал, что на верхнеколымском наречии говорят около 200 чел., на тундренном — 300 чел. [2005б, с. XV].

В настоящее время лесные (или верхнеколымские) юкагиры (самоназвание *одул*) проживают в Верхнеколымском улусе РС (Я) — в с. Нелемном и районном центре пос. Зырянка, в Магаданской области в пос. Сеймчан. По данным переписи 1989 г. численность данной группы составляла 186 чел. [Проблемы..., 1996, с. 17]. В хозяйственно-культурном отношении лесные юкагиры относятся к коренным малочисленным народам Севера, ведущим традиционное охотниче-рыболовное хозяйство. Это речные и озерные рыболовы, потомственные охотники на лося, таежных и пушных зверей, боровую и перелетную птицу. Из домашних животных держат только собак. В результате знакомства юкагиров с тунгусской оленеводческой культурой некоторые юкагирские группы стали обзаводиться домашними оленями. У лесных юкагиров верхней Колымы оленеводство, по-видимому, просуществовало недолго, причиной тому стало отсутствие практических навыков, методов и приемов ведения оленеводческого хозяйства, частые стычки с иноплеменниками, голод и болезни, периодически поражавшие народ, тяжелый гнет ясачной политики. Ныне лесные юкагиры с. Нелемного объединены в родовую общину «Тэки Одулок».

Тундровые юкагиры (самоназвание *вадул*) живут в Нижнеколымском улусе РС (Я) в селах Андрюшкино, Колымском и районном центре пос. Черском. Основное занятие — оленеводство, охота и рыбный промысел. Численность, по данным переписи 1989 г., составила 263 чел. [Там же, с. 23]. Со временем присоединения Северо-Восточной Азии к Российскому государству в XVII в. и с развитием товар-

Предисловие

но-денежных отношений у юкагиров возросла роль охоты на пушного зверя для уплаты натурального налога — ясака — и сбыта пушнины на рынок. В конце XX в. оленеводческие хозяйства юкагиров нижней Колымы были объединены в родовую общину «Чайла».

Незначительные группы юкагиров проживают в Среднеколымском, Нижнеянском улусах, по р. Индигирке, в столице Республики Саха (Якутия) г. Якутске (до 200 чел.). Всего численность юкагиров по Якутской области (до 1917 г.), в ЯАССР, РС (Я) составляла: в 1897 г. — 948 чел., 1917 г. — 1358, 1926 г. — 396, 1959 г. — 285, 1970 г. — 400, 1979 г. — 526, 1989 г. — 697, 2002 г. — 1097 чел. [Численность..., 1990, с. 5; Национальный состав..., 2005, с. 8].

На западе Чукотки, в долине р. Анадырь живут обруseвшие юкагиры — чуванцы. В XVIII–XIX вв., смешавшись с русским населением, они утратили родной язык. Происхождение, этническая история, вопросы материальной и духовной культуры чуванцев изложены в двух небольших по объему работах, охватывающих в основном период конца XIX — начала XX в. [Бурыкин, 1993; Дьячков, 1992]. Мы не располагаем данными об этнографических исследованиях этого юкагироязычного в прошлом племени (народа) в XX — начале XXI в. Исключение составляют указанная А.А. Бурыкиным статья И.С. Гурвича «Чуванцы» в журнале «Этнографическое обозрение» (1992, № 5) [Бурыкин, 1993, с. 32] и статья Т.С. Шенталинской «Знаки любви: рисунки на бересте из с. Марково» [2003]. Численность чуванцев в СССР, по данным переписи 1989 г., составляла 1384 чел. [Проблемы..., 1996, с. 17], по Российской Федерации в 2002 г. — 1087 чел. [Национальный состав..., 2004, с. 18], по Якутии (Якутская область до 1917 г., ЯАССР, РС (Я): в 1862 г. — 359 чел., 1887 г. — 140, 1898 г. — 88, 1903 г. — 67, 1905–1910 гг. — 5, 1917 г. — 51, 1926 г. — 17, 1939, 1959, 1979 гг. — данные отсутствуют, 1989 г. — 1, 2002 г. — 2 чел. [Численность..., 1990, с. 5; Национальный состав..., 2005, с. 9].

По этногенезу народов Северо-Восточной Азии исторической наукой накоплен определенный материал. Учеными высказано предположение, что к древнейшему населению Северо-Восточной Азии относятся предки юкагиров и северо-восточных палеоазиатов. Не сложилось еще единого мнения о времени прихода протоюкагирских племен на территорию Якутии. В настоящее время в научной литературе существует несколько гипотез относительно этногенеза юкагиров:

— первая (мезолитическая), согласно которой предками юкагиров являются носители сумнагинской археологической культуры Якутии, существовавшей в раннеголоценовое время (10,5–6 тыс. лет назад);

Предисловие

— вторая (неолитическая), сторонники которой видят предков юкагиров в племенах, заселявших Якутию на завершающем этапе каменного века (6—3 тыс. лет назад);

— третья, относящая этногенез юкагиров к периоду бронзового — раннего железного века Якутии (2,5—2 тыс. лет назад) [Черосов, 1993].

Мезолитическая гипотеза остается наименее разработанной ввиду нерешенности многих вопросов этнической истории народов Северо-Восточной Азии, в том числе слабой изученности истоков древнеюкагирской культуры.

Наиболее популярна неолитическая гипотеза. В числе ее сторонников А.П. Окладников [1955], И.С. Гурвич [1977], Ю.Б. Симченко [1976], С.А. Федосеева [1980], М.А. Кирьяк [1993], А.И. Гоголев [2004]. В Северной Евразии в неолитическое время получила распространение циркумполярная культура, или культура охотников на дикого северного оленя. Освоение человеком тундровой зоны, по материалам, собранным и обобщенным Ю.Б. Симченко, относится к мезолиту — раннему неолиту. В этот период «население Арктики и Субарктики, по всей видимости, было уралоязычным и монголоидным по физическим признакам» [Симченко, 1976, с. 279]. «Древний уралоязычный этнический субстрат тундровой зоны, — считает исследователь, — принял участие в этногенезе саамов, европейских и азиатских ненцев, энцев, нганасан и юкагиров... уральско-эксалеутские параллели, скорее всего, свидетельствуют об отдаленных контактах предков эскимосов с древними северными уральцами» [Там же, с. 31]. На территории Якутии юкагироязычные племена заселяли не только тундровые, но и таежные пространства, по крайней мере «до середины I тыс. н.э. страна Юкагирья занимала, судя по всему, большую часть современной территории Якутии, исключая ее юго-западные территории и часть северо-восточных районов» [Гоголев, 2004, с. 28].

Некоторые археологи, работающие в Якутии, считают точкой отсчета юкагирской культуры усть-мильскую культуру бронзового века Якутии: Ю.А. Мочанов [1977], И.В. Константинов [1978], А.Н. Алексеев [1996].

В антропологическом отношении юкагиры близки к западным соседям — восточным самодийцам, в особенности к нганасанам. «Представляется несомненным, что в своем генезисе эти типы восходят к единой исходной форме», а в прошлом «они образовывали достаточно однородную антропологическую общность, связанную с древнейшим населением Енисейско-Ленского междуречья» [Юкагиры, 1975, с. 110]. С расселением тунгусов в начале I тыс. н.э. у насе-

Предисловие

ния Восточной Сибири увеличилась примесь байкальского антропологического типа.

В области этнографии сравнительных исследований материальной и духовной культуры юкагиров и народов Западной Сибири немного из-за трудности выделения собственно юкагирских элементов [Васильевич, 1963; Иванов, 1963; Симченко, 1976]. Распространенным является мнение о смешанном характере традиционной культуры юкагиров: у «тундровых юкагиров прослеживается несколько больше самобытных черт по сравнению с культурой верхнеколымских, она также в значительной мере испытала влияние культуры эвенов, чукчей, русских старожилов и утратила свой былой самобытный облик» [Юкагиры, 1975, с. 79]. Сравнительные исследования в области фольклора еще только начинаются [Николаева, 1987; Жукова, 1996а].

В юкагирском фольклоре, языке, религиозных воззрениях, одежде, орнаментальном искусстве, предметах быта обнаруживаются многие элементы, общие для культур соседних народов — эвенов и эвенков, якутов, самодийцев Западной Сибири, чукчей и коряков. На протяжении XX в. росло влияние русской культуры. Такой смешанный характер значительно осложняет задачу исследователей по вычленению исконно юкагирских элементов.

Своими корнями юкагирская культура уходит в глубинные, насчитывающие несколько тысячелетий, пласти истории местных племен. Усеченные, фрагментарные, «заархивированные» элементы всех пережитых народом исторических эпох — от неолита и циркумполярной культуры до эпохи вооруженных современной техникой охотников-промысловиков и оленеводов — содержатся во всех сферах промысловой, хозяйственно-бытовой, духовной жизни народа. Общим фундаментальным базисом, цементирующим всю культурную надстройку, является сохраняемый ныне одулами присваивающий тип хозяйственной деятельности.

Традиционная культура наследников циркумполярной северной цивилизации — не исторический анахронизм, она несет в себе мощную потенцию будущего. Все области юкагирской культуры хранят великую тайну **ЖИЗНИ**, секрет национально-культурного долгожительства. Энергетика этой древней культуры питает интеллектуальные, духовные силы народов, в состав которых юкагирский компонент вошелaborигенным культурным пластом. Познание фундаментальных мировоззренческих основ и естественной натурфилософии древней циркумполярной цивилизации сегодня может быть полезным нашему обществу, погруженному в нравственные и экологические проблемы.

Предисловие

Основная цель нашей работы — обобщение и анализ накопленных наукой и собранных автором материалов по различным аспектам юкагирской культуры. «Очерки по юкагирской культуре» планируются как продолжающееся издание. В настоящей первой части «Одежда юкагиров: генезис и семантика» рассматриваются вопросы бытования национального костюма юкагиров от глубокой древности до современности, предложена первичная периодизация истории юкагирского костюма, за основу периодизации взяты особенности изменения основных характеристик одежды — материала, кроя, украшений. Исследуются адаптивные изменения в гардеробе аборигенных и пришлых народов Сибири. Обобщение данных по глухой и распашной одежде позволило нам включиться в дискуссию о типе наплечной одежды древнего населения Северной Евразии. Орнамент и украшения одежды рассматриваются в тесной связи с традиционными языческими представлениями одулов, с материалами писаниц Центральной и Южной Якутии.

Одной из важнейших задач, которую мы ставили перед собой, является всемерное способствование национально-культурному возрождению древнейшего аборигенного народа Северо-Восточной Азии.

ВВЕДЕНИЕ

...Одежда, с тем или иным характерным для нее общим покроем, с различными разновидностями ее основных форм, со специфическими украшениями и орнаментом, особенно ярко отражает определенные ландшафтно-климатические условия, в которых обитают различные племена, их хозяйственний быт и эстетические вкусы. Вместе с тем именно одежда с наибольшей силой свидетельствует как о культурно-исторических влияниях и связях с другими народами, так и о пройденном ее носителями историческом пути.

Академик А.П. Окладников

К концу XIX в. у юкагиров верхней Колымы в сфере прикладного искусства сложилась кризисная ситуация: веками передававшееся от поколения к поколению искусство шитья одежды и предметов быта из природных материалов — меха, шкур, кож животных, птиц и рыб — оказалось на грани исчезновения. В течение многих тысячелетий основу присваивающего хозяйства юкагиров составляла охота на крупных копытных животных тайги и тундры — дикого оленя, лося, добыча перелетной и боровой птицы, ловля рыбы. Сырец, получаемое в результате промыслов, было традиционной основой для изготовления одежды, сумок, мешков, покрытий жилищ и прочих изделий из мягких материалов.

В XIX — начале XX в. полукочевых охотников и рыболовов тайги продуктами оленеводства в какой-то мере обеспечивали соседние оленеводческие народы. Готовую одежду, предметы из оленьих шкур и ровдуги лесные юкагиры получали в обмен или в подарок от эвенов, кочевавших со стадами домашних оленей в Колымском округе. Охотничий промысел и меновая торговля с эвенами обеспечивали колымских мастерниц сырьем, необходимым для изготовления одежды, — оленьими шкурами и кожами, камусом, сухожильными нитками, подшейным волосом. Разрушение во второй половине XX в. существовавших экономических связей с эвенами-оленеводами и последовавший вслед за этим острый дефицит сырья при увеличении объема привозимых тканей и готовых изделий ускорили начавшийся еще в конце XIX — начале XX в. переход к одежде пришлого русского населения. Ныне покупная одежда вытеснила национальный костюм лесных юкагиров практически из всех сфер бытования, за исключением праздничной, отдельные предметы традиционного гардероба продолжают использоваться в качестве промысловско-дорожных.

В процессе перестроечных изменений в советском (российском) обществе в 1980—1990-х гг. возрос интерес юкагиров к родному языку, фольклору, национальным обычаям и празднествам. Возникла потребность восстановления почти утраченной национальной одежды, способов ее шитья и украшения. Вместе с тем спорным оказался

Введение

вопрос: какую одежду считать традиционно юкагирской — распашную тунгусского образца или глухую «кухлянку».

Традиционная материальная и духовная культура, язык и фольклор юкагиров стали предметом исследования лишь в конце XIX в. Сведений об одежде юкагиров в научной литературе имеется значительно меньше, чем об одежде других народов Якутии. Например, в библиографическом указателе литературы по народам Якутии, составленном в 1926 г. историком Г.А. Поповым, названы 288 работ, касающихся вопросов этнографии, права, языка, фольклора, антропологии якутов, и всего 17 работ посвящены изучению юкагиров [2006а, с. 114–130]. Среди дореволюционных авторов в первую очередь нужно назвать работы юкагира-чуванца А.Е. Дьячкова и политического ссыльного, известного исследователя истории и культуры народов Северо-Восточной Азии В.И. Иохельсона.

Первый из числа юкагиров краевед, учитель сельской школы, чуванец А.Е. Дьячков из с. Марково (Центральная Чукотка) составил историко-этнографический очерк «Анадырский край» (1892), где основное внимание уделил вопросам истории, быта, религиозных воззрений коренных жителей и кратко описал традиционную глухую одежду анадырских юкагиров [1992].

Развернутое описание одежды, бытавшей в конце XIX — начале XX в. у лесных и тундренных юкагиров, сделал В.И. Иохельсон в монографическом исследовании «Юкагиры и юкагиризованные тунгусы» (1926 — 1-е изд. (англ. яз.), 2005 — 2-е изд. (рус. яз.)). Сосланный по политическим мотивам в Якутскую область, участник Сибиряковской (1894–1896) и Джезуповской (1900–1902) экспедиций, В.И. Иохельсон собрал значительную коллекцию образцов юкагирской одежды, которая в настоящее время хранится в Музее естественной истории (Нью-Йорк). Исследователем описаны предметы гардероба одулов и аксессуары к ним по половозрастным признакам и по сезонам. Автор указал на некоторые особенности, сближающие распашную одежду тундренных юкагиров с палеоазиатской кухлянкой, и высказал предположение о глухом типе древнеюкагирской одежды; исследователь считал, что распашной кафтан был заимствован юкагирами от тунгусов вместе с оленеводством. Собранные В.И. Иохельсоном материалы представляют в настоящее время наиболее полную этнографическую коллекцию юкагирской одежды, которая является базисной для характеристики традиционного костюма этого малочисленного народа на рубеже XIX–XX вв. и для сравнительного анализа с одеждой XX–XXI вв.; эти материалы являются бесценной основой в исследовании истоков юкагирской культуры.

Введение

В другой, более ранней, работе этого автора «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» также содержатся некоторые сведения об одежде (1900 — 1-е изд., 2005 — 2-е изд.). Большую ценность представляют фотографии охотников и рыбаков в различные моменты промысла и на отдыхе, сделанные В.И. Иохельсоном и его супругой Д. Иохельсон-Бродской во время экспедиционных работ [Иохельсон, 1898; Jochelson, 1929].

Б.Ф. Адлер в очерке «Возникновение одежды» дает характеристику народному костюму, в том числе костюму жителей Севера, по природно-климатическим зонам и приводит фотографию супружеской четы юкагиров в одежде тунгусского типа [1903].

Накопление эмпирического материала по юкагирской одежде и его научная интерпретация продолжились в трудах советских исследователей. С созданием в СССР сети научных учреждений, организаций и обществ этнографическое изучение народов Якутии становится систематическим. В 1928 г. в сборнике трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ» опубликована статья Г.А. Попова «Омоки», в которой приводятся некоторые сведения по одежде нижнеколымских юкагиров [2006б].

В трудах писателя и первого ученого из числа юкагиров, кандидата экономических наук Н.И. Спирионова (Тэки Одулок), родившегося в 1906 г. в урочище Нелемном Колымского округа и репрессированного в 1938 г., указывается на большое влияние культурных традиций народов Дальнего Востока. В историко-этнографической работе «Одулы (юкагиры) Колымского округа» [Спирионов, 1996] и научно-популярном очерке «На Крайнем Севере» [Спирионов, 1987] ученый приводит краткое описание предметов гардероба лесных юкагиров.

В середине XX в. изданы две крупные коллективные монографии, содержащие юкагирские материалы [Народы..., 1956; Историко-этнографический атлас..., 1961]. В «Историко-этнографическом атласе народов Сибири» собраны и систематизированы сведения о юкагирской одежде в следующих разделах: «Верхняя одежда», «Головные уборы», «Орнамент». Выделены два типа расцветки распашных кафтанов, отмечены особенности, отличающие юкагирский кафтан от эвенского и эвенкийского. Определены типы расцветки основного головного убора — капора, причем отмечено, что различия в крое носят территориальный характер. В атласе помещена таблица юкагирских орнаментов.

Развернутую характеристику орнаментальной традиции юкагиров дал известный исследователь изобразительного искусства наро-

Введение

дов Сибири С.В. Иванов [1963]. Он выделил основные мотивы орнамента одулов и сопоставил их с орнаментальным искусством соседних народов, в частности выявил параллели чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и западно-сибирские.

В 1959 г. в Верхнеколымском и Нижнеколымском районах ЯАССР работала научная экспедиция, организованная Сибирским отделением АН СССР. По ее итогам опубликованы две работы, в которых затрагивались вопросы национальной одежды лесных и тундренных юкагиров. Автором первой статьи является юкагир-переводчик А.Н. Лаптев [1961], вторая работа представлена коллективным трудом — историко-этнографическим очерком [Юкагиры, 1975]. В очерке впервые сопоставляется юкагирская одежда конца XIX — начала XX в. с одеждой середины XX в., при этом отмечена почти полная замена национальной распашной одежды европейским костюмом. Обнаружены некоторые особенности, сближающие женскую зимнюю одежду тундренных юкагиров с палеоазиатской.

В 80–90-х гг. ХХ в. интерес к материальной и духовной культуре юкагиров возрос в связи с политическим переустройством советского общества и активизацией исследований традиционных культур северных народов, проживавших в экстремальных природных условиях циркумполярной зоны. На фоне широких исследований в области этногенеза арктических народов, этнографии и лингвистики рассматривал вопросы, связанные с одеждой аборигенного населения Северной Евразии, Ю.Б. Симченко [1976]. Автор привлек материалы по костюму самодийских, угорских и чукотско-камчатских народов и высказал предположение о двух первоначальных типах северной одежды — глухом и распашном. Более определенные выводы по этому вопросу исследователь связывал с выявлением и изучением одежды праюкагиров. При этом Ю.Б. Симченко цитирует неопубликованную дипломную работу В.П. Монастырной, которая выделила те же две основы в глухой одежде северо-восточных палеоазиатов — глухую и распашную.

В.А. Туголуков впервые обобщил сведения о юкагирской одежде глухого типа, которую считал чукотским заимствованием [1979].

В 1980-х гг. на декоративно-художественные и технологические особенности одульской одежды обратили внимание искусствоведы [Каплан, 1980; Сельскому учителю..., 1983]. В учебных пособиях впервые затрагиваются вопросы цветосимволики украшений и орнаментального искусства одулов, на цветных иллюстрациях представлены образцы глухой и распашной одежды. Авторы отмечают высокое мастерство юкагирских рукодельниц.

Введение

Краткие сведения о глухой одежде чуванцев со ссылкой на опубликованную работу А.В. Олсуфьева находим в очерке А.А. Бурыкина «Чуванцы»; в других своих публикациях автор также касается вопросов интерпретации традиционного костюма одулов [1993, 1998а, б].

Изучение одежды юкагиров продолжилось в начале XXI в. В 2001 г. опубликована монография В.Х. Иванова, в которой с искусствоведческих позиций рассматривается традиционная одежда народов северо-востока Сибири. Автор группирует одежду эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей и коряков по типам, группам и вариантам. Эта же тема разрабатывается в кандидатской диссертации начальника отдела Департамента по делам народов и федеративным отношениям РС (Я) юкагирки В.С. Акимовой [2001]. В монографии А.А. Даниловой «Бытовая лексика юкагирского языка: (Материальная культура)», изданной в серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», содержатся новые интересные данные по костюму тундреных юкагиров [2004].

С конца XIX до начала XXI в. накоплен и первоначально обработан определенный эмпирический материал по национальному костюму юкагиров, поставлено много вопросов, поиск ответов на которые требовал применения комплексного подхода и новых методов. С 1986 по 2007 г. мы проводили полевые исследования среди лесных юкагиров с. Нелемного и пос. Зырянка Верхнеколымского улуса РС (Я). Одна из важнейших задач, стоящих перед нами, заключалась в исследовании почти утраченного традиционного костюма юкагиров-одулов, в анализе его эволюции, в частности под влиянием гардероба пришлых народов — тунгусов, якутов, русских, и определении степени этого влияния. Мы попытались подойти к ответу на один из ключевых вопросов юкагироведения: какой тип одежды считать древнеюкагирским — глухой или распашной, и для исторических параллелей привлекли этнографические материалы по народам Западной и Восточной Сибири. Принципиальная важность определения типа (или типов) одежды праюкагиров заключается в том, что тема эта тесно смыкается с проблемой реконструкции древней одежды народов циркумполярной культуры и — шире — с изучением процессов дивергенции и конвергенции в древних культурах Евразии. В этом плане исследование адаптивных процессов в одежде аборигенных и пришлых народов имеет ключевое значение.

По характеру собранного материала и цели работа требовала широких типологических параллелей и сопоставлений как с территориально отдаленными, так и с соседними народами. Исследование проводилось в тесной связи с хозяйственным укладом народа, существовавшими культурно-историческими контактами и учетом при-

Введение

родно-климатических особенностей Восточной Сибири. Полученные данные легли в основу ряда статей, учебного пособия, докторской и магистерской работ, научного отчета [Жукова, 1988а, 1991б, 1992, 1996б, 1999, 2000, 2001а, 2002б, 2005, 2006а—в, 2007, 2008а, б]. В учебном пособии «Одежда юкагиров» помещены собранные нами способы раскroя отдельных предметов гардероба; составлен русско-юкагирский «Словарь юкагирской мастерицы» (л. юк.), включающий более 180 терминов: назаний видов одежды, деталей кроя, украшений, орнаментов, частей тела человека [Жукова, 1996б]. Словарные материалы по одежде лесных и тундренных юкагиров опубликованы в работах В.Х. Иванова [2001, с. 140–142] и А.А. Даниловой [2004]. В этих же изданиях [Жукова, 1996б; Данилова, 2004] приводятся юкагирские традиционные способы обработки сырья и шитья сумок.

В работе использованы данные смежных научных дисциплин: археологии, истории первобытного искусства, фольклористики, лексикологии. В целом мы следуем междисциплинарному подходу к исследованию народной одежды — одного из важнейших культурно-исторических источников. При реконструкции языческих представлений древних юкагиров мы опирались на материалы писаниц бассейна р. Лены и Забайкалья [Мазин, 1986; Окладников, Запорожская, 1969, 1970, 1972; Окладников, Мазин, 1976б, 1979]. При подготовке работы использовались словари [Воронкин, Алексеев, Васильев, 1995; Даль, 1994; Данилова, 1991, 2004; Кирилов, 1990, 2001; Миры..., 1980; Мифологический словарь, 1991; Николаева, Шалугин, 2002; Пекарский, 1926; Спиридонов, 1997; Фасмер, 1967].

Важными источниками являются коллекции музея Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), Музея музыки и фольклора народов Якутии (Якутск), Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (Якутск), районного музея пос. Зырянка Верхнеколымского улуса РС (Я) и музея при средней школе им. Тэки Одулока с. Нелемного Верхнеколымского улуса РС (Я). При этом обнаружилось, что ни один из названных музеев не обладает сколько-нибудь значительными фондами юкагирской одежды. Большая часть музейных экспонатов изготовлена во второй половине ХХ в. и отражает современное состояние женского рукоделия юкагиров.

В книгу вошли несколько фотографий, сделанных В.И. Иохельсоном в период работы среди юкагиров в составе Сибиряковской и

Введение

Джезуповской экспедиций. Фотографии переданы в ИГИиПМНС СО РАН из Музея естественной истории (Нью-Йорк, США).

В качестве сравнительных материалов привлекались исследования по одежде якутов, тунгусов (эвенков и эвенов), русского старожильческого населения, чукотско-корякской одежды и костюму самодийских народов. Использованы данные опросов народных мастерниц, приезжавших в 1980–1990-х гг. в Якутск на выставки декоративно-прикладного искусства, а также сообщения представителей этих северных народов, проживавших в Якутске.

Копия каталожной карточки № 667 из Лейпцигского этнографического музея (Германия) с описанием мужского распашного кафта «ордуку» получена нами от канд. ист. наук А.И. Саввина, за что мы выражаем коллеге свою признательность.

Значительный объем работы составляют наши полевые материалы, характеризующие состояние женского рукоделия одолов в конце XX – начале XXI в. Это записи рассказов и зарисовки информантов, преимущественно женщин и мужчин старшего и среднего возраста. Среди наших информантов: А.В. Слепцова (1930 г.р.), В.Г. Шалугин (1935–2002), Ф.А. Шалугина (1907?–1990), Н.Н. Дьячков (1910?–1994), Д.Г. Дьячков (1912?–1995), Д.И. Егорова (1920?–1998), В.К. Спиридонов (1925?–1998), А.И. Шадрина (1912?–1997), Е.Н. Дьячкова (1914 г.р.), Н.М. Лихачев (1916–2008), В.В. Филатова (1929 г.р.), В.Б. Буданова (1936 г.р.), Г.Б. Шпак (1943 г.р.), Л.Н. Демина (1950 г.р.), В.Е. Прокопьев (1972 г.р.), М.С. Громова* (1957 г.р.). В книгу вошли сделанные нами зарисовки, черно-белые и цветные фотографии, слайды.

В прошлом каждая юкагирская женщина владела приемами шитья национального костюма и предметов быта. В настоящее время изготовлением национальной одежды, шитьем сумочек, ковриков, сувениров занимаются несколько мастерниц, среди которых наиболее известна Акулина Васильевна Слепцова (с. Нелемное). Выполненные ею образцы юкагирской распашной одежды хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Владивостока, Магадана, Якутска; многочисленные изделия этой мастерицы использованы для иллюстрирования данной работы. Мастерству своему Акулина Васильевна училась у матери, юкагирки М.Н. Дьячковой. А.В. Слепцова является постоянным консультантом средней школы им. Тэки Одулока с. Нелемного по вопросам языка, фольклора, материальной культуры.

Мы имели возможность ознакомиться с предметами из личных коллекций других мастерниц с. Нелемного и пос. Зырянка — Варвары Владимировны Филатовой, Домны Ивановны Егоровой, Валентины

* Далее в тексте фамилия информанта будет указываться в скобках.

Введение

Борисовны Будановой. Работы этих рукодельниц прекрасно иллюстрируют сегодняшнее состояние традиционного прикладного искусства лесных юкагиров. Были осмотрены отдельные предметы летней и зимней женской и мужской одежды, головные уборы из ровдуги и меха, обувь, женские сумки для рукоделия и маленькие сумочки *инddyirgi* из кожи рыб и лапок птиц (лебедь, гусь). Однако ни одного полного комплекта распашной мужской и женской летней и зимней одежды лесных юкагиров увидеть не удалось.

Материалы В.И. Иохельсона и наши собственные базируются в основном на предметах одежды одулов верхней Колымы, поэтому в исследовании основное внимание уделено именно этой территориальной группе юкагиров. Одежда нижнеколымских юкагиров на настоящий момент изучена недостаточно, а по костюму чуванцев Центральной Чукотки специальных исследований не предпринималось.

В заключение хочется выразить благодарность всем нашим информантам. К сожалению, многих юкагиров старшего поколения уже нет среди живущих. Их поддержка, глубокое знание национальной культуры и постоянное гостеприимство вдохновляли нас, вселяли уверенность в необходимость данного труда.

Глава 1

ГЛУХАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ЯКУТИИ

Адаптация одежды древних пришлых групп населения к климатическим условиям Севера

Древний человек, оказавшись в суровых природно-климатических условиях Севера (низкие зимние температуры, длительный холодный период в годовом природном цикле, постоянная необходимость иметь теплосберегающее жилище, одежду, поддерживать огонь в очаге и т.д.), должен был приспособить к ним весь комплекс своей материальной культуры. Одним из важнейших ее компонентов является одежда. У многих народов она разделяется на промысловодорожную, повседневную, спальнюю, праздничную, танцевальную, ритуальную, погребальную и др.

У оказавшихся на Севере южных по происхождению групп населения адаптивные изменения во всех видах одежды затронули три основные ее характеристики — материал, крой и украшения. Как показывают исследования, эти изменения оказались настолько глубокими и значимыми, что обнаруживаются в народной одежде по прошествии многих сотен лет. Однако украшения и орнамент как элементы традиционной культуры, несущие мировоззренческий аспект, были более устойчивы к нововведениям.

Изменения в распашной одежде древних, южных по происхождению самодийцев под влиянием досамодийского населения Западной Сибири, а также под воздействием климатических особенностей региона были выявлены Н.Ф. Прытковой [1970]. Ее исследования показали, что способ конструирования одежды — надежный исторический источник, который может дать ценный фактический материал как по вопросам генезиса народной одежды, так и по истории самого народа.

Н.Ф. Прыткова очень близко подошла к решению проблемы реконструирования одежды древнего уралоязычного населения Западной Сибири. Ею выявлены способы адаптации изначально распашной одежды самодийцев к условиям Севера и трансформирование ее в глухую. Исследователь доказала, что пришедшие с Саян самодийские племена принесли в Западную Сибирь распашную одежду, одинаковую для мужчин и женщин. «Распашная одежда каждого из самодийских народов, как в настоящем, так и в прошлом, по форме и покрою была оригинальна, но сравнительный анализ покроев этой одежды позволил выявить, что характерным признаком общесамо-

Адаптация одежды древних пришлых групп населения к климатическим условиям

дийской одежды было отсутствие боковых, продольных конструктивных швов. Это была так называемая обернутая одежда, в прошлом представлявшая собой цельную шкуру». Шкура была положена «хвостом вверх, с прорезами-проймами для вшивания рукавов, с круглым воротом, со швами на плечах, со сходящимися полками от ворота до пояса и ниже узкими полками, чуть прикрывающими бока, с прямым подолом, иными словами — распашная одежда южного происхождения, сближающаяся, но не совпадающая с известным в этнографии так называемым тунгусским фраком» [Прыткова, 1970, с. 26]. Одежда была короткой, лишенной меховых надставок, обшивок и опушек, удлиняющих и утепляющих ее. Таким образом, в глухой самодийской одежде Прытковой обнаружены две основные группы:

- 1) плечевая одежда, сохраняющая древние способы кроя местных досамодийских племен;
- 2) протосамодийская одежда, в процессе адаптации превращенная из распашной в глухую.

Музейные коллекции и этнографические данные конца XIX — середины XX в. свидетельствуют о том, что в Западной Сибири распашной тип сохранялся в одежде самодийских женщин, в домашней, спальной одежде мужчин у ненцев, в верхней мужской у селькупов; он также представлен на всех ненецких культовых фигурах, изображающих мужчин. Наплечная мужская одежда самодийцев в условиях Севера преимущественно стала глухой, т.е. надеваемой через голову.

Изучая раскрой наплечной мужской одежды нганасан, Н.Ф. Прыткова выявила два способа трансформации южной распашной одежды в глухую:

- 1) спереди от горловины до подола вшивалась узкая шкура, составлявшая перед, а подол сзади расширялся с помощью треугольных клиньев (табл. I, 1);
- 2) полочки наглоухо сшивались от шеи до пояса, спереди от пояса до подола вшивалась крупная деталь полукруглой формы (табл. I, 2).

Этнографические материалы по другим народам Западной Сибири помогли исследователю выявить и некоторые другие способы конструирования глухой одежды самодийцев. К древней охотничьей одежде — скраду, состоявшему из одной цельной шкуры, покрывающей спину, бока и голову, — пришивали дополнительные шкуры, защищающие грудь и живот. Новую одежду конструировали на основе опыта местных групп древних арктических аборигенов. Под влиянием последних, по мнению автора, у самодийцев сложились три способа раскроя мужской глухой одежды:

- 1) сшивали по краям две цельные оленьи шкуры, положенные мехом внутрь и хвостовой частью вниз, оставляя нешитыми места

(проймы) для вшивания рукавов; низ удлиняли широкой полосой мехом наружу (ненцы) (табл. I, 3);

2) между двумя шкурами прямоугольной формы, составлявшими перед и спинку одежду, по бокам вшивали две небольшие шкуры, перегнутые по вертикали, в которых путем надрезов делали широкие проймы для рукавов с большой ластовицей; сверху стан надставляли «кокеткой» (иногда только со спины или переда), снизу пришивали широкую меховую полосу (ненцы) (табл. I, 4);

3) стан состоял как бы из двух частей: одна — до пояса, другая — от пояса до подола. Характерной особенностью покроя этой одежды является отсутствие продольных боковых швов (нганасаны) (табл. II, 1).

На основании полученных данных Н.Ф. Прыткова проводит весьма интересные параллели между глухой одеждой самодийцев и северо-восточных палеоазиатов. Обнаруживается, в частности, что последним трем способам раскroя имеются аналогии в глухой одежде народов крайнего Северо-Востока Азии: первые два — в чукотско-корякской, третий и некоторые детали украшения — в современной одежде азиатских эскимосов. Эти весьма важные параллели позволили автору высказать предположение о существовании в далеком прошлом общего источника происхождения той и другой одежды: «...не исключено, что этим источником могла быть и одежда каких-то групп древних арктических аборигенов» [Прыткова, 1970, с. 94]. То есть им могла быть глухая одежда древнего аборигенного населения Западной Сибири (досамодийского), а также автохтонов Восточной Сибири, представлявших собой родственный уралоязычный этнический субстрат [Симченко, 1976].

Точку зрения о преимущественно глухом типе одежды аборигенного населения Сибири Ю.Б. Симченко ставит под сомнение. Он полагает, что глухой покрой круглосезонной одежды оседлых морских зверобоев оправдывается как климатическими условиями Арктики, так и спецификой промысла. «Для лесной субарктической полосы, — считает исследователь, — наиболее удобной оказывается распашная одежда с нагрудником. Эта адаптированная охотничья одежда до настоящего времени сохраняется у большинства тунгусо-язычных народов, юкагиров» [Там же, с. 174]. Такое рассуждение приводит Ю.Б. Симченко к выводу о возможной зависимости между использованием носителями циркумполярной культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии одежды двух типов и природно-климатическими зонами: глухая бытует в арктической зоне, а распашная с передником — в лесной субарктической полосе. Однако исследователь упускает из виду то, что тунгусоязычные народы не являются

Адаптация одежды древних пришлых групп населения к климатическим условиям

носителями циркумполярной культуры охотников на дикого северного оленя, их распространение по Сибири началось позднее, предположительно в эпоху ранних металлов, а наличие распашной одежды у юкагиров рассматривается многими учеными как факт культурного заимствования от тунгусов [Иохельсон, 2005а; Юкагиры, 1975].

Кроме того, в арктической и субарктической зонах Восточной Сибири эвены (северные тунгусы) продолжают носить свою традиционную распашную одежду, невзирая на особенности климата, а в качестве дорожной и промысловой одежды они заимствовали у аборигенных народов глухую кухлянку [Алексеева, 2003; История и культура эвенов, 1997]. Последняя также органично вошла в гардероб северных якутов-оленеводов [Гурвич, 1977]. Иными словами, в Восточной Сибири у пришлых народов — эвенов (северных тунгусов) и якутов — мы наблюдаем те же процессы адаптации южной по происхождению одежды к климатическим особенностям Арктики, что выявлены Н.Ф. Прытковой у самодийцев.

В главе, посвященной одежде носителей циркумполярной культуры Северной Евразии, Ю.Б. Симченко цитирует работу В.П. Монастырной, осуществившей сравнительный анализ одежды чукчей, коряков, ительменов, алеутов, азиатских и американских эскимосов. В основу ее классификации были положены конструктивные особенности различных типов глухой одежды. «В.П. Монастырная доказала, — пишет Ю.Б. Симченко, — что чукотско-корякская одежда противопоставляется эскимосско-алеутскому ареалу. Характер по-крова одежды чукчей и коряков позволяет отнести ее к единой исходной форме... Сравнивая чукотско-корякскую одежду с эскимосской, алеутско-ительменской, В.П. Монастырная делает вывод о том, что первая восходит к распашной одежде с нагрудником, подобной тунгусской. Эта одежда четко локализуется в ареале пешей охоты. По мнению В.П. Монастырной, этому типу одежды противопоставляется другая, связанная с морским зверобойным промыслом, распадающаяся на эскимосский и алеутско-ительменский типы. Общим для этого типа одежды будут черты, связанные с глухой конструкцией — “тип пончо”» [1976, с. 174]. Проведенный исследователем анализ показал, что «при кажущемся однообразии одежда всех названных народов дифференцируется на ряд типов, связанных генетически с различными исходными формами. Это в свою очередь может быть истолковано этнокультурными различиями в прошлом» [Там же].

Выходы В.П. Монастырной иллюстрируют единствообразие адаптивных изменений, происходивших в одежде народов крайнего Северо-Востока Азии и Западной Сибири. В общих чертах наблюдается следующая ситуация. У аборигенного населения Северо-Востока Азии

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

(предки эскимосов, алеутов, ительменов) древняя глухая одежда с характерными типами раскroя сохранялась на протяжении длительного периода, вплоть до современности. Одежда же пришлых племен, потомками которых являются, согласно исследованиям В.П. Монастырной, современные чукчи и коряки (в их этническом составе предположительно есть как пришлые, так и аборигенные компоненты), в процессе адаптации существенно изменилась, что нашло отражение в крое наплечной одежды и превращении ее из распашной в глухую. Таким образом, у северо-восточных палеоазиатов обнаруживаются те же основные группы глухой одежды, что были выведены для самодийцев:

- 1) наплечная одежда, сохраняющая древние способы кроя местных племен;
- 2) одежда, превращенная в процессе адаптации из распашной в глухую.

Примечательно, что эти изменения оказались очень устойчивыми и присутствуют в современном гардеробе названных народов. Присовокупив к этим выводам приведенные далее примеры из истории одежды народов Восточной Сибири (северных тунгусов и якутов), мы выявляем общие адаптивные тенденции в одежде пришлого населения Арктики и Субарктики. Показателями общности процессов, происходивших в отдаленных друг от друга регионах, но в сравнительно сходных природно-климатических условиях, являются изменения в крое наплечной одежды и трансформирование ее из изначально распашной в глухую.

Напрашивается вопрос: почему самодийские народы продолжают сохранять исходный распашной тип наплечной одежды, а чукчи и коряки — нет? В качестве причин можно указать следующее:

- природно-климатические условия крайнего Северо-Востока Азии все же более суровы, чем в Западной Сибири;
- определенную роль могли сыграть степень давности вторжения иноэтнических племен, численность мигрантов, продолжительность миграционного периода и площадь, занимаемая пришлым населением к концу этого периода;
- возможность поддерживать прямые или опосредованные контакты с территорией-прадориной имела немаловажное значение в сохранении исходных форм одежды пришлым населением;
- важно и наличие признаков языкового и этнического (?) родства пришлых самодийских племен с местным досамодийским уралоязычным (?) населением;
- автохтоны крайнего Северо-Востока Азии, возможно, не знали никакого другого типа раскroя одежды кроме глухого, и одежда пришельцев уподобилась ей. Напротив, население Западной Сибири

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

до прихода самодийцев уже, возможно, было знакомо с распашной одеждой, т.е. миграции из южных районов в Западную Сибирь проходили и в более раннее время.

При сопоставлении результатов исследований Н.Ф. Прытковой и В.П. Монастырной обнаруживаются определенные параллели в изготовлении глухой одежды енисейскими народами и северо-восточными палеоазиатами. В частности, интересно отмеченное Н.Ф. Прытковой сходство раскроев глухой, не имеющей боковых швов одежды оленеводов-нганасан и морских зверобоев и рыболовов — алеутов и эскимосов. Между тем практически неисследованым остается крой одежды народов, заселяющих тундровые и таежные пространства средней Сибири — территории, разделяющей самодийцев и палеоазиатов. Логично предположить, что здесь может быть обнаружена одежда, близкая по крою к древним автохтонным енисейско-палеоазиатским типам. Анализ кроя глухой наплечной одежды дотунгусского населения средней Сибири, отдаленными потомками которого являются современные юкагиры (потомки древних уральцев), а также пришлых народов — тунгусов (эвенков, эвенов) и якутов — мог бы дать интересные результаты: во-первых, ответить на вопрос о существовании глухого типа одежды у аборигенов средней Сибири, во-вторых, выявить возможные общие и особенные способы раскроя этой одежды у проживающих здесь народов; в-третьих, определить, сопоставимы ли выявленные способы кроя с конструкцией глухой одежды самодийцев и северо-восточных палеоазиатов.

Мы вправе ожидать, что исследование глухой одежды народов средней Сибири выявит ее специфические национальные и региональные особенности не только в крое, но и в других характеристиках — материале и украшениях. Это может существенно повлиять на представление ученых об этнической истории населяющих регион народов. Необходима самая широкая панорама изучения глухой одежды народов запада, средней части и востока Сибири.

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

При обращении к наплечной одежде народов средней Сибири наше внимание в первую очередь должна привлечь одежда юкагиров как одного из древнейших аборигенных народов. Относительно хорошо изучена распашная одежда одулов, считающаяся тунгусским заимствованием. Тем не менее открытым остается вопрос о дотунгусской или исконной одежде одулов, по-видимому, кроем своим она должна приближаться к костюму древних арктических аборигенов, но не чу-

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

котско-коряцкому, а эскимосско-алеутскому и самодийскому. Есть основание полагать, что пришлые тунгусы и якуты заимствовали глухую кухлянку из гардероба юкагиров и их соседей — самодийцев и палеоазиатов, а в результате изменения способов раскroя традиционно распашного кафтаны сами стали изготавливать глухую одежду (см. далее в этой главе). Следовательно, в материальной культуре якутов, в особенности северных якутов-оленеводов, эвенков и эвенов, присутствуют элементы аборигенной, в частности юкагирской, традиционной культуры. Однако эти элементы в культурах названных народов почти не изучены, а ведь именно они сыграли немаловажную роль в адаптировании мигрантами своей материальной культуры к природно-климатическим условиям Севера.

В.И. Иохельсон впервые описал распашную наплечную одежду юкагиров и указал на бытование у одулов в прошлом одежды «чукотского типа», очевидно, имея в виду глухую в отличие от распашной. Автор считал, что вместе с оленеводством юкагиры заимствовали у тунгусов и распашную одежду: «...Тунгусская одежда менее приспособлена для полярных условий, чем древняя юкагирская одежда чукотского типа (выделено мной. — Л. Ж.). Прилегающие штаны, передник, прикрывающий грудь и живот, кафтан, тесно облегающий плечи и туловище и расширяющийся книзу, с открытыми полами, делают костюм плохо приспособленным для климата Крайнего Севера с его морозами и ветрами. Этот тип костюма родился где-то в лесах Амурского региона среди племен тунгусов-охотников, кочующих верхом на оленях. Тесно прилегающая одежда удобна для ходьбы на лыжах, при верховой езде на оленях в условиях более умеренного климата. В полярных же широтах, где проживают юкагиры, использование такой одежды можно объяснить скорее увлечением модой, нежели стремлением к удобствам» [Иохельсон, 2005а, с. 560–561]. К сожалению, это замечание автор не подкрепил конкретными примерами существования юкагирской глухой одежды чукотского типа, и неизвестно, видел ли он ее у лесных юкагиров. Сам же В.И. Иохельсон и его супруга Д. Иохельсон-Бродская во время экспедиционных работ в Сибири надевали глухую меховую кухлянку (табл. II, 2).

Характеризуя костюм лесных и тундренных юкагиров, исследователь выявил несколько примечательных параллелей с одеждой северо-восточных палеоазиатов. «Подолы кафтанов тундренных юкагиров имеют сзади заостренные вставки, напоминающие “хвосты” эскимосской одежды или корякских мужских погребальных кафтанов (кухлянок. — Л. Ж.); «Женщины тундренных юкагиров обычно шьют свои кафтаны из шкуры белого или светло-серого олененка.

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

Коряки из таких же шкур шьют погребальную одежду» [Иохельсон, 2005а, с. 563, 575].

Еще до начала деятельности Сибиряковской экспедиции (1894–1896) и публикации первых работ В.И. Иохельсона о юкагирах во Владивостоке в 1893 г. был издан очерк «Анадырский край», написанный краеведом, учителем сельской школы, чуванцем А.Е. Дьячковым. Автор дал характеристику жизни и быта жителей Анадырского края (Центральная Чукотка) в середине XIX в., в том числе юкагироязычных чуванцев и омоков. А.Е. Дьячков писал: «Они только и думали, как бы наловить на зиму оленя, да уплатить ясак, да был бы котел да топор, а что выделять оленему кожу в ровдугу и помину не было, только из шкур делали полога, да камли для ношения, да зимнюю одежду» [1992, с. 228]. Из этого фрагмента текста следует, что для повседневного ношения жители Анадырского края использовали «камли» — известную по этнографическим материалам легкую наплечную одежду народов Северо-Восточной Азии, надеваемую через голову. Автор отдельно отмечает «зимнюю одежду», противопоставляя ее легким летним «камлям». Если летняя одежда жителей Анадырского края была глухой, то какова была зимняя? Косвенно о ней может свидетельствовать тот факт, что самыми многочисленными в данной местности являлись, по сведениям краеведа А.Е. Дьячкова, чукчи, здесь же проживали коряки [Там же, с. 193], эти народы круглогодично носили глухую одежду. Интересно отметить, что в юкагирских преданиях чукчи и коряки иногда упоминаются как родственники юкагиров. В Анадырском крае во второй половине XIX в. эвены (ламуты), как свидетельствует тот же автор, «по числу душ чуть ли не превышают чукчей... Все ламуты до обложения их ясаком кочевали в верховьях Колымы и по юго-западному берегу Охотского моря, а в Анадыре и духу их не было... В сороковых годах (очевидно, XIX в. — Л. Ж.) Анадырь был обиталищем коряков» [Там же, с. 199]. В качестве одной из возможных причин проникновения эвенов (ламутов) на северо-восток в пределы расселения коряков указываются опустошительные эпидемии на Охотском побережье во второй половине XVII в. [История и культура эвенов, 1997, с. 22–23]. Можно предположить, что с приходом русских землепроходцев в первой половине XVII в., а затем эвенов в пределах Северо-Востока Азии стал распространяться распашной тип наплечной одежды.

Однако прибытие сюда некоторых южных групп населения — носителей распашной одежды — происходило в древности и отражено, как было отмечено выше, в раскрое глухой одежды чукчей и коряков. Исследовательница В.П. Монастырная доказала, что в основе кроя кухлянок чукчей и коряков лежит распашная одежда, но неиз-

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

вестно, на какой территории происходила трансформация древнечукотско-корякской одежды в глухую. Можно предложить два ответа на этот вопрос: на территории нынешнего проживания в Северо-Восточной Азии либо вне этой территории, южнее, по пути продвижения на север. Но для активных адаптивных процессов, основанных на заимствованиях, требуются условия относительного покоя и тесного сближения с местными аборигенными племенами — носителями глухой одежды. Такие рассуждения позволяют предположить, что юкагиры Анадырского края, так же как чукчи и коряки, до прихода русских и эвенов пользовались глухой одеждой как летней, так и зимней. Попутно отметим, поскольку «камли» являлись одеждой «для ношения» вообще, раскрой их мог лежать в основе летней промысловодорожной, домашней, танцевальной, погребальной одежды чуванцев и омоков, если такое различие имелось.

Дополнительные сведения о глухом типе одежды юкагиров-чуванцев находим у А.А. Бурыкина, который цитирует работу А.В. Олсуфьева «Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения» (СПб., 1896). Исследователь пишет, что одежда чуванцев «составляет почти полное подобие чукотского костюма, перенятого у них всеми русскими жителями северо-востока Сибири за его практичность... Мужчины зимой носили поверх ситцевой или ровдунской нижней рубашки двойную меховую кухлянку из пыжика и штаны. Женщины носили более длинную кухлянку “парку”, отороченную “упованом” — широкой полосой, расшитой кусочками темной и светлой оленьей шкуры. Летом как мужчины, так и женщины носили “камлеи” — балахоны из ткани или ровдуги с капюшоном. Головной убор мужчин, носимый зимой, — шапка чукотского типа. Зимней обувью служили “торбаса” — сапоги из оленевого камуса, и “тяжи” или “унты” — меховые чулки из пыжика, в качестве летней обуви носились “сары” — род сапог с мягкими подошвами, изготовленными из кожи оленя или нерпы, а также из плотной ровдуги. Домашней обувью женщинам служили “калипляки” (чук. “кэлиплекыт”), род туфель из тонкой черной кожи, иногда расшитой яркимишелками» (цит. по [Бурыкин, 1993, с. 20]). Эти сведения характеризуют глухую одежду чуванцев: зимой — нижняя рубаха (из ровдуги или ткани) и верхняя двойная кухлянка, летом — камлеи. В приведенной цитате обращает на себя внимание использование названий одежды из языков разных народов:

кухлянка, парка, камлея — широко распространенные термины для обозначения наплечной одежды северных русских и многих народов Сибири. «Камля, камлея — сиб. камч. верхняя (непоротая, нераспашная, глухая) одежда с кукулем (наголовником) для защиты

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

от мокроты; шьется из ровдуги, сивучьих горл и нерпичьих кишок» [Даль, 1994, т. 2, стб. 203];

упован — т. юк. *апаван* [Данилова, 2004, с. 59], коряк. *опуван*, *ыпван*, *эпуван* [Иванов, 2001, с. 147; История и культура коряков, 1993, с. 43];

калипляки — л. юк. *калиберки*, *килипелики* [Жукова, 1996б, с. 40; Юкагиры, 1975, с. 43], т. юк. *кэтни-д-угурчэ* (украшенная женская и мужская ровдужная обувь для дома, голенище из задымленной ровдуги, со слов вадульского художника и писателя Н.Н. Курилова); коряк. *калиплаку*, *плакат*, *плакыт*, *кытчи эпыт* и *кычгэпыт* (обувь женская, мужская, ровдужная, камусная) [Иванов, 2001, с. 146–147], чукот. *плэкыт* (обувь мужская зимняя короткая) [Там же, с. 144], эвн. *плеки* (подошвы из шерсти копыт оленя) [Роббек, 2004, с. 14], ср.: ханты рек Пим и Тромъеган *покы* — обувь, обувь камусная [Лукина, 1985, с. 317];

унты от эвенк. *унта* «обувь с поршневидной подошвой, пришитой к голенищу с носком» [Василевич, 1963, с. 61];

сары — як. «летняя обувь из выделанной, черненой, непромокаемой конской кожи» [Пекарский, 1926, стб. 2111; Серошевский, 1993, с. 326];

торбаса — название обуви народов Севера, используемое прышлым русским населением;

тязжи — название обуви, не употребляемое в языках малочисленных народов Северо-Восточной Азии.

Причины полиязычия в названиях предметов одежды скорее всего кроются в активных процессах языковой и культурной ассимиляции чуванцев: в конце XIX в. А.Е. Дьячков писал, что «чуванский язык давно вычеркнут из памяти, так что ныне сами природные кочующие чуванцы не в состоянии передать хоть немного чуванских слов» [1992, с. 221]. Что же касается культурной ассимиляции, то по составленному этим же автором «Каталогу» необходимых товаров для жителей Анадырского округа [Дьячков, 1992] явственно обнаруживается тенденция к сближению с одеждой русского населения. Среди потребительских товаров перечислены «предметы для одежды, как-то: ситец, дрель, даба синяя, миткалъ, трико, нанка, коленкор, китайка, ситцевые платки», исключительно редкие покупатели были для шелковых тканей, платков, колец, серег, колокольчиков, бисера разного цвета [Там же, с. 251].

Приведенное А.В. Олсуфьевым краткое описание одежды чуванцев интересно еще и тем, что содержит указание на присутствие *упована* — орнаментальной полосы по подолу женской наплечной одежды. Именно присутствие *упована* по подолу корякских кухлянок

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

считается характерным признаком, отличающим корякскую одежду от чукотской. «Корякские меховые кухлянки отделываются по низу широкой каймой оленьего же меха, но отличного по цвету от стана, а затем еще узкой каймой темного цвета... Такой же способ отделки меховых кухлянок усвоен обруseвшими юкагирами и камчадалами» [Богораз, 1991, с. 171]. По-видимому, коряки, обруseвшие юкагиры и камчадалы (обруseвшие ительмены) имели однотипные по отделке подола кухлянки. Здесь показательно сходство чуванской глухой женской одежды с корякской, а не с чукотской. Коряки, как и чукчи, для обозначения глухой наплечной одежды использовали более десяти терминов [Иванов, 2001, с. 142–148], различия были обусловлены несколькими причинами: половозрастными, сезонными, функциональными и, возможно, территориальными.

Материалы А.Е. Дьячкова и А.В. Олсуфьева касаются вопроса круглогодичного использования юкагирами Анадырского края (чуванцами и омоками) глухой одежды и в какой-то степени подтверждают предположение В.И. Иохельсона о глухом покрое древней одежды юкагиров. Замечание А.В. Олсуфьева о том, что «чукотский костюм» перенят «всеми русскими жителями северо-востока Сибири за его практичность», показывает особую значимость и степень влияния гардероба аборигенных племен на распашную одежду пршлого населения.

В научной литературе XX в. (после 1917 г.) сведения о глухой одежде одулов (вадулов) неполны и порой противоречивы. О глухой одежде лесных (или верхнеколымских) юкагиров упоминает юкагирский писатель и ученый, кандидат экономических наук Н.И. Спиридовон (Тэки Одулок): «Юкагиры — легкие, слегка смуглые, стройные, подвижные, вечно улыбающиеся, веселые, беспечные люди, в легких меховых рубашках, плотно сидящих на плечах, крепко подпоясанные лосинными ремнями. Женщины и девушки одеты в меховые кафтаны» [1987, с. 169]. Однако в другой работе автор противоречит своему высказыванию: «Одулы белья не знают. Одеваются, как это было в древнейшей эпохе каменного века, в шкуры диких зверей. Различие с одеждой чукчей и коряков состоит в том, что у последних она имеет форму глухую, а у одулов — распоротую. Общий принцип одежды, т.е. соединение внутренней и наружной одежды мездрами (шерстью в противоположные стороны), однако, сохранился» [Спиридовон, 1996, с. 32]. Согласно сообщению в 1927 г. алазейского омока Е.К. Татаева (у Г.А. Попова — Е.К. Катаева), одежда омоков как мужская, так и женская была распашной [Попов, 2006б, с. 227]. Участник академической экспедиции СО АН СССР по изучению юкагирской культуры (1959 г.) тундренный юкагир А.Н. Лаптев

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

писал, что «современная мужская одежда в тундре шьется по-чукотски, а женская — по-юкагирски. Глухая мужская кукашка бывает двойная: верхняя шерстью наружу и нижняя шерстью вовнутрь. Шьется она из шкур оленят, забитых специально для этой цели в августе» [1961, с. 13].

«На зимнюю одежду юкагиров известное влияние оказали чукчи. В чукотские “кукашки” (т.е. кухлянки) одеты герои преданий юкагиров верхней Колымы. Многие юкагиры-чуванцы в середине XVIII в. носили чукотские “куклянки” из оленьих шкур и “камлейки” из ровдуги... Вместе с анадырскими чуванцами и ходынцами чукотские кухлянки и камлейки попали в конце XVIII в. на оба Анюя. Может быть, благодаря этому в первой четверти XIX в. одежда анюйских юкагиров была, по словам Ф.Ф. Матюшкина, “совершенно сходна с чукотской”. В 40-х гг. XIX в. камлеи с “кукулями” (капюшонами) стали надевать на свои пыжиковые парки и нижнеколымские юкагиры» [Туголуков, 1979, с. 91].

Этой же точки зрения о влиянии чукотского гардероба на юкагирский придерживался В.Х. Иванов, который считал, что: «...распашной характер одежды свидетельствует о южном происхождении юкагиров, обитавших некогда по соседству с эвенками» [Иванов, 2001, с. 112]. «Кафтаны меховые глухого покроя» представлены «в музейных коллекциях единичными экземплярами, что свидетельствует о том, что одежда эта не стала традиционной в культуре юкагиров» [Там же, с. 121]. Стоит напомнить, что этнографическая наука при изучении национальной одежды не ограничивается музеиными коллекциями, а привлекает самые разнообразные источники, в том числе и опубликованные, а также полевые этнографические и лексические материалы. Автор приводит весьма схематичные, но тем не менее ценные рисунки и описания глухой наплечной одежды юкагиров [Там же, табл. XIV, 12а, б; с. 70, 121] и эвенов [Там же, табл. VIII, 29а, б; 30а, б; с. 50, 116].

В.Х. Иванов группирует одежду народов северо-востока Сибири по четырем типам: I — распашной, II — «эклектический», представляющий собой «внешнее заимствование или попытку подражания одежде других народов», III — глухой, IV — комбинезоны [Там же, с. 11, 102–103]. Между тем к I типу отнесены образцы одежды, которые, на наш взгляд, могут принадлежать II типу, например юкагирский кафтан из оленьей шкуры мехом внутрь без клиньев на спинке. Исследователь отмечает необычность кроя и украшения кафтана: сзади по подолу нашита широкая полоса крашеной ровдуги с четырьмя фигурно вырезанными «выступами-лопастями» (табл. II, 3, рис. 2а, б). Здесь следует обратить внимание на подол спинки: эта

часть одежды заканчивалась своеобразным «хвостом» и характеризовалась исследователями как оригинальная в наплечной одежде народов Северной Евразии от Кольского полуострова до Чукотки (некоторые данные об этом см. ниже). В распашной и глухой одежде отдельных групп эвенков и эвенов в прошлом имелся «хвост». Сама же форма фигурных выступов на рассматриваемом юкагирском кафтане может быть прочтена как четырехкратное, почти орнаментальное, повторение выступа-«хвоста» на корякской одежде (табл. III, 1, рис. 6б). Именно эта деталь, а также отсутствие расширяющихся спинку клиньев, равно как и украшений вдоль полок, позволяет отнести данный кафтан к «экlecticескому» типу.

Юкагирская глухая наплечная одежда представлена одним образцом из коллекции МАЭ (табл. II, 3, рис. 12а, б). «Это кафтаны типа рубашки с небольшим отложным воротником из серого меха и с разрезом у горловины... Между основой и надставкой (на подоле. — Л. Ж.) вставлена декорированная полоска... От этой полоски симметрично вверх и вниз следуют полоски красной ткани с прямоугольничками светло-желтой и коричневой кожи и красная ткань. Обшлага рукавов украшены полосками зеленой, красной ткани и ровдуги... Подол опущен серым мехом белки» [Иванов, 2001, с. 70].

Несколько названий зимней одежды находим в книге А.А. Даниловой, посвященной бытовой лексике языка преимущественно тундренных юкагиров:

кэшдыкуо — доха, кукашка густошерстная, верхняя, дорожная, носимая в холодное время года;

мабинбурэбэ — верхняя (наружная) кукашка, кафтан (зимняя кукашка мехом наружу, надевается поверх кафтана с мехом внутрь);

уусиима бил — кафтан, или нижняя (внутренняя) кукашка, покрашенная в красный цвет;

сашда бил — внутренний кафтан с шерстью внутрь (нательный).

Из четырех приведенных в книге терминов первый обозначает одежду глухого типа, последний — распашного, *мабинбурэбэ*, *уусиима бил* применимы к глухой и распашной одежде [Данилова, 2004, с. 57]. Автор пишет, что зимняя «мужская и женская верхняя одежда большого различия не имеет: раскрой их одинаков... На длинные кафтаны и дохи шли шкуры двух оленей, на короткую кукашку — шкура одного оленя (табл. III, 2). Кафтаны были верхние и нижние (нательные)» [Там же, с. 56]. Нательную одежду называли *ходира*. Особо следует отметить зимнюю одежду *иңлугидыэ* — «старинный юкагирский кафтан с пришитым к нему передником; как женский, так и мужской расшит украшениями, орнаментирован» [Там же, с. 57]. В книге приводится рисунок только спинки одежды

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

(табл. III, 3), он демонстрирует типичный крой и украшение распашных женских кафтанов вадулов: спинку расширяют два треугольных клина, над ними по бокам пришиты по три длинных жгута. Нижнеколымский юкагир д-р филол. наук Г.Н. Курилов пояснил, что крой этой одежды распашной, левый край передника пришит к левой поле кафтана, а правый край глубоко запахивается под правую полу кафтана (МА). *Иңлугидыэ* демонстрирует способ утепления распашной меховой наплечной одежды; это один из примеров того, как привнесенная южная одежда была адаптирована к погодным условиям Севера.

Сочетание в гардеробе народов Севера элементов одежды разных национальных культур вообще не является исключительным или редким явлением. В.Х. Иванов описывает распашной кафтан камчатских эвенов, который представляет собой обычную корякскую кухлянку, разрезанную спереди от горловины до подола (табл. IV, *рис. 28а, б*). «Наличие надставки на подоле, опувана, орнаментированной типичной корякской вышивкой ремешками и волосом, и орнаментация меховой мозаикой из чередующихся в шахматном порядке ромбиков из темного и светлого камуса представляют собой подражание корякской рубахе. А поскольку в данной одежде сделан разрез, естественно, он акцентируется, как принято у эвенов, орнаментацией бортов, но в то же время в орнаментации бортов используются типично корякские мотивы. Такое явление отмечал у разных народов Арктики Г. Хэтт» [Иванов, 2001, с. 116]. В книге приведены рисунок и описание аналогичного распашного кафтана из гардероба самих коряков: «Фактически по покрою это те же кухлянки, но разрезанные спереди» с типично корякской орнаментацией и опуваном; автор видит в них подражание европейской одежде и относит ко II типу [Там же, с. 90] (табл. III, 1, *рис. 1*).

Приведенные образцы «эклектической» одежды народов Севера демонстрируют примеры культурной дивергенции, культурных взаимовлияний разных народов как результат действия процессов внебиологической адаптации. В распашном кафтане *иңлугидыэ* у юкагиризованных тунгусов нижней Колымы и корякской кухлянке, превращенной из глухой в распашную, изменения кроя одежды не повлияли на традиционные приемы украшения. Такие переходные типы можно рассматривать как «мостики» между культурами, они не типичны ни для той, ни для другой традиции. Теоретически появление «эклектических типов» неизбежно при длительном сосуществовании двух разных национальных культур, и это — процесс естественный. Сложнее исследовать указанные типы при сопоставлении национальных куль-

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

тур со сходными элементами, например распашную одежду древних тунгусов и распашную же одежду предков якутов.

В приводимых А.А. Даниловой названиях и кратких описаниях летней одежды тундреных юкагиров глухой тип отсутствует: домашняя, повседневная верхняя и нижняя одежда, дождевики представляют собой распашные кафтаны (*маьил*, *сукун*) [2004, с. 57–58]. Впрочем, под терминами *сукун* и *маьил* иногда подразумеваю и глухую одежду. Интерес вызывает рисунок спинки кукашки с длинной полосатой кистью («хвостом») (табл. III, 4), пришитой в районе лопаток и свисающей вниз [Там же, с. 60]. Аналогичные «хвосты» тундренные юкагиры [Жукова, 1996б, табл. XVIII; Иванов, 2001, табл. XIV; Юкагиры, 1975, с. 68] и эвены [Иванов, 2001, табл. VIII; Иохельсон, 2005а, рис. 31а (см. там же с. 663 о принадлежности данного каftана к эвенской одежде)] призывают к спинкам мужских распашных каftанов.

Арктическая кукашка/кухлянка нижнеколымских юкагиров-оленеводов и охотников является зимней дорожной, промысловой и праздничной одеждой, она активно используется в настоящее время. Кроме верхней и нижней кухлянки в комплект одежды входят штаны верхние и нижние, двойная обувь (меховые носки или длинные чулки с обувью из камуса оленя), шапка, пояс, рукавицы. Описание зимней нижней кукашки находим в учебном пособии для преподавателей сельских школ: «Зимняя мужская юкагирская шуба представляет собой глухую парку, мехом внутрь, слегка расширенную книзу, колоколообразную, отделанную по подолу широкой аппликационной каймой из двух красных и между ними одной синей полосами (табл. III, 5). На груди около шеи делается декоративный прямоугольный клапан, или нагрудник, но не длинный, а короткий, из синей ткани на меховой подкладке, отороченный красным кантом и завершенный белой камусной выпушкой» [Сельскому учителю..., 1983, с. 143].

Надо отметить, что в женском гардеробе тундреных юкагиров присутствует предмет одежды, известный женщинам арктических народов. Сотрудники комплексной научной экспедиции 1959 г. обнаружили, что «под передник и шубу юкагирки в большие морозы надевали своеобразный комбинезон — штаны с нагрудником. Такой комбинезон шили, по свидетельству В.И. Иохельсона, детям. В настоящее время детям шьют комбинезоны чукотского типа» [Юкагиры, 1975, с. 67, 72]. Судя по этому весьма краткому описанию и приведенному в книге рисунку (табл. III, 6), юкагирский женский комбинезон имеет аналог среди женских комбинезонов ненцев. Нижнюю наплечную одежду ненецкие женщины надевали поверх комбинезона. «Покрай

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

его весьма интересен: в основе его лежат натазники покроя, распространенного среди эвенков; у натазников к отверстиям для ног пришиты прямые штанины, а спереди к поясу — нагрудник, завязывающийся с помощью ровдужных ремешков на шее». Такие же нагрудники носили и ненецкие дети [Прыткова, 1970, с. 39]. Примечательно, что женщины и дети ненцев и тундренных юкагиров имели комбинезоны одного типа. Нганасанские и энцыкие женщины также носили комбинезоны, которые по покрою схожи не с ненецко-юкагирскими, а с женскими комбинезонами северо-восточных палеоазиатов — чукчей и коряков. Этот тип кроится из двух половин без швов в боках, обе половины соединяются по центру спинки и переда. Комбинезонов у нганасан и энцев было два: зимний меховой и летний из ровдуги [Там же, с. 71]. Несколько отличался раскрой детского комбинезона эвенов: зимний нижний комбинезон имел нагрудник, представлявший продолжение спинки, его пропускали между ног ребенка, конец, достигавший подбородка, завязывали на затылке тесемками. Комбинезон для детей более старшего возраста представлял собой штаны, нагрудник и нас спинник, сшитые вместе [История и культура эвенов, 1997, с. 100]. Комбинезоны в качестве детской одежды известны многим народам Сибири, в том числе эвенкам, северным якутам [Алексеева, 2003, с. 91; Богораз, 1991, с. 186; Гурвич, 1977, с. 86; Жукова, 1996б, с. 106–109; Иванов, 2001, с. 141–147; Иохельсон, 2005а, с. 581–583; Прыткова, 1970, с. 96; Роббек, 2004].

Косвенно о глухом типе древней одежды населения бассейна р. Индигирки свидетельствуют археологические материалы. На позднеолитической стоянке Белая Гора (II тыс. до н.э.) найден фрагмент бересты, как полагают, с изображением предмета одежды древнего гардероба, возможно, праюкагирского [Эверстов, 1999]. На основании визуального сходства контурных очертаний высказано предположение о том, что древним рисовальщиком изображен нагрудник-передник, известный тунгусам (эвенкам, эвенам) и юкагирам (табл. V, 1). Это, по предположению автора, может являться свидетельством присутствия распашной одежды в гардеробе праюкагиров несколько тысячелетий назад. Рассмотрим рисунок с иной точки зрения. Известно, что любой предмет одежды имеет три основные характеристики: материал, крой, украшение, в этом плане древний рисунок дает некоторую информацию.

1. По тщательности прорисовки рисунок можно разделить на две части: верхняя разработана детально, можно судить об отделке и украшениях одежды; нижняя часть дана схематично, рисунок здесь контурный, за исключением широкой орнаментальной полосы по низу стана.

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

2. По конструкции одежда состоит из трех частей: верхняя представлена лифом-кокеткой, на рисунке показаны отделки ворота и пройм рукавов. Предположительно, проймы украшены чередованием прямоугольников из трех горизонтальных и одной вертикальной полосок. На груди лифа показаны две горизонтально расположенные накладки. Средняя часть одежды составлена из сшитых отдельных горизонтальных полос, возможно, с кантом в швах. Судя по рисунку, таких полос пять, причем три верхние прорисованы тщательно, показывая текстуру исходного материала. Две же нижние полосы прочерчены однолинейно и условно; возможно, они составлены из пяти крупных подпрямоугольников иного сырья. Нижнюю часть конструкции представляет орнаментированная полоса из 4–6 узких составных горизонтальных рядов. Это украшение одежды можно сравнить с опуваном корякских кухлянок, а композиционно оно перекликается с украшением пройм рукавов. Стан одежды завершает широкая кайма. В целом изображенный на бересте предмет древнего гардероба по покрою аналогичен не тунгусским передникам, а глухой одежде народов крайнего Северо-Востока Азии, в частности одежде из кишок, известной нганасанам, ительменам, алеутам, корякам.

3. Отсутствие рукавов является характерной особенностью древней одежды народов Сибири [Симченко, 1976, с. 177–179]. На территории Центральной Якутии (Амгино-Ленское междуречье) в погребениях XVII–XVIII вв. обнаружена женская одежда без рукавов, а также верхняя одежда из светлой ровдуги, рукава которой выкроены отдельно, в соединительные швы вставлены широкие и контрастные по цвету союзки [Носов, 1988, с. 29–34]. Не исключено, что украшенные проймы рукавов на рассматриваемом рисунке могли выполнить роль союзок, к которым пришивались отдельно выкроенные рукава.

Внутриконтурная разработка неолитического рисунка демонстрирует достаточно сложную конструкцию одежды, что, по-видимому, вызвало необходимость ее фиксации. Четкая трехчастная зональность, разнообразие приемов шитья и декорирования свидетельствуют о высоком уровне портняжного мастерства. Воспроизводится убедительный и реалистичный эскиз стана глухой наплечной одежды, который, будучи выполнен современными канцелярскими принадлежностями, ничем не уступал бы зарисовкам модельеров.

Находка на поздненеолитической стоянке Белая Гора свидетельствует о древности традиции использования бересты в качестве писчего материала. Удивление вызывает мастерство, с которым выполнен рисунок. Прекрасное владение техникой черчения острым пред-

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

метом по сырой глине наблюдается на поздненеолитических (ымыхахтакских) глиняных сосудах. Многие исследователи ымыхахтакское население считают предками юкагиров, поэтому не удивительно, что в конце XIX — начале XX в. у юкагиров верхней Колымы В.И. Иохельсоном обнаружена высокоразвитая пиктографическая письменность на бересте (женские любовные, мужские промыслово-дорожные письма) [1934, 2005а, с. 610–628]. В конце XX в. нами зафиксировано шамансское письмо (на бумаге), а также использование юкагирами верхней Колымы «зубчатых» оттисков на бересте для различных целей [Жукова, 1996б, с. 133–134; 1996в]. Традиции мужского реалистического письма бытовали в XIX в. в украшениях берестяных табакерок сюжетными рисунками [Иванов, 1963]. Найденный на неолитической стоянке эскиз древней одежды, скорее всего, был выполнен женщиной-мастерицей и может свидетельствовать о владении ею приемами реалистического письма. Четкость и точность линий древней рисовальщицы не оставляют в этом сомнений.

Таким образом, рисунок со стоянки Белая Гора на р. Индигирке демонстрирует тип сарафана, бытовавшего в поздненеолитическое время. Посредством пришивания рукавов сарафан превращался в глухую кухлянку или камлейку. Перед нами одно из древнейших и тщательно выполненных изображений подобного типа одежды. Оно рассеивает заблуждения по поводу «примитивности» неолитического человека в приполярных широтах и характеризует его творческие возможности, а также подтверждает предположение В.И. Иохельсона о глухом типе древнеюкагирской одежды.

Приведенные данные из опубликованных источников, несмотря на свою неполноту и фрагментарность, показывают присутствие в поздненеолитическое время у населения р. Индигирки и позднее, в XVIII–XX вв., в гардеробе различных территориальных групп юкагиров (чуванцев и омоков Анадырского края, анюйских юкагиров (по Ф.Ф. Матюшкину), тундренных и лесных юкагиров р. Колымы) глухой наплечной одежды. Юкагирами р. Колымы в конце XIX–XX в. она использовалась наряду с распашным кафтаном. Собранные нами у лесных юкагиров с. Нелемного и пос. Зырянка Верхнеколымского улуса РС (Я) полевые материалы существенно дополняют эти сведения [Жукова, 1996б, 1999].

Согласно нашим полевым материалам, у лесных юкагиров в недавнем прошлом бытowała глухая наплечная одежда, которую одни информанты называли кухлянка (Н.Н. Дьячков), (В.К. Спиридонов), другие курчэка и ниниэн тобуль ниэр ('тело покрывающая одежда') (В.Г. Шалугин), шурэнниэрэк (одежда с узорами) (Е.Н. Дьячкова). По мнению знатока юкагирского языка, фольклора и национальной

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

культуры В.Г. Шалугина, слово *курчэка* произошло от *курчэн* (л. юк. — журавль белый (стерх) и серый) или от *куркали* (эвн. — быстро), т.е. быстро и легко надеваемая одежда. Это же слово В.Г. Шалугин применял к названию распашной женской короткой приталенной одежды русского образца (табл. V, 2). Не исключено, что *курчэка* — измененное рус. «куртка».

Курчэка шили из двух пластин ровдуги или хорошо выделанной оленевой шкуры, или из пыжика. Продольные швы приходились на бока одежды. Ворот округлый, без капюшона, спереди у ворота неглубокий разрез с тремя парами ремешков-вязок. Рукава вшивные, без обшлагов; стан прямой. Длина одежды достигала бедер, подол спинки кроен овальным мысом: от длительного использования, в особенности в результате сидения в этой одежде, низ спинки сминался, собирался в поперечные складки, они топорщились, напоминавшие журеклиновый хвост (В.Г. Шалугин). Так народная этимология объясняет название одежды. Почти то же объяснение функционального назначения «хвоста» на спинке одежды содержится в научной литературе: «Удлинение спинки... было вызвано необходимостью: подгибая конец спинки, охотник садился на него во время передышки во время погони за зверем; но во время бега, чтобы длинная спинка не мешала, он привязывал конец “хвоста” к поясу» [Васильевич, 1958, с. 123].

В коллекции В.И. Иохельсона в распашной мужской и женской одежде юкагиров и эвенов нижней Колымы присутствует кроенный треугольным мысом подол спинки [2005а, рис. 31, 43]. Здесь интересно привести этнографические параллели с одеждой других народов Северной Евразии. «Хвост» — выступ на подоле спинки — имели чукотские и корякские кухлянки, а «в покрое нганасанских, энечких, европейских ненецких и саамских шаманских парок этот элемент обязательно присутствует. Шаманская парка сзади у названных народов оканчивалась треугольным выступом, выделенным орнаментом или краской» [Симченко, 1976, с. 174]. Не ясно, на глухих или распашных парках названных народов присутствовала эта деталь. Аналогичный крой низа спинки имели распашные кафтаны некоторых групп сибирских эвенков [Васильевич, 1958]. По-видимому, удлинения спинки в виде «жуеклинового хвоста» на юкагирской *курчэка* следует отнести к этой же группе.

Другая разновидность «хвоста» — 1–2 длинных жгута с раздваивающимися концами — являлась в прошлом важным отличием эвенских кафтанов от большинства эвенкийских [История и культура эвенов, 1997, с. 93]. В то же время аналогичные «хвосты» известны на спинках распашной и глухой шаманской одежды эвенков-орочонов

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

[Мазин, 1984]. Присутствуют они, как было отмечено выше, на мужской распашной и глухой одежде тундреных юкагиров.

Вариантом этой детали на одежде северных народов является «хвост» в виде выступа-лопасти. Глухая мужская и женская одежда эскимосов имела хвост-лопасть спереди и сзади [Василевич, 1958, с. 171–174], такой же хвост, по сообщению С.П. Крашенинникова, в начале XVIII в. был на спинках повседневных зимних мужских и женских кухлянок ительменов [История и культура ительменов, 1990, с. 75, 82]. Позднейший пример в виде украшения из четырех лопастей на спинке юкагирского распашного кафтана рассмотрен выше. Предшественником выступа-лопасти мог быть естественный хвост, оставленный на шкуре при шитье меховой одежды, в том числе на шкуре, снятой чулком. Ниже приводятся сведения, полученные от наших информантов о том, что шкурой, снятой чулком, в прошлом пользовались юкагиры в качестве одежды без дополнительного крова и шитья. Гипотетически можно предположить, что в качестве дополнительного утеплителя хвостовая часть шкуры могла пропускаться между ног и пристегиваться спереди. Именно о таком назначении «хвоста», правда, специально пришитого, свидетельствуют мужские ровдужные камлеи приморских чукчей для охоты на тюленей [Иванов, 2001, табл. XX, с. 82–83]. Эта одежда из ровдуги представляет собой род комбинезона без штанин, назначений у него может быть несколько, в том числе как маскировочный при охоте на зверя и как чехол-утеплитель основной одежды (табл. V, 4, рис. 9). Подобные предметы для утепления нижней части тела находим в современной промысловой одежде лесных юкагиров. На нижние трикотажные или шерстяные брюки охотника-промысловика в область паха нашивают полосу мягкого меха (Г.Б. Шпак). Комбинезоны со специальным клапаном, пропущенным между ног, известны в качестве детской одежды многим северным народам (табл. V, рис. 3, 5). Возможно, изучение детских комбинезонов с клапаном (*аарэ* — л. юк. и т. юк.; *мака* — чук.) и палеоазиатских кухлянок и камлеек с «хвостом» позволит обнаружить общие функционально-конструктивные особенности. По рассказам юкагиров, если ребенок ходит в комбинезоне и *арэ* не подвязан, то последний волочится за ним, как хвост. Для детей постарше одулы шили комбинезоны без *арэ*, оставляя незашитым отверстие для отправления естественных надобностей, т.е. клапан не является обязательной деталью детских комбинезонов. Без клапанов и полностью зашитыми изготовленылись женские комбинезоны северо-восточных палеоазиатов, но в прошлом, возможно, их конструкция приближалась к детским. В конце XIX в. к детским комбинезонам ительменов, например, клапан не

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

пришивали, а подвязывали снаружи с помощью четырех ремешков [История и культура ительменов, 1990, с. 82].

Клапан — «хвост» — на повседневной и охотничьей одежде народов Севера является очень древней деталью, он сохранился в более поздних видах одежды как наследие архаических времен с различными функциями: в охотничьей (у чукчей), в погребальной (у коряков), в шаманской, детской одежде народов Севера. Кроенный овалом низ спинки юкагирской одежды есть не что иное, как та же шкура животного, лишенная естественного хвоста. Подобно тому, как клапан не пришивали к комбинезону подросшего ребенка, со временем отпала необходимость в таком утеплителе для повседневной одежды. Образное сравнение подола спинки юкагирской *курчэка* с журавлиным хвостом, скорее всего, представляет вторичную этимологизацию и переосмысление детали одежды, уже утратившей свое первоначальное значение. Вместе с тем ассоциативная связь *курчэка* с журавлиным хвостом может указывать на какую-то связь с танцевальной или ритуальной одеждой. У охотничьего народа, каким до сих пор являются лесные юкагиры, существуют подражательные танцы. М.Я. Жорницкая упоминает о парных танцах лебедей и танцах охотников, «которые показывают способы охоты и рассказывают о своих успехах, имитируют повадки животного или птицы» [Юкагиры, 1975, с. 131]; некоторые сведения о народной хореографии содержатся в фольклоре одулов [Жукова, 2006]. Наличие специальной танцевальной одежды у юкагиров не отмечено исследователями, но это не может являться доказательством отсутствия ее вообще. При несистематическом изучении культуры народа, а как раз это и произошло с юкагирской культурой, многие ее элементы оказались неучтенными, некоторые из них могут быть восстановлены при реконструкции и ретроспективном анализе, но большая часть утрачена навсегда.

Об использовании глухой одежды лесными юкагирами информант В.Г. Шалугин сообщал следующее. Глухую *курчэка* из ровдуги мужчины носили как самостоятельную одежду; зимой надевали *курчэка* из пыжика мехом внутрь как нательную одежду под передник и распашной кафтан. *Курчэка*, шитую мехом наружу, охотники брали на промысел, надевалась она специально для рубки дров и непродолжительных работ вблизи жилища. *Курчэка* имела колоколообразный силуэт, расширяющие одежду клинья отсутствовали. По подолу пришивали выпушку из оленьей шкуры, взятой с брюшной части: шерсть здесь крепкая, не лезет, не вытирается. В швы одежды вшивали подшерстный волос оленя или лося: он не пропускает холодный воздух и воду. На груди было *ченче* (юк. — украшение) из полосок ровдуги или

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

ткани. Так же украшали швы на груди распашных кафтанов. Пожилые люди внутри курчэка у ворота или подола имели небольшую нашивку в виде кармана, в котором хранили трут, кремень, махорку, трубку. Ремень с курчэка не носили. «За красотой этой одежды не гнались, главное ее достоинство — прочность» (В.Г. Шалугин).

Женщины также пользовались глухой наплечной одеждой. Курчэка надевали зимой, когда промышляли вблизи жилища или проверяли *шашил* и *шиниль* — ловушки на зверей. Шили их из пыжика или шкуры двух-трехлетнего оленя, забитого в конце лета. Такие курчэка носили тетки по матери В.Г. Шалугина. С курчэка надевали меховые штаны, *щеткари* (зимняя обувь с подошвой из щеток оленя или лошади), шапку. Покрой женской и мужской глухой одежды был одинаков. Есть основание полагать, что зимняя курчэка была двойной. Тот же информант сообщал, что женщины на промысел под курчэка, сшитую мехом наружу, надевали другую глухую одежду, изготовленную из ровдуги и подбитую заячьим мехом или шкурой новорожденного лосенка. В подмыщечные части подшивали заячью шкуру, так же утепляли грудь. Большинство современных лесных юкагиров глухую одежду называют кухлянкой и считают ее чукотским заимствованием: «Кухлянка была, юкагирского слова ей не было» (Н.Н. Дьячков). На изготовление зимней кухлянки брали шкуру оленя пыжика или просушенную на воздухе оленем шкуру. Сушат шкуру весной, когда пригревает солнце, раскладывают шерстью вниз, мездрай кверху. Она хорошо проветривается, на ней появляется загар, называемый *пойя*. От этого шкура легко и хорошо выделяется (В.Г. Шалугин).

Мастерица А.В. Слепцова рубашкой называет летнюю промысловую надеваемую через голову наплечную одежду. Рубашку шили из окрашенной в желто-красный цвет ровдуги, она имела воротник, завязки у ворота и не орнаментировалась. У тундренных юкагиров окрашенная в красный цвет кукашка (зимняя, нижняя) и окрашенный кафтан назывались *уусиимабил* [Данилова, 2004, с. 57]. В.И. Иохельсон писал, что рубаху из дымленой оленьей кожи на Колыме называют *камлея* [2005б, с. 112].

На древность присутствия в гардеробе юкагиров одежды глухого типа указывают наши полевые материалы. Старейший житель с. Нелемного одул Н.Н. Дьячков сообщал: «Раньше рубашки не было. С оленя шкуру снимут и сразу надевают. Сохнет — бросают, другого убивают, шкуру надевают». Житель с. Андрюшкино Нижнеколымского улуса М.И. Топоров со слов старшего брата матери П.М. Третьякова рассказывал, что юкагиры в древности шкуру с оленя снимали чулком вместе со шкурой передних конечностей,

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

как с пушных зверей. Голову отделяли, шейное отверстие служило воротом одежды. Снятую шкуру надевали на голое тело мехом наружу. Шкура высыхала, в ней ходили, пока она не лопалась, затем надевали другую.

Сообщения о древней одежде в виде снятой чулком оленьей шкуры можно сопоставить с данными устного народного творчества одулов. В «Сказке о зайчике» женщина сшила мужу из заячьей шкуры шубу (в сказке *шанъяах* от як. *сангыйах* — меховая шуба), из камусов — торбаса, из шкур ушей — рукавицы, а из шкуры лба — шапку [Жукова и др., 1989, ч. 1, № 14]. Известно, что шкуры пушных зверей северные народы традиционно снимают чулком; так изготовление шубы из заячьей шкуры весьма отчетливо перекликается со способом изготовления одежды из целиком снятой шкуры оленя. А.А. Данилова указывает, что тундrenные юкагиры зимнюю короткую кукашку изготавливают из шкуры одного оленя [2004, с. 56]. Здесь обнаруживаются отголоски древней традиции изготовления глухой одежды. Сказочное преувеличение размеров заячьей шкуры, из которой сшины почти все предметы гардероба (шуба, шапка, рукавицы, обувь), находит объяснение в мифологических представлениях одулов: заяц, согласно материалам В.И. Иохельсона, являлся тотемным животным юкагиров верхней Колымы [2005б, с. IV, 106]. Таким же способом, т.е. чулком, снимают верхнеколымские юкагиры шкурки птиц и рыб для шитья предметов одежды, сумок и мешков [Жукова, 1996б, с. 122, рис. 126].

Легенда, записанная на Колыме А.Д. Поповицкой и пересказанная А.П. Окладниковым, повествует о том, «как юноша-юкагир пришел жениться к ламутам (эвенам. — Л. Ж.), которые, оказывается, занимались охотой на рогатых людей с телом, сплошь покрытым шерстью» [Окладников, 1955, с. 97]. Учитывая всю условность использования фольклорных материалов в качестве исторических источников, необходимо все же отметить, что здесь в описании ино-племенников, являющихся объектом охоты ламутов, возможно, отражены этнографические реалии: шапка из шкуры, целиком снятой с головы животного с сохранением ушей, так называемая шапка «с рожками», и снятая чулком шкура животного в качестве одежды. Так через описание внешнего облика (одежды) подчеркивается ино-племенное происхождение «рогатых людей», не родственных ламутам. Не исключено, что в «рогатых людях» можно видеть какую-то группу автохтонов, еще не вступивших в мирный контакт с тунгусами и не заимствовавших у них распашной тип одежды. Надо заметить, что автохтоны были объектом охоты не только со стороны пришлых племен. Юкагирские родовые группы враждовали между

Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)

собой и в записанных В.И. Иохельсоном фольклорных текстах одулов постоянна тема запрета каннибализма среди родственников, что, по-видимому, свидетельствует о явлении каннибализма у данных племен [2005б, с. IV–V]. В текстах, записанных во второй половине — конце XX в., этот мотив полностью отсутствует.

На происхождение глухой одежды проливают свет и другие фольклорные материалы одулов. От В.Г. Шалугина записан рассказ о том, как охотники, страдая от холода, освежевали добытых диких оленей, проделали в центре шкур отверстия и надели мехом внутрь на себя. Каждый подпоясался ремнем, вырезанным из той же шкуры. Для большей теплоты сверху могли надеть еще одну шкуру с отверстием, проделанным на одном из ее концов. Так отдельно утепляли спину или грудь (МА).

Этот рассказ иллюстрирует широко известный на севере Евразии и Америки способ изготовления глухой туникообразной одежды — тип пончо — с вырезанным в центре шкуры отверстием. Исходным сырьем здесь служит не снятая чулком, а вскрытая по брюшине шкура. Способ изготовления глухой одежды, в основе которой лежит тип пончо, отмечен В.П. Монастырной у аборигенных народов Северо-Восточной Азии — эскимосов, алеутов, ительменов. Известна эта одежда и современным народам Северной Евразии — коми на Печоре и на Урале, в Западной Сибири — ханты и манси (используется охотниками), русским Архангельской области, в Карелии (бытует у лесорубов) [Лукина, 1985, с. 185–188; Симченко, 1976, с. 174–178].

Примечателен рассказ В.Г. Шалугина еще и тем, что в нем описан способ дополнительного утепления тела отдельной шкурой с отверстием на одном из концов. Такая форма утеплителя живота и груди, обращенного мехом к телу, соответствует принципу изготовления тунгусского передника. Кроме того, небольшая шкура с отверстием на конце может являться плафоном утеплителя-нагрудника на глухой одежде палеоазиатов, юкагиров (описание зимней юкагирской глухой парки мехом внутрь с прямоугольным клапаном-нагрудником, обращенным мехом внутрь, см. ранее).

Упоминания о глухой одежде аборигенного населения содержатся в архаических образцах устного народного творчества эвенков. А.И. Гоголев пишет, что в архивных материалах Г.М. Василевич имеются сообщения о местных племенах, с которыми столкнулись тунгусы. Это были племена, которые ловили рыбу удочкой, если ее в сыром виде, диких оленей ловили арканом и с живых сдирали шкуру чулком. Перечисленные черты резко отличали их от тунгусов, которые убивали рыбу острием палки или острогой и сырью не ели,

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

собак на мясо не били. У первых — одежда чулком, у вторых — распашная, закрытая только по бокам и на спине [Гоголев, 2004, с. 39]. Фольклорные материалы юкагиров содержат сообщения о снятии шкуры с живых оленей [Юкагиры, 1975, с. 51, 241].

Несмотря на неполноту и фрагментарный характер приведенных сведений о глухой одежде различных юкагирских территориальных групп, отчетливо выявляется ее несомненное присутствие в гардеробе. К сожалению, не располагая конкретными музейными или полевыми этнографическими материалами, мы пока не можем достоверно судить о материале, крое и украшениях названной одежды. Однако и имеющиеся данные определенно указывают на то, что праформой глухой одежды древних юкагиров могла быть снятая чулком оленья шкура, а также тункообразная конструкция пончо. Третий тип представлен зарисовкой на бересте с поздненеолитической стоянки на р. Индигирке и позволяет допустить наличие одежды типа сарафана. Все это, в свою очередь, убеждает нас в предпочтительности более раннего возникновения глухого типа одежды по сравнению с распашным не только в тундровой, но и таежной зоне северной Евразии.

Реконструирование и анализ кроя глухой наплечной одежды юкагиров в сравнении с аналогичной одеждой народов Западной Сибири и крайнего Северо-Востока Азии, а также пришедших в более позднее время тунгусов (эвенков и эвенов) и якутов (саха) представляют собой важнейший этап в изучении костюма народов Севера. До настоящего времени материалы по глухой одежде юкагиров, тунгусов, якутов не систематизированы и вопрос практически не изучен. Типологический анализ глухой наплечной одежды народов Северной Азии, в особенности ее крой, позволил бы не только выявить древние типы одежды, но и лучше понять этногенетические процессы, происходившие в прошлом на сибирских просторах.

Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии

В гардеробе тунгусов Северо-Восточной Азии (эвенков и эвенов) наименее исследованной остается глухая одежда. Ее использование было вызвано теми суровыми природно-климатическими условиями, в которых оказались продвинувшиеся далеко на север тунгусские группы; адаптивные изменения в тунгусском гардеробе происходили при существенном влиянии одеждыaborигенных народов.

Тунгусская экспансия на север предположительно из районов Приморья, Приамурья, а затем Приангарья началась, по определению многих исследователей, в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.

[Гоголев, 2004, с. 37–39; Константинов, 1978, с. 98–99]. Появившиеся в таежной полосе Средней и Восточной Сибири тунгусские группы принесли с собой распашной тип одежды. Исследования Г.М. Васильевич показали, что основу тунгусского комплекта одежды составляют распашной кафтан и передник, общие для мужчин и женщин [1949]. Распашной кафтан (он же камзол, фрак) завязывается спереди парными ремешками, для утепления груди и живота под кафтан надевают передник. В настоящее время комплект одежды с распашным кафтаном и передником сохранился у эвенков, эвенов, негидальцев и юкагиров. Последние не являются тунгусским народом ни по происхождению, ни по языку, поэтому наличие в гардеробе юкагиров распашной одежды тунгусского типа рассматривается большинством исследователей как результат древних юкагиро-тунгусских связей и культурного заимствования, а также включения юкагиризованных тунгусских групп (родов) в состав аборигенного юкагирского сообщества [Иохельсон, 2005а; Туголуков, 1979; Юкагиры, 1975].

Продвинувшиеся на север тунгусские группы оказались в суровых природно-климатических условиях сибирской тайги, лесотундры и тундры. Годовые колебания температуры (от +40 °С летом до –50...–60 °С зимой) самым естественным образом способствовали процессу приспособления тунгусской распашной одежды к местным погодным условиям. Адаптивные изменения в гардеробе тунгусских племен имели несколько направлений.

Первый способ: приспособленный в большей степени к мягкому климату Дальнего Востока комплект распашной тунгусской одежды был дополнен на севере утепляющими предметами специальной конструкции: наушниками, ноговицами и пр. Так, комплект заимствованной от тунгусов распашной одежды лесных юкагиров снабжен несколькими видами утеплителей: меховыми шарфами различной конструкции, утеплителями щек и подбородка [Иохельсон, 2005а, с. 570].

Другим способом адаптации можно считать появление двойного принципа изготовления и ношения одежды, свойственного народам Арктики: нижний распашной кафтан шили мехом внутрь, к телу, верхний кафтан был мехом наружу. Этот принцип изготовления одежды стал применяться ко всем другим предметам гардероба: головным уборам, поясной одежде, обуви, рукавицам. Двойной комплект распашной меховой одежды тунгусов стал подобен двойным меховым кухлянкам арктических народов.

Третий способ заключается в конструктивных изменениях распашного кафтана и превращении его в одежду глухого типа. Вопрос трансформации тунгусской наплечной одежды из распашной в

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

глухую остается открытым до тех пор, пока не будут собраны достаточные материалы по раскрою глухой одежды тунгусов и юкагиров.

Следующий способ — включение в гардероб предметов одежды нетунгусского происхождения, в частности заимствованной наплечной одежды глухого типа. Глухая кухлянка, как принято считать, в Северо-Восточной Азии характерна для гардероба арктических народов — северо-восточных палеоазиатов, от которых ее восприняли прибывшие тунгусские племена. Логично также предположить, что кроме наплечной одежды тунгусы могли воспринять и другие предметы одежды аборигенов, хорошо приспособленные к зимним условиям. К сожалению, многие исследователи обходят вниманием факт присутствия одежды глухого типа в гардеробе тунгусов — эвенков и эвенов. Это досадное умалчивание объясняется, с одной стороны, тем, что глухая одежда традиционно считается присущей гардеробу аборигенных народов Чукотки и Камчатки и наличие ее в гардеробе других северных народов Якутии однозначно рассматривается как факт «чукотского заимствования». С другой стороны, во второй половине XX в. в изучении одежды народов Якутии преобладал искусствоведческий подход, когда этнографическая ценность того или иного предмета одежды определялась его экспозиционной ценностью, качеством использованного сырья и богатством украшений. Музейные коллекции пополнялись за счет дорогостоящих выставочных комплектов одежды. При таком подходе глухая одежда — домашняя, нательная, промысловодорожная, практически не имеющая украшений, выпадала из поля внимания исследователей.

К этой группе должна быть отнесена трансформированная глухая одежда аборигенов, обнаруживаемая в гардеробе тунгусов: В.Х. Иванов описывает распашное пальто камчатских эвенов, которое представляет собой обычную корякскую кухлянку, разрезанную спереди от горловины до подола [2001, с. 116].

Комплект распашной одежды каждого из тунгусских народов имеет свои особенности в материале, крое и украшениях и является источником определенной этнической информации. Аналогичные особенности и у глухой одежды народов Северо-Восточной Азии. Учитывая это, сочетание двух комплектов одежды — глухого и распашного — в гардеробе одного народа можно рассматривать как следствие каких-то этногенетических, этнокультурных процессов. Слабая этнографическая изученность гардероба эвенов и юкагиров позволяет пока лишь констатировать факт использования этими народами как тунгусской распашной, так и арктической глухой одежды. Сравнительное сопоставление тунгусской и арктической наплечной и поясной одежды (в том числе комбинезонов), головных

уборов, обуви и пр. практически не проводилось, за исключением типологического анализа наплечной одежды и головных уборов, проведенного авторским коллективом «Историко-этнографического атласа Сибири» [Историко-этнографический атлас, 1961]. Классификацию обуви народов Сибири осуществила Г.М. Василевич [1963]. Выявленные ею типы показывают, что обувь тунгусских и арктических народов имеет больше различий, чем схожих черт. Сопоставлению орнаментального искусства тунгусских и арктических народов посвящено значительно больше этнографических и искусствоведческих работ [Иванов, 1963; Каплан, 1980; Кочешков, 1989; Сельскомуителю..., 1983]. Сравнительно-типологический анализ декоративно-прикладного искусства на примере традиционной одежды тунгусов (эвенков и эвенов), юкагиров, чукчей и коряков предпринял В.Х. Иванов [2001].

Между тем глухая одежда дотунгусского населения Средней и Восточной Сибири оказала существенное влияние на одежду пришлых, южных по происхождению тунгусских групп. В предыдущем разделе были приведены сведения из архивных материалов Г.М. Василевич о том, что у местных племен, с которыми столкнулись тунгусы, одежда была чулком, у тунгусов — распашная, закрытая только по бокам и на спине [Гоголев, 2004, с. 39]. За период длительного совместного проживания тунгусов с аборигенными сибирскими народами в гардероб первых органично вошла глухая наплечная одежда. В исследованиях эвенской материальной культуры последнего времени сведения об эвенской глухой одежде чрезвычайно скучны. «Тесное взаимодействие с соседями не могло не отразиться на традиционном костюме эвенов. На Камчатке, Анадыре, нижней Колыме вместо распашной одежды вошла в употребление глухая закрытая одежда корякско-чукотского типа, более приспособленная к местным климатическим условиям. Интересно, что, восприняв эту одежду, эвены первоначально пытались придать ей более привычный для них вид. А. Сгибнев видел, например, кухлянку, украшенную по-эвенски бляхами и “хвостами” из оленьей шерсти» [История и культура эвенов, 1997, с. 101]. Не исключено, что виденная А. Сгибневым одежда представляет собой третье направление перечисленных выше адаптивных изменений. В этой книге приведен рисунок эвенского мужского глухого «кафтана» начала XX в. из коллекции МАЭ (табл. VI, 1).

Распространенное мнение о заимствовании эвенами глухой одежды от чукчей и коряков приводится в монографиях начала XXI в. [Иванов, 2001, с. 116; Алексеева, 2003, с. 91]. В.Х. Иванов дает характеристику и схематические рисунки двух «глухих рубах» березовских

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

эвенов (Среднеколымский улус РС (Я)): это верхняя зимняя кухлянка *нэндэкэ*, надеваемая на распашной кафтан, и весенне-осенняя *хамньай* из оленевой шкуры [Иванов, 2001, с. 50, табл. VIII] (табл. IV, 29а, б; 30а, б). Как пример того, что пришлые народы довольно часто заимствовали одежду аборигенов, автор сообщает об использовании ненецкой глухой парки туруханскими эвенками в качестве производственной одежды [Там же, с. 116].

Нами собраны некоторые материалы о ношении тунгусскими народами средней части и востока Сибири во второй половине XX в. глухой наплечной одежды. Сведения взяты из публикаций авторов, так или иначе касавшихся вопросов одежды эвенков и эвенов, а также из результатов наших опросов носителей культуры и народных мастерий, приезжавших со своими работами в Якутск на выставки декоративно-прикладного искусства в 90-х гг. XX в.

В гардеробе северных и южных эвенков глухая одежда присутствует наряду с распашными кафтанами. Эвенки заполярного Оленёкского улуса РС (Я) глухую мужскую наплечную одежду называют *сукуй*, такую же женскую — *саныйах* (сообщение мастерицы по шитью меховой одежды Х.А. Бенчик). Раскрой одежды состоит из двух больших пластин оленевой шкуры мехом наружу, швы располагаются на плечах и по бокам стана; рукава вшивные; спереди на груди стойка с застежкой внахлест. Одежда имеет капюшон (табл. VI, 2). Для спинки берут большую оленую шкуру с таким расчетом, чтобы спинка и затылочная часть капюшона составляли единое целое, т.е. шов между спинкой и капюшоном отсутствует. Об этой особенности в изготовлении глухой одежды народов Западной Сибири (хантов, ненцев, энцев, нганасан) писала Н.В. Лукина [1985, с. 192]. Эвенкийские мастерицы к горловине с двух сторон пришивают боковые детали капюшона, на макушку вшивают деталь круглой формы. Две большие пластины — основы стана — по бокам сшиты не полностью: у подола их оставляют свободными «для удобства». По сообщению Х.А. Бенчик, в старину у этой одежды был «хвост», которого сейчас не делают (о наличии «хвоста» в старинной одежде эвенов см. [История и культура эвенов, 1997, с. 93; Алексеева, 2003, с. 82–83]).

Другая эвенкийская мастерица из того же улуса П.И. Семенова глухую одежду называет *сукуй*, *нобде* и *кухлянка*. Отметим, что названия глухой одежды оленёкских эвенков заимствованы: *сукуй* — глухая наплечная одежда нганасан, *сукун* — название одежды тундренных юкагиров [Данилова, 2004, с. 56], *саныйах* — як. «меховая шуба». Слово *кухлянка* является распространенным в языках народов Сибири и русского населения Северной Евразии (*куклянка*, *кукашка*, *кукля*, *куколь*, *кукуль*).

У эвенков-орочонов Южной Якутии, кочующих по притокам Верхнего Амура, глухая одежда обнаруживается в религиозной атрибутике. А.И. Мазиным описаны пять шаманских костюмов орочонов, из которых четыре относятся к распашному типу и один — к глухому. При этом ни один распашной кафтан не выполнен в традиционном тунгусском крое, что, возможно, находит объяснение во влиянии раскroя европейско-русской или иной одежды. Одной из общих характеристик наплечной шаманской одежды орочонов является наличие пришитой к спинке (на уровне лопаток или от пояса) длинной кисти (или нескольких кистей). Глухая шаманская куртка принадлежала С.А. Григорьеву из рода Каптугар; основу ее составляет одна пластина из ровдуги лося, согнутая пополам в плечевой части [Мазин, 1984, с. 130–136, табл. 34, 35]. Для расширения переда и спинки от ворота до подола по центру вшиты продольные клинья (табл. VI, 3). Клинья, расширяющие спинку тунгусской одежды, отсутствуют. Нет их и на других описанных А.И. Мазиным распашных шаманских куртках. Способ расширения глухой куртки клиньями по центру имеет аналоги в изготовлении женских комбинезонов чукчей и коряков, у которых левая и правая части одежды соединены продольной деталью [Богораз, 1991, с. 178], а также в способе трансформации распашной мужской нганасанской одежды в глухую [Прыткова, 1970].

На орочонских ритуальных меховых ковриках *наму* изображения сэвэки — доброго духа Верхнего мира, постоянно заботящегося о людях, облачены в глухую одежду или комбинезон [Мазин, 1984, с. 16, рис. 8; табл. 1–3] (табл. VI, 4). В глухую одежду одеты деревянные мужские и женские амулеты *сэвэкичан*, помогающие орочонам в хозяйстве и промыслах [Там же, с. 28, 29, рис. 14, 15] (табл. VII). Все приведенные образцы глухой одежды эвенков-орочонов имеют общие характерные детали: пояс, бахрому по подолу, в то же время отмечаются различия в украшениях ворота, наличии или отсутствии капюшона, нагрудника (в шаманской одежде). Представитель этого народа, известный писатель и тунгусовед, д-р филол. наук Г.И. Варламова (Кэптукэ), кочевавшая в детстве с оленеводами, вспоминает, что одежда глухого типа в качестве повседневной, промысловодорожной или праздничной ей не была известна (МА).

Факт присутствия глухой одежды в сфере, наиболее консервативной и менее всего изменяющейся — религиозной, причем касающейся облика одного из верховных божеств сэвэки и связанных с ним амулетами *сэвэкичан*, сам по себе весьма примечателен. Исследователь материальной и духовной культуры эвенков-орочонов А.И. Мазин писал: «Судя по имеющимся материалам, шаманские

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

мировоззрения эвенков-орочонов, по сравнению с другими группами эвенков, формировались совершенно в иной социальной среде. У них другие представления о вселенной, ее устройстве, душе, духах-хозяевах» [Мазин, 1984, с. 104]. Изложенное позволяет поставить вопрос о нетунгусском происхождении данной группы эвенков, скорее всего в предках эвенков-орочонов можно видеть группу отунгущенных аборигенов края, носивших глухую одежду.

Глухой тип наплечной одежды имеется в обиходе другого тунгусского народа Якутии — эвенов (ламутов). В гардеробе почти всех территориальных групп северных тунгусов (эвенов) кроме распашного кафтана присутствует глухая арктическая кухлянка (табл. VIII, 1, 2).

С.И. Николаев отмечает, что у эвенов юго-востока Якутии «изредка встречается энгир — глухая арктическая кухлянка из оленевого меха, сшитая вместе с капюшоном и надеваемая через голову. Покрой ее свободный, без вытачек на поясе и без расширения в подоле» [1964, с. 93–94]. У охотских эвенов бытует зимняя легкая кухлянка с капюшоном энер и весенне-осенняя меховая кухлянка нэннэкэ, от нэннъэни — весна [Данилова, 1991, с. 38].

«Для эвенов Магаданской области характерно ношение глухой арктической кухлянки из оленевого меха, сшитой вместе с капюшоном и надеваемой через голову — нэндэкэ... Покрой такой кухлянки свободный, без вытачек на поясе и без расширения на подоле. Кухлянка вся полностью шьется мехом наружу... Капюшон украшается по всему краю небольшой меховой каймой, переходя у ворота в небольшой нагрудничек, также орнаментированный и спускающийся вперед к груди, который является просто украшением самой кухлянки. Кухлянка нэндэкэ, глухие меховые штаны-унты и шапка малахай (*конайта* и *корбака*) — эта меховая одежда эвенов является результатом культурных связей с тундренными соседями-палеоазиатами» [Элрика, 1998, с. 72].

Березовские эвены Среднеколымского улуса РС (Я) глухую одежду называют нэндэкэ (сообщение мастерицы по шитью меховой одежды А.И. Хабаровской из пос. Березовка). Фото мужской и детской нэндэкэ, сшитых из белой оленевой шкуры, приводятся в альбоме М.Е. Роббек [2004] (табл. VIII, 3, 4). Легкую весенне-осеннюю глухую рубашку березовские эвены называют хамньай [Иванов, 2001, с. 50], ср. рус. камлейка, камлея.

Мужскую зимнюю и весенне-осеннюю одежду нижнеколымских эвенов также можно разделить на два типа — глухой и распашной. Дорожную мужскую кухлянку называют *hэйэкти тэти*, от *hэйэк* — чукча, коряк, *тэти* — верхняя одежда, т.е. чукотская (ко-

рякская) одежда, считающаяся заимствованной, и распашная — *ил-кади тэти*, где *илкан* — самоназвание эвенов нижней Колымы [Данилова, 1991, с. 38–39]. Кроме того, нижнеколымские эвены под зимнюю кукашку и эвенский кафтан надевали глухую рубашку *хаптук* из летней шкуры оленя или телячей шкуры [Там же, с. 38].

Индигирские эвены надевали глухие *хаптук* мехом внутрь и *хобдэ* мехом наружу (сообщение канд. филол. наук Х.И. Дуткина).

По сообщению канд. истор. наук А.А. Алексеева, представителя ломункинских и саккырырских эвенов, в Эвено-Бытантайском улусе РС (Я) в настоящее время в некоторых семьях надевают глухую одежду *хокуй*, заимствованную от юкагиров. А.А. Алексеев считает слово *хокуй* юкагирским по происхождению: ср. *сукун* — название одежды тундренных юкагиров, например *вадунсукун* — «одежда юкагирского покроя», где *вадун* (от юк. *вадул* — «сильный») — самоназвание юкагиров [Курилов, 1990, с. 38].

Мы не располагаем сведениями о наличии глухой одежды в группе алданских эвенов с центром проживания в с. Тополином.

Нет сомнения, что камчатские эвены, длительное время проживавшие в соседстве с чукчами, коряками, ительменами, были знакомы с их традиционным костюмом. Так, упоминается принадлежащая гардеробу камчатских эвенов кухлянка с типичным корякским орнаментом, но разрезанная от горловины до подола [Иванов, 2001, с. 116].

Согласно собранным материалам, глухой тип наплечной одежды был так же характерен для гардероба северных тунгусов, как и распашной. Глухая меховая одежда сейчас используется в условиях полярной зимы в качестве промыслового-дорожной, а изготовленная из ровдуги является повседневной и нарядной. Обращает на себя внимание разнообразие ее названий: *энгир*, *энер*, *нэннэкэ*, *нэндэкэ*, *хаптук*, *хобдэ*, *хокуй*, *хамньай* и др. Заимствование одежды могло сопровождаться заимствованием названий из лексики соседних народов, среди которых нганасаны, юкагиры, чукчи, коряки, северные русские, якуты.

Распространенное предположение об использовании тунгусами глухой одежды в результате заимствования и культурных связей с коренными народами Северо-Восточной Азии нуждается в дальнейшем исследовании. Опираясь на предположение о двух составных частях эвенской культуры — пришлом тунгусском и местном аборигенном, мы полагаем, что именно с аборигенным компонентом (древнеюкагирским, дочукотским) связано появление в гардеробе тунгусов (эвенков и эвенов) не свойственной им глухой кухлянки.

Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и русских

Южные предки якутов, пришедшие в пределы средней Лены в первой половине II тыс. н.э., имели распашной тип наплечной одежды, удобный для верховой езды. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы древнеякутских погребений [Гаврильева, 1998; Константинов, 1971; Носов, 1988; Окладников, 1955]. Древние якуты — коневоды и скотоводы — и оленеводческие тунгусские племена при военных переходах и мирных перекочевках использовали домашних животных под седло и под выюк, в связи с чем верховая езда потребовала выработки в недрах этих культур наплечной одежды особой конструкции. Именно особенностями хозяйствственно-бытового уклада и влиянием мягкого южного климата объясняется наличие распашной наплечной одежды в гардеробе указанных народов.

Опубликованные материалы древнеякутских погребений Центральной Якутии показывают, что верхняя и нижняя наплечная одежда якутов имела распашной крой. Нательные «рубахи» по покрою «несколько напоминали халат народов Приамурья... или одежду девушки-бурятки, но в отличие от них якутская старинная женская рубаха имеет прямой разрез передних пол и застегивается по средней линии переда слева направо на три пуговицы» [Гаврильева, 1998, с. 35]. Вместе с тем исследователь пишет, что «на покрой, украшение и цветосочетание древнеякутской одежды, особенно свадебной шубы тангалай, оказывали влияние покрой и декор тунгусской, а еще больше — юкагирской наплечной одежды» [Там же, с. 42]. К сожалению, этот тезис автор не подкрепляет типологическим и сравнительно-историческим анализом накопленного этнографической наукой фактического материала. Возможно, причиной тому стала слабая изученность древнеюкагирской одежды, ставшей объектом пристального внимания только в конце XIX в. Исследования древнеюкагирской одежды обнажили множество «белых пятен» в изучении культуры этого народа вообще, нерешенность многих спорных вопросов, поставленных В.И. Иохельсоном в конце XIX — начале XX в. В силу этих причин исследования по костюму древних юкагиров еще находятся в области гипотез и далеки от окончательных выводов.

Древние юкагиры — автохтоны края и пришедшие позднее тунгусы (эвенки) составляли население средней Сибири, куда в первой половине II тыс. н.э. пришли южные предки якутов. Продвигаясь далее на север, якуты вышли к арктическому побережью и здесь, на севере, их культура претерпела значительные изменения. Традиционная культура северных якутов-оленеводов, как считал И.С. Гур-

Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и русских

вич, «представляет собой результат сложных и длительных взаимодействий эвенкийской и якутской культур, наслонившихся на какой-то древний аборигенный субстрат» [1977, с. 236]. Определенное влияние культур коренных народов испытывали также якуты центральных и южных улусов (табл. VIII, 5).

При изучении генезиса якутской одежды в первую очередь необходимо взять во внимание природно-климатические особенности Северо-Восточной Азии, под влиянием которых у якутов, так же как и у тунгусов, появились в гардеробе различные дополняющие утеплители (шарфы, рукавицы до локтей, набрюшники, ноговицы и пр.), вошли в гардероб предметы одежды аборигенных народов (например, наплечная одежда глухого типа), произошли конструктивные изменения в крое южной распашной наплечной одежды.

Одежда аборигенных народов, будучи хорошо адаптированной к местным погодным условиям, видоизменялась и развивалась под влиянием других факторов. Мы полагаем, что главным стимулом к ее изменению были потребности развития технологий, обновление и усовершенствование способов изготовления предметов традиционной культуры, повышение комфортности и эстетики одежды.

Одним из источников получения информации были пришлые племена южного происхождения — прибывшие в среднюю часть и на восток Сибири в I и II тыс. н.э. тунгусские группы, затем южные предки якутов и русские. Заимствование новых технологий теоретически должно обнаружиться в появлении новых материалов и форм орудий труда и вооружения, жилищах и средствах передвижения, способах изготовления посуды, материале и крою одежды аборигенных народов. Однако отдельные древние формы орудий труда, пре-восходящие другие своими утилитарными качествами, сохранялись на протяжении многих тысячелетий. При прежних исходной форме орудия и его основных типологических характеристиках менялись материал и соответственно техника обработки. Показательным примером в этом отношении является так называемый якутский нож. Это орудие древних охотничих племен Якутии с асимметричным сечением в период каменного века изготавлялось на крупных сколах кости, затем его форма воспроизводилась в бронзовых ножах, а с наступлением эпохи железа — в кованых и литых металлических ножах [Жукова, 2002а].

Теоретически каждая новая волна пришельцев несла потенцию новых форм, материалов и технологий, которые избирательно могли быть восприняты аборигенами. Новая волна миграции — это очередной толчок извне для эволюции и увеличения типологического разнообразия аборигенной культуры и широкого, как показали архео-

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

логические исследования, распространения среди аборигенного родственного массива воспринятых нововведений. Новаторство и приверженность к заимствованиям были основными механизмами выживания местных культур. «Характерно, — писал исследователь культуры северных якутов-оленеводов И.С. Гурвич, — что поток нововведений, привнесенных якутами-переселенцами, не просто захватил все области культуры (арктических аборигенов Северной Якутии. — Л. Ж.), а лишь те, где пришельцы могли внести усовершенствования, где их достижения были более значительны и весомы» [1977, с. 236]. Вполне понятно, что каждая последующая этническая волна в той или иной степени видоизменяла облик аборигенной культуры и отдала традиционные элементы от исходных форм. «Метисация» — закономерный результат мирного взаимодействия разных традиционных национальных культур. Таким образом, в материальной культуре аборигенных и пришлых народов происходили встречные процессы, в результате которых сложились существующие по настоящее время традиционные культуры малочисленных народов Севера, якутов (саха) и русских старожилов средней части и востока Сибири.

Имела ли древнеякутская одежда сходство с древнетунгусской или с распашной древнесамодийской одеждой, отличной от древнетунгусской, — вопрос все еще остается открытым [Прыткова, 1970]. Особое внимание при этом следует уделить одежде народов, проживавших в соседстве с предками якутов в южных районах Сибири.

Древнеякутская распашная одежда не имела нагрудника, характерного для гардероба тунгусских племен. В условиях севера распашную одежду без нагрудника носили некоторые самодийские, угорские народы, не отмечен нагрудник в распашной одежде тюркоязычных народов Алтая [Лукина, 1985, с. 187]. Н.В. Лукина, исследовав одежду хантов, писала, что для восточных хантов характерно устойчивое сохранение распашной одежды, которая не могла защитить тело от морозов в такой мере, как глухая. Эта одежда не соответствовала суровым северным условиям, оставляя грудь открытой, «но, тем не менее, как распашную одежду, так и рубаху с нагрудным разрезом обские угры носили без нагрудника... Перед нами яркий пример следования этнической традиции вопреки внешним факторам (которые, казалось бы, должны были ее сломать): суровым природным условиям и этнокультурным связям с народами, имевшими нагрудник» [Там же, с. 186–187]. Исследовательница задает вопрос, закономерно возникающий после обработки собранных материалов: «Не была ли рубаха у хантов издавна эквивалентом нагрудника?», т.е. была ли глухая рубаха древнейшей нательной одеждой хантов.

Нечто подобное отмечал В.И. Иохельсон у юкагиров в связи с устойчивым использованием ими распашной одежды тунгусского типа (см. цитату на с. 28).

Как было упомянуто ранее, материалы якутских погребений XVIII в. показывают, что в комплект погребальной одежды якутов входили распашные рубахи, кафтаны, шубы и дохи. Наличие нагрудника нигде не отмечено. Рубахи, сшитые из ткани, считаются русским заимствованием: «Иногда встречаются остатки нательных рубашек из материи, короткие как у мужчин, так и у женщин. Фабричные ткани, безусловно, доставлялись русскими, и рубашки кроились по русским образцам» [Константинов, 1971, с. 67]. О нижней одежде якутов конца XIX в. писал политсынний, исследователь якутской культуры В.Л. Серошевский: «В настоящее время только крайние бедняки надевают сон и сангыях (верхняя распашная одежда якутов. — Л. Ж.) прямо на голое тело. Всякий мало-мальски имущий якут и якутка носят рубаху, по-якутски — ырбахы. Обыкновенно это синяя дабовая рубаха, одинакового для обоих полов покроя. У мужчин она достигает до половины лядвей (бедер. — Л. Ж.), у женщин до колен, у богатых якуток до щиколотки. У богатых она часто ситцевая или из серпинки, цветная, и шьется иногда наподобие блузы. Такую женскую рубаху зовут халадай» [1993, с. 323]. Из описания не ясны особенности раскroя сходных между собой мужских и женских рубах; ключевое значение может иметь указание на женскую рубаху, которую «иногда шьют наподобие блузы» и называют халадай. Халадай — широко распространенное в XX в. среди якутских женщин всех возрастов платье глухого покроя из ткани. Платье шьют на лифе, со стойкой на пуговицах сзади или спереди; длиною до щиколоток; подол часто украшает байбара — широкая полоса-оторочка из той же или другой ткани. Рукав длинный с манжетой. Мужская глухая блуза якутского названия не имеет, как распашные рубахи XIX в., она называется ырбахы, что явно указывает на ее заимствованный характер (табл. IX, 1). Интересно, что название женской наплечной одежды халадай имеется у бурят, но там она распашная с характерной застежкой на боку и тремя пуговицами (МА). Напрашивается также вопрос, не соотносится ли название этой одежды с известным восточным «халатом».

Некоторые материалы по глухой одежде северных якутов, населяющих северо-западные улусы РС (Я) — Анабарский, Оленёкский, Булунский, Жиганский, находим у И.С. Гурвича. Мужские глухие «рубахи (ырбаахы) шили из бумаги или байки. Они имели прямой перед и зад, снабжались небольшим стоячим воротником. Рукава расширялись у проймы, сужались к кистям и заканчивались манже-

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

тами. Справа или слева на рубаху нашивали карман (анныкан). Сохранились воспоминания о том, что лет пятьдесят назад рубаху шили из ровдуги. Однако покрой ровдужных рубах восстановить не удалось. В более отдаленное время рубахе предшествовал нагрудник-передник» [Гурвич, 1977, с. 81]. Описание позволяет определить последовательность изменений нательной одежды северных якутов: нагрудник-передник (с распашной одеждой) — рубаха из ровдуги (глухая или распашная?) — глухая рубаха из ткани, считающаяся русским заимствованием. Эта цепочка вызывает много вопросов. Например, нагрудник-передник не входил в гардероб пришлых южных предков якутов, он присущ тунгусскому комплекту одежды. Следовательно, его надо рассматривать как указание на тунгусский компонент в этническом составе северных якутов. Известно, что «значительные группы эвенков, эвенов, юкагиров были ассимилированы вилюйскими, индигирскими, колымскими, олекминскими якутами» [Там же, с. 237] и именно через Вилюй шло заселение якутами Северо-Западной Якутии.

Сообщение об изготовлении рубахи из ровдуги обнаруживает два возможных совершенно различных ее источника: распашные рубахи могли принадлежать пришлым южным племенам, глухие же указывают на влияние автохтонных элементов. Поэтому определение расцроя ровдужных рубах северных якутов принципиально важно. Изготовление глухой якутской рубахи из ткани в XX–XXI вв. также может иметь два источника: либо это уже отмеченное подражание русским рубахам XVII–XIX вв., либо перенесение на ткань традиции изготовленияaborигенной глухой рубахи из ровдуги и меха. В любом случае о заимствованном характере этой одежды говорит ее название, взятое из лексики русского языка, — *ырбаахы*.

Представляется важным получить ответ на вопрос о распространенности глухой нательной и верхней одежды уaborигенных народов Северной Евразии. Вероятнее всего, по нашему мнению, пришедшие на север предки якутов заимствовали отaborигенного населения одежду глухого типа с расцроям, характерным для платья *халадай*; затем от русских были восприняты ткань, некоторые детали кроя (стоячий воротник, карман и пр.) и само название «рубаха». Произошла настоящая «технологическая революция» в изготовлении одежды — глухие рубахиaborигенов из местного сырья были заменены на легкие и комфортные, менее трудоемкие в изготовлении, но дорогие по цене. При этом были принесены «в жертву» теплозащитные качества одежды — вряд ли рубахи из бумаги или байки могли в этом отношении заменить одежду из ровдуги и меха.

Краткое описание раскroя и рисунок платья *халадай* находим в этой же работе И.С. Гурвича. Женской рубахой *дъахтар ырбаахыта* северные якуты называли длинное женское платье. «Их шили обычно из ситца яркой расцветки, бумазеи или байки. К короткому лифу пришивали в мелкую складку широкую юбку из двух или четырех клиньев. Низ юбки оторачивался широкой оборкой (байбара), а соединительный шов обшивался кантом яркого цвета. Прямые широкие рукава, узкие у кисти, с манжетами вшивались в мелкую складку. Лиф имел разрез спереди во всю длину. К разрезу к правому или левому борту пришивали планку для петель или завязок. Ворот был круглый. Воротничок — стоячий» [Гурвич, 1977, с. 85]. Современные нарядные платья *халадай* центральных якутов шьются так же, но в отличие от описанных *дъахтар ырбаахыта* иногда имеют застежку на спине, на груди располагают серебряное украшение. Такое платье составляет основу национального женского костюма якутки, на него надевают длинный жилет-безрукавку *кэниэччик*.

Изучение якутских мужских и женских рубах из ткани, считающихся русским заимствованием, может дать очень любопытную информацию. Во-первых, сохранившиеся фрагменты ткани из древнеякутских погребений помогут в определении мастерских и фабрик, снабжавших своей продукцией Северо-Восток Азии; во-вторых, особенности кroя глухих рубах, возможно, укажут на регион, откуда прибыли на Северо-Восток Азии русские землепроходцы. Известно, что пришлые казаки были в основном выходцами из северных русских земель — Вологды, Новгорода, Великого Устюга и др. Значит, подобную конструкцию глухой одежды можно будет найти у населения северных русских земель. В соседстве с русскими там издавна проживали коренные северные народы, в традиционном гардеробе которых имелась как глухая, так и распашная одежда. «Рубаху на кокетке носили манси. У северных хантов рубаха-платье на кокетке и с широкой оборкой появилась в начале XX в. Н.Ф. Прыткова отмечает, что по типу она близко примыкает к татарской, и связывает ее появление с влиянием этого народа. Но у татар, так же как и башкир, рубаха с воланом и на кокетке является более поздней. Материалы по сургутским хантам, не соприкасающимся с татарами, говорят о самостоятельном развитии указанных признаков» [Лукина, 1985, с. 163]. В XIX в. глухую полотняную рубаху туникообразного покroя с сарфаном и передником надевали на Кольском полуострове саамские женщины. У передника вдоль подола шла широкая сборка [Лукьянченко, 1994, с. 235]. Рубаха на кокетке с оборками имела в прошлом довольно широкое распространение, в Якутии ее носили тунгусские [Васильевич, 1949, с. 5] и юкагирские женщины (Е.Н. Дьячкова).

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

Высказанное Н.В. Лукиной соображение относительно самостоятельного происхождения женской рубахи с кокеткой и оборками у хантов не позволяет однозначно объяснить происхождение якутского женского платья *халадай* и мужской глухой рубахи русским заимствованием. Мы видели, что древнеякутская одежда как верхняя, так и нижняя была распашного кроя, позднее, в XIX в. и в особенностях в XX в., распространение получила глухая рубаха. Тогда же она вошла в национальный костюм якутов. Из этого с большой долей вероятности может следовать, что в XIX–XX вв. происходило завершение адаптации якутской культуры к природно-климатическим условиям средней части Сибири и особенностям национально-культурного окружения, вырабатывались основные компоненты якутского костюма и другие составляющие элементы национальной культуры. Одновременно происходил процесс усвоения якутского языка и культуры аборигенным населением, значительно увеличивший численность и ареал расселения народа саха (якутов).

Мы предположили, что русским влиянием объясняется только выбор материала рубахи (ткань) и отдельных деталей кроя, а глухая основа стана якутской рубахи, вероятнее всего, принадлежит аборигенной традиции. Значит, особенности стана рубахи-платья (лиф-кокетка, два или четыре полотнища основы стана и надставка по подолу) могут быть обнаружены в аборигенной одежде. Действительно, в глухой меховой одежде северных народов имеется близкая конструкция. Н.Ф. Прыткова считала, что у пришлых самодийцев на основе опыта местных групп древних арктических аборигенов сложились три способа раскroя мужской глухой одежды (см. разд. «Адаптация одежды древних пришлых групп населения...»). Нас в данном случае интересует второй способ, предполагающий кокетку, 2–4 полотнища стана и меховую оторочку (т. юк. *апаван*, коряк. *опуван*) (табл. I, 4). Этот крой был известен некоторым народам, населявшим Западную Сибирь и крайний Северо-Восток Азии (чукчам и корякам), вполне вероятно, что он имел более широкое распространение в Северной Евразии. С появлением новых материалов (ткани) и новых технологических возможностей, принесенных русскими, народы Севера перенесли на новый материал свой традиционный крой, что мы видим на примере изготовления распространенных в Сибири женской рубахи-платья с оборками по подолу и мужской рубахи на кокетке. Обшивание соединительных швов одежды кантом яркого цвета также свидетельствует об аборигенной традиции.

Таким образом, якутская глухая рубаха косвенно указывает на конструкцию одежды древних аборигенных дотунгусских племен Якутии, а крой ее — аналог самодийско-палеоазиатскому. Южные

предки якутов в процессе адаптации своего гардероба к климатическим условиям Севера и в результате контактов с местными аборигенами восприняли у последних меховую и кожаную наплечную одежду глухого типа, а с появлением ткани, как и другие народы Сибири, перенесли на нее уже усвоенный раскрой, дополнив некоторыми деталями (воротник, карман и пр.).

К вышеизложенному можно добавить, что нательные распашные рубахи в древнеякутских погребениях были короткими как у мужчин, так и у женщин, с течением времени глухие рубахи-платья *халадай* стали шить длинными, до щиколоток.

Что касается верхней одежды якутов, то на Севере она также претерпела изменения. Якуты стали использовать верхнюю одежду не характерной для них конструкции: «Дохи (дакы), парки (паркы), куклянки (куклянки), кукашки (кукашки) — редко шьются якутами самолично, чаще они покупают их готовыми у чукчей, тунгусов и юкагиров. Их названия: дакы, паркы, кукашки, куклянки и проч. — позаимствованы якутами у русских, а на материал для них употребляются исключительно оленьи меха» [Серошевский, 1993, с. 321]. В 30–40-е гг. XX в. вилюйские якуты носили *сукай* — глухую одежду из выделанной кожи (сообщение канд. филол. наук Е.С. Сидорова). Исследования одежды северных якутов в 60-х гг. XX в. показали, что «наряду с распашной одеждой в тундровых районах пастухи и каюры носили и глухие дошки (*сокуй*) поверх обычных зимних дошек. Название глухой дошки свидетельствует о ее самодийском происхождении. Глухая одежда этого вида была известна и соседям северных якутов — юкагирам, эвенкам, долганам... Глухую одежду — кухлянки приобретали у долган, ненцев, все же мастерицы из северных якутов умели кроить и шить эти виды одежды и изготавливать их, если в этом была необходимость» [Гурвич, 1977, с. 85–86] (табл. IX, 2, 3а).

Так, приведенные материалы по глухой одежде якутов с привлечением данных по одежде народов Сибири позволили совершить экскурс в историю на значительную хронологическую глубину. Широкая ретроспекция показала, что глухая одежда в гардеробе якутов, безусловно, принадлежит к позднейшим приобретениям, но она сохранила и донесла до современности некоторые особенности костюма древних аборигенов, с которыми якуты вступали в контакты в процессе освоения края. Предложенный метод сравнения и сопоставления одежды разных народов позволяет с оптимизмом воспринимать попытки исследователей реконструировать одежду древнего населения Северной Евразии, в том числе праюкагиров.

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

Глухую одежду использовало также русское старожильческое население средней части и востока Сибири. Исследователь-краевед А.Г. Чикачев называет несколько видов глухой наплечной одежды жителей с. Русское Устье (р. Индигирка): повседневная одежда без капюшона (мужская — дундук, женская — парка), дорожная кухлянка и камлейка из ткани или кожи (ровдуги) (МА). В книге «Русские на Индигирке» А.Г. Чикачев приводит описание женской и мужской повседневной и дорожной одежды русскоустынцев: «В будние дни женщины носили обычное платье — капот — такой длины, чтобы прикрывались икры ног, с длинными рукавами и закрытым воротником. Платье застегивалось спереди. Поверх платья надевали сарфан — “передник”... Иногда в дорогу женщины надевали “парку” — глухую одежду из оленых шкур мехом наружу длиной ниже колен, немного расширяющуюся к подолу. Парку опушали песцовым или лисьим мехом, украшали по подолу узкими полосками сукна. Этот вид одежды, по-видимому, заимствован русскими у соседей: юкагиров или чукчей» [1990, с. 95–96].

Далее автор пишет: мужская «рубаха русского покроя со стоячим воротником подвязывалась кушаком и напускалась на брюки. Поверх носили песцовый жилет, крытый материей.

Дундук — меховая рубашка, сшитая из летних оленевых шкур мехом наружу, длиной до колен. Подол дундука обшивали волчьим мехом.

Паровой дундук — две меховые рубашки, надетые одна на другую, внутренняя рубашка носилась мехом внутрь, а наружная — наоборот. К нижнему дундуку пришивался большой отложной воротник из волчьего меха, который выпускался поверх верхнего дундука. Нижний дундук имел два накладных кармана и надевался прямо на рубаху. Поверх дундука для предохранения его от влаги надевали «камлейку» — широкую матерчатую рубаху с капюшоном.

Кухлянка — большая меховая длиной ниже колен рубаха, с капюшоном или без него, сшитая из оленевых шкур. Надевалась поверх пальто или дундука вне помещения» [Там же, 1990, с. 97].

Глухую одежду рускоустынцев едва ли можно однозначно считать русским заимствованием от аборигенных народов (юкагиров, чукчей). Русское население на северо-востоке Сибири по рекам Оленёк, Лена, Яна, Индигирка, Колыма, Анадырь складывалось в XVII в. из «служилых и охочих людей». Отряды землепроходцев в большинстве своем составляли выходцы из северных окраин Российской государства. А.Г. Чикачев со ссылкой на работу И.С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири» (М.: Наука, 1966) пишет: «Уже в 1652 г. на Индигирке оброк уплатили 142 человека: ус-

тиюжане, вятычи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы» [Чикачев, 1990, с. 24]. Не исключено, что русское население к северо-западу от Урала было знакомо с глухой промысловодорожной одеждой еще до организации казачьих походов на Северо-Восток Азии. Исконными носителями глухой северной одежды являлись аборигенные уралоязычные племена, проживавшие здесь, по-видимому, с раннеголоценового (?) времени и вошедшие в этнический состав северного русского населения. Возможно, по этой причине глухая одежда русских переселенцев на восток имеет сходство с аналогичной одеждой аборигенных народов Северо-Востока Азии. Расселяясь в восточном направлении, русские распространяли на весь Северо-Восток Азии свои названия глухой одежды: *кухлянка*, *кукуль*, *камлейка* и пр. Вполне вероятно, что этимологию этих терминов одежды следует выводить в связи с уральскими языками.

Название глухой одежды *кухлянка* является общераспространенным у русского населения Северной Евразии (*куклянка*, *кукашка*, *кукля*, *куколь*, *кукуль*), используют его и народы Сибири. Словарь В. Даля дает следующее пояснение: «*Куклянка* — нераспашная (рубахой) верхняя одежда, вместо шубы, из оленя или пыжика, шерстью наружу и с куколем, башлыком; она длинная, ниже колен. Парная *куклянка*, двойная, шерстью внутрь и наружу» [Даль, 1994, т. 2, стб. 548]. «*Куколь*, *кукуль* (лат. *cucullus*, *cucullio*, ср.-лат. *cuculla*) и *кукля* — накидка, колпак, пришитый к вороту сзади... капюшон, куль. Он же, арх. — отдельный холщовый башлык, с завязками в виде ушей, от комаров, и рубаха с таким же башлыком, надеваемая тюлеными забойщиками сверх теплой одежды, под цвет снега и льда» [Там же, стб. 549].

У М. Фасмера находим, что *куколь* — капюшон, др.-рус., ст.-слав. *коуколь* — то же, также *кукуль*. Займствование из ср.-греч. и лат. Отсюда же с.-в.-р. *куколь* — «капюшон из оленьего меха, льняное покрывало от комаров» [Фасмер, 1967, с. 406]. Карельский *kukkeli*, олонецк. *кукель* — «льняной мешкообразный платок для защиты от комаров» [Там же, с. 405]. У тундренных юкагиров *кукун* «вещь, предмет одежды», напр. *арэндъэ* *кукун* или *арэндъэ* *шукун* — «одежда с клапаном “арэ”» — детский меховой комбинезон с незашитым отверстием для отправления естественных надобностей [Иохельсон, 2005а, с. 581], ср. также *сукун* — общее название одежды и материала для изготовления тех или иных вещей [Данилова, 2004, с. 56]. *Кукул* — «черт» тундренных [Курилов, 1990, с. 101] и лесных [Спиридонов, 1997, с. 35] юкагиров. *Кукуль* — меховой спальный мешок у русских на Северо-Востоке Азии, у тундренных [Курилов, 1990, с. 101] и лесных юкагиров. Ср.: кол. як. яз. *кукуул* и *сукуй* —

Гл. 1. Глухая одежда народов Якутии

глухая доха с капюшоном, кухлянка: *кукулээнки, кукулээнкэ, кункулээнки* [Воронкин и др., 1995, с. 90].

Безусловно, гардероб арктических народов значительно повлиял не только на одежду тунгусов и якутов, но также на одежду русских казаков, купцов, мещан. Приведем несколько примеров, на наш взгляд, иллюстрирующих оригинальность местного русского гардероба. Вот как в «Летописи города Якутска», составленной кандидатом богословия П.П. Явловским, описывается одежда казаков Якутского пешего городового полка в начале XIX в.

1816 г. «Вновь прибывшим областным начальником Миницким произведен смотр местной казачьей команды. Последняя представилась ему в самом бедственном состоянии: казаки явились в оборванной кожаной, из телячьих или оленьих шкур одежде и почти без обуви. Вследствие этого временно введена была новая форма: желтые камлеи с нешироким воротником и обшлагами из синего сукна, из которого были и погоны с вышивкой “Я.К.П.”. Материалы для этой формы легко можно было всегда достать в Якутске и по сходной цене».

1817 г. «50 казаков завели себе на собственное иждивение форму следующего образца: мундиры и рейтзузы из синего или темного сукна; воротник, лампасы и пруты из красного сукна; кивера черные, плисовые с красным суконным верхом, с белым султаном с этишкетом из белых нитей; фуражка из синего или темно-зеленого сукна с красным околышем и козырьком. Прочие казаки имели камлеи ровдужные или китайчатые, парки из звериных шкур, казакины или чекмени из синего сукна с одною медною пуговицею у ворота» [Явловский, 2004, с. 21–22].

Вот описание казенного обмундирования декабристов М.А. Назимова и Н.С. Бобрищева-Пушкина I, сосланных в Колымский округ Якутской области в 1826 г. «В Якутске Назимов и Бобрищев-Пушкин I были снабжены казенной теплой одеждой; каждый получил по паре торбасов, по две пары теплых ичигов, рукавицы, шапки, штаны на заячьем меху и по шубе, также на заячьем меху, покрытой серым сукном. Такое снаряжение нельзя назвать для северного путешествия достаточным, особенно непригодны были заячий шубы. В такого рода путешествиях в Якутии незаменимыми являются оленьи дохи». В декабре того же 1826 г. ссыльные были отправлены обратно в Якутск, перед отправкой для них была изготовлена новая одежда. Счет, представленный местному исправнику (начальнику полиции), показывает уже иную экипировку ссыльных, более соответствующую долгому зимнему путешествию и, по-видимому, по ней можно судить об одежде населения этого округа. «Употреблено зайчинных шкур на

шапки 6, на нагрудники 8, под рукавицы 10, под фуфайку с рукавами 17, итого 46 по 15 коп., на 6 р. 15 коп. На два ошейника и на опушку шапок хвостов песцовых белых по 5 коп. на 85 коп., на две пары длинных сутуров (внутренние штаны) две олены белые шкуры по 4 р. на 8 р., две пыжачки куклянки по 15 р. на 30 р., на покрышку фуфайки две лицевочные ровдуги по 1 р. 50 коп. на 3 р., на одни торбасы 12 оленых черных камосов на 1 р. 50 коп., на 2 шапки по неимению зайчинных шкур 5 песцов белых по 2 р. на 10 р., на две пары рукавиц 8 медвежьих лап по 25 коп. на 2 р.» [Попов, 2006в, с. 310].

Приведенные описания характеризуют одежду, бытовавшую в сфере военно-административного управления Якутским краем, в гардеробе казаков Якутского пешего полка особенно ярко проявляется ее смешанный характер. Не только казаки, политические ссыльные, но и православные священники носили одежду аборигенных жителей края (табл. IX, 4). О преимуществах глухих кухлянок и камлеек перед распашной паркой писал В.Г. Богораз: «Покрой зимней одежды чукоч и коряков удивительно приспособлен для тамошней суровой зимы, поэтому он распространяется среди многих племен Северо-Восточной Азии, включая и русских. Даже северный ламут, который обычно носит узкую верхнюю одежду и передник особого покроя, характерный для тунгусских племен Восточной Сибири, надевает чукотскую меховую кухлянку, когда отправляется в путь на оленевых санях. Ламутская одежда не дает достаточной защиты телу и особенно лицу от зимней непогоды, а главное — от комьев снега, летящих от оленевых копыт и полозьев саней» [1991, с. 169]. Именно глухую наплечную одежду местных жителей, а не распашную с передником надевают представители других национальностей, прибывающие в арктические районы. Современные исследования технологии шитья верхней одежды народов Севера и ее теплоизоляционных свойств показали, что «чукотский комплекс одежды в отличие от якутского и эвенкийского отличается большим объемом и простой конструкцией, наличием небольшого количества утепляющих элементов... Преимущество ее, по-видимому, заключается в том, что она обеспечивает автоматическое понижение теплоизоляции при движении тела... поэтому не допускается перегрев и содержание лишней влаги в пододежном пространстве, то есть поддерживается тепловой баланс независимо от степени физической активности человека» [Расторгуева, 1986, с. 116].

Материалы по глухой одежде народов востока Сибири и русских старожилов свидетельствуют о ее бытовании на севере Евразии в продолжение нескольких тысячелетий и указывают на ее слабую изученность. Необходимы сравнительно-исторические исследова-

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

ния обширного материала по одеждеaborигенного населения Северной Евразии, на что справедливо и обоснованно указывал в свое время Ю.Б. Симченко: «Методика реконструкции предшествующих типов одежды требует выделения единых элементов в одежде народов, генетически связанных с древним населением данного региона. Для того чтобы воссоздать одежду древних охотников на дикого оленя, в первую очередь необходим сравнительный анализ одежды народов, в состав которых аборигены Заполярья вошли в качестве этнического субстрата. Было бы закономерным сравнить одежду саамов, ненцев, энцев, нганасан и юкагиров, выявляя какой-то единый предшествующий прототип» [1976, с. 171].

Глава 2

ЮКАГИРСКИЙ КОСТЮМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI В.

Общие сведения

Гардероб народов, населяющих территорию Якутии в конце XIX — начале XXI в. — юкагиров, эвенков, эвенов, якутов, имеет различия, обусловленные национально-культурным своеобразием, спецификой хозяйственной деятельности, особенностями образного художественного мира и его цветосимволизмом. Длительные межкультурные контакты и адаптивные изменения, происходившие под воздействием различных факторов, повлияли на развитие типологического сходства в предметах одежды и появление эклектических типов. Это же послужило причиной формирования в гардеробе каждого из перечисленных народов двух комплектов одежды. Один комплект, основу которого составляет глухая кухлянка, присущ культуре древних охотников и рыболовов, издавна промышлявших в арктической и таежной зонах. У юкагиров предметы одежды этого комплекта сохраняются как наследие праюкагирской культуры, время сложения которой исследователями определяется концом неолитической эпохи.

Другой комплект — с распашной одеждой, передником и сопутствующими им предметами гардероба — попал в северные широты, вплоть до арктического побережья, с миграционными волнами населения южного происхождения. В традиционном гардеробе юкагиров распашной кафтан рассматривается как компонент пришлой южной культуры. Комплект адаптированной к северным условиям южной одежды у проживающих в колымских улусах юкагиров (одулов, вадулов) и соседствующих с ними северных тунгусов — эвенов — мало

чем отличается по набору предметов и по крою: он состоит «из нижней шубы (кафтана) без украшений, мехом внутрь, верхней шубы (кафтана) мехом наружу, расширенной на спине треугольными клиньями, нагрудника, расшитого бисером и подшейным оленым волосом, надевавшегося под шубу, штанов мехом к телу, рукавиц, чепчикообразной шапки, меховых чулок и камусных уントв» [Юкагиры, 1975, с. 67]. Рассмотрим этот комплект на примере одежды лесных юкагиров (одулов), бытавшей в конце XIX — начале XXI в. Главное внимание уделим таким характеристикам, как материал, крой и украшения.

Предметы одежды юкагиров отсутствуют среди археологических находок. Первые письменные упоминания об одежде народов середины и востока Сибири появились в XVII в. в «отписках» и «скасках» русских землепроходцев. Музейные этнографические коллекции отражают еще более позднее время: конец XIX — XX в.

Первый из числа юкагиров краевед А.Е. Дьячков писал, что в 40-х гг. XIX в. распашной одежды тунгусского образца юкагиры-чуванцы Западной Чукотки не надевали, об одежде чуванцев в более поздние периоды в научной литературе сведений не имеется. К тундренным юкагирам низовий р. Колымы и лесным юкагирам верхней Колымы распашные кафтаны с передниками попали от кочевавших тунгусов-оленеводов, ныне кафтаны наряду с глухими кукашками вадулы носят в качестве летней и зимней повседневной, дорожно-промышленной, праздничной одежды. Мужская и женская одежда вадулов больших различий не имеет, мужские кафтаны короче женских, длина последних достигает середины икр. Разница существует лишь в украшениях, расположении орнаментов, кистей, материалах для опушки [Данилова, 2004, с. 56].

Лесными юкагирами повседневная распашная одежда практически утрачена, однако она относительно хорошо известна благодаря научным публикациям и описаниям. Общее название одежды *ныэрл* л. юк (сукун т.юк). Одежда одулов включает кафтан *маьил* (его же называют *наймака* или *моймака*), передник *нициэмун*, штаны *оо*, пояс *йуø*, шапка *моðо*, обувь *мурэ*, рукавицы *молодьо*, перчатки *шархун* *молодьо*. Этот комплект являлся летним и зимним с той разницей, что зимний имел в основе двойной принцип, снабжался различными утеплителями, шарфами, меховыми рукавицами, чулками и носками. По своему назначению предметы гардероба разделялись на повседневные, промыслово-дорожные, ритуальные. О ритуальной и шаманской одежде лесных юкагиров сведений, кроме опубликованных В.И. Иохельсоном, практически не имеется [2005а]. В конце XX в. одулы считали, что их шаманы в прошлом не носили

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

специальной одежды. Не было ее у шамана Семена Лихачева, о чем сообщили нам его внуки, Николай (1916–2008) и Михаил (1923–2008) Лихачевы (с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС (Я)). О шаманских способностях С. Лихачева до сих пор бытуют легенды среди жителей села [Жукова и др., 1989, ч. 2, № 45]. Среди ритуальных предметов называют специальные маски и перчатки, которые надевали мужчины во время обряда расчленения тела умершего шамана; специальная летняя и зимняя одежда, изготавливавшаяся для *хойла* — деревянной куклы, приставляемой к черепу умершего шамана. Такого *хойла* почитали как покровителя рода [Иохельсон, 2005б, с. 110–111].

В настоящее время некоторые предметы традиционного гардероба одулы надевают в качестве праздничной и промыслово-дорожной одежды. Зимняя промысловодорожная одежда включает отдельные предметы, изготовленные из местного сырья: меховые шубы, штаны, шапки, обувь, рукавицы. Под влиянием привозной одежды крой меховых шуб, штанов значительно изменился. Обувь сохраняет двойной принцип: носок *мурдуу* мехом к телу и обувь из оленевого камуса *мурэ* мехом наружу на мягкой подошве. Шьют весенне-осеннюю непромокаемую обувь *оңдоон мурэ* из кожи. Изготовление обуви из местных материалов с традиционным кроем устойчиво и объясняется наилучшей приспособленностью к природно-климатическим условиям региона. Для промысла и дороги шьют одежду из овчины, цигейки, ватина, глухие штормовки, плащи из брезента.

Легкий распашной кафтан с передником одулы верхней Колымы надевают на празднества общественного характера, на семейных торжествах носят покупную одежду. Комплект праздничной одежды в конце 80-х гг. XX — начале XXI в. включал только несколько предметов: *мағил* и передник *нициэмун*, обычно из ткани, редко из ровдуги, и женскую ровдужную обувь *калиберки*.

С начала 90-х гг. XX в. наблюдалось повышение интереса одулов к традиционному костюму. Для I съезда юкагиров в июне 1992 г. Министерством по делам малочисленных народов РС (Я) были закуплены и переданы юкагирам с. Нелемного для изготовления распашной одежды выделанные кожи (замша), ткани, бижутерия, цветной бисер. Введение в Нелемнинской средней школе им. Тэки Одулока учебного предмета «Национальная культура», где девочек обучают приемам шитья и украшения национальной одежды, способствует возрождению женских ремесел.

Традиционно юкагиры верхней Колымы на изготовление одежды употребляют сырье, полученное от основных видов хозяйствен-

ной деятельности: шкуру лося *айиң* (редко — дикого или домашнего оленя *хаар*), камус *нонбаар* (*нойл* — нога), выделанную кожу (ровдугу) *ньодиниэр*, мех пушных зверей. Используют шкуры горного барана, росомахи, шкурки птиц и рыб. В фольклорных текстах одулов имеется упоминание об изготовлении одежды из медвежьей шкуры. На отделку и опушку особенно любят брать мех белки, соболя, горностая, камус, контрастный по цвету с основным тоном одежды.

По конструкции наплечная одежда мужчин и женщин одинакова (табл. X, 1, 2). В.И. Иохельсон писал, что со спины трудно отличить юношу от девушки. Половозрастные различия, получившие отражение в одежде, заключаются в том, что у женщин, особенно пожилых, кафтаны длиннее; мужчины имели пояса, которые кроме практического назначения несли опознавательную функцию; наблюдались различия в используемом сырье, например, на изготовление одежды лучшего охотника и воина брали шкуры росомахи, медведя [Спиридовон, 1996, с. 33], для старииков и детей чаще употребляли заячий шкуры.

Различия между летней *пүгэсъэ ниэр* (*пүгэ* — «тепло») и зимней *чиэсъэ ниэр* (*чиэс* — «холодно») одеждой заключались в использованном сырье (например, для шитья летней одежды применяли рыбы, птичьи шкуры), наличии различных утеплителей, количестве украшений; поношенную и вытертую зимнююежду надевали летом.

Основу распашной наплечной одежды составляли одна или две оленьи шкуры [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 9–11]. Для кафтана из одной шкуры брали выделанную оленью шкуру вместе со снятой чулком шкурой передних ног. Шкуру раскладывали так, чтобы ее спинная часть соответствовала спинке одежды, боковые части — двум полочкам (табл. X, 3а). «Внимательное изучение тунгусского костюма (он же юкагирский) даст, думаю, много интересного для эволюции платья, — писал в конце XIX в. политсырьльный В.Л. Серошевский, исследователь якутской культуры. — Его форма привлекала меня всегда своим изяществом. Более близкое знакомство с ним убедило меня, что это изящество не есть результат каких-нибудь сложных портняжных соображений. Наоборот, работа тунгусского костюма поражает простотой, почти первобытной. Тунгусский кафтан не больше как целая оленья кожа, передние ноги которой были сняты “чулком” и употреблены вместо рукавов. Вставки под мышками, на боках и клинья сзади, нужно думать, образовались из заплат, которые пришлось вставлять после разрыва, полученного при движении и ходьбе. Возможно, что некогда кожу надевали мокрой и, только когда она принимала форму тела, ее обминали; теперь ее шьют из мятых кож» [1993, с. 330–331]. Рассказы юкагиров о том,

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

что их предки надевали шкуру свежедобытого оленя, частично подтверждают предположение В.Л. Серошевского.

Кафтан из одной шкуры был очень узким, кафтан из двух шкур более широкий (табл. X, 3б). В середине XX в. наплечную одежду кроили из пяти деталей: отдельно спинки, двух полок и двух рукавов с прямо срезанной некроеной проймой (табл. XI, 1). Основу некоторых меховых кафтанов составляла короткая распашная куртка с широкой надставкой по подолу, борта украшали вертикальными орнаментированными вставками (табл. II, 3). Для расширения спинки чуть ниже талии вшивали два клина треугольной, прямоугольной или трапециевидной формы, иногда клинья зашивали в глубокие складки. Клинья по краю обшивали полосками яркой ткани, кожи; верхние швы прикрывали двумя горизонтальными накладками. Кафтаны с трапециевидными клиньями и глубокими складками, широкой полосой по подолу и украшением бортов элэ (эвн.) считают повторением эвенских зимних распашных мука [Иванов, 2001, с. 66].

Нижнеколымские юкагиры полагали, что «в прошлом эвенские и юкагирские женские шубы различались тем, что первые расклешивались треугольным клином, а вторые — трапециевидным». Однако, как считают исследователи, «едва ли эта второстепенная деталь может быть принята во внимание при рассмотрении древней одежды юкагиров» [Юкагиры, 1975, с. 67]. В систематизированных данных по одежде народов Севера, собранных В.Х. Ивановым, оба вида клиньев присутствуют как в юкагирской, так и в эвенской одежде. Интересно отметить, что треугольные клинья присущи юкагирским кафтанам с коротким станом и широкой вставкой по подолу. Под влиянием конструкции одежды соседних народов спинку юкагирских кафтанов из пяти деталей стали расширять иным способом. «От вершин прямоугольных клиньев, расположенных по спинке, делали надрезы по направлению к бокам одежды. Эти надрезы зашивали в сборки и поверх украшали нашивками из полосок материи» [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 232]. В одежде одулов конца XX — начала XXI в. вшивные клинья на спинке также отсутствуют, деталь спинки вниз от линии талии кроют увеличенной в ширину, по направлению к центру спинки делают два глубоких надреза, в которые зашивают излишек материала. Такие же надрезы со сборками делают на полках. Детали стыкуют и швы прикрывают одной общей орнаментированной нашивкой урдэнгэ шириной до 7 см (табл. XI, 1). Силуэты кафтанов обычно были колоколообразные, расширение стана начиналось ниже линии талии, ныне женщины лесных юкагиров шьют летнюю праздничную одежду в талию.

Рукава *мајила* из одной шкуры были узкими и короткими, их надставляли до нужной длины. В подмыщечные части вшивали ластовицы ромбовидной, треугольной или иной формы. Подол срезан прямо, его удлиняли надставками и опушками. Характерно присутствие красного и черного цветов (окрашенные кожа, волос и мех, ткань, сукно, ленты, бисер). Со слов информантов, в прошлом одежда украшалась с помощью раскраски природными красителями (охрой, углем, цветной глиной). Для защиты одежды от влаги, для прочности и в качестве украшения в основные конструктивные швы одежды и швы декоративных нашивок вкладывают белый подшерный волос оленя или лося, ремешки из кожи, яркой ткани, называемые *пунэчэ* (*пүгэдьэ* — «жара, тепло») или *ченче* (украшение). Полы *мајила* стягивают 2–3 пары ремешков, открывая орнаментированный передник. В.И. Иохельсон писал, что полы юкагирского кафана распахнуты гораздо меньше, чем у тунгусского.

Что же касается цветосимволики юкагирского костюма, то тут мнения исследователей расходятся. Исследователь одежды народов Северо-Восточной Азии Н.И. Каплан отмечает, «что по конструкции одежда юкагиров сходствует с эвенами, а по колористическому решению, скорее, с эвенками. Так же как и эвенки, юкагиры любят не холодные сине-голубые, а теплые, горячие цвета в бисерной вышивке: красный, желтый, зеленый» [1980, с. 58]. В отличие от эвенкийской, считают авторы учебного пособия по традиционному искусству народов Сибири и Дальнего Востока, в одежде юкагиров существует другая гамма цветов; кроме того, кафтаны и передники украшаются не бисером, а вышивкой оленым волосом, аппликацией из кожаных и матерчатых полосок и оловянными бляшками [Сельскому учителю..., 1983, с. 231–232]. Значительно сходство костюмов юкагиров и эвенов в технике отделки, орнаментах и узорах [Бурыкин, 1998а, с. 8]. Обнаруживаются определенные эвено-юкагирские параллели в лексике названий одежды: «название эвенской летней женской ровдужной одежды *наймика* (от эвенского *найса* “ровдуга из лосиной шкуры”, *найми* “ровдужный”, “вид летнего кафтана, сшитого из ровдуги”), слово *мурэ* “обувь” сходно с эвенским словом *мурун* “длинные торбаса”»; юкагиры пользуются скребками для выделки шкур, имеющими эвенские названия [Бурыкин, 1998б, с. 8]. Исследователи прослеживают тунгусские заимствования в лексике, материальной и духовной культуре юкагиров, оставляя в стороне другую часть вопроса — юкагирский компонент в традиционной культуре северных тунгусов — эвенов. Согласно исторической ретроспективе, предложенной И.В. Константиновым, расселение тунгусов по территории Якутии в I тыс. н.э. не привело к этнической

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

катастрофе: культура предшествующих племен не была вытеснена или ассимилирована полностью, а началось их параллельное развитие. «Пришлые тунгусоязычные группы, оказавшиеся в ареале наибольшего сосредоточения “праюкагирского населения”, были ассимилированы последними и, наоборот, юкагирские группы в зоне наибольшего влияния тунгусоязычных пришельцев были полностью “отунгушены”.

О длительных тесных культурно-этнических контактах тунгусских и юкагирских племен свидетельствует сходство их антропологического типа. Историческим фактом взаимных ассимилятивных процессов, очевидно, могут служить эвены, формирование которых в районе Северо-Восточной Азии, по мнению исследователей, происходило в результате смешения тунгусского и юкагирского элементов... Процесс формирования эвенского народа как самостоятельной этнической общности представляет собой относительно позднее явление, и оно происходило на территории Якутии после широкого расселения тунгусов среди юкагирских племен. В конце концов, юкагирские племена постепенно заняли самые северо-восточные районы, а тунгусские — юго-западные. Причем, по некоторым данным можно предположить, что вплоть до XV или даже XVI в. отдельные юкагирские группы небольшими островками проживали в этих южных районах» [Константинов, 1978, с. 99].

Эвены являются ближайшим родственным юкагирам народом, и исследование юкагиро-эвенских параллелей, в том числе нашедших отражение в одежде, находится в тесной зависимости от изучения юкагиро-тунгусских связей в широком историко-культурном плане.

Рассмотрим гардероб юкагиров (преимущественно одулов) по половозрастным признакам и по сезонам, используя опубликованные данные конца XIX — начала XXI в., музейные коллекции и собственные полевые материалы.

Женская летняя одежда

Наплечная одежда. Женский летний распашной кафтан *мађил* юкагиры верхней Колымы в конце XIX — начале XX в. шили из летней оленьей шкуры мехом наружу, неокрашенной или окрашенной от светлых до темных тонов ровдуги, с середины XX в. стали использовать также ткань (табл. XI, 2, 3; XII, 1, 2, 3а; XIII, 1–4).

Кафтан украшали по вороту, двум полкам, подолу и обшлагам рукавов обычно чередующимися полосками крашеной ровдуги, красной и черной ткани. На груди вдоль полок вместо или вместе с ремешками-вязками нашивали металлические пуговицы (табл. XIV, 1), полки

Женская летняя одежда

такого ма́била в верхней части плотно подходили друг к другу, что не характерно для старых образцов тунгусских кафтанов. Полки обшивали вышивкой жильными нитками, меховой мозаикой, кожаными продержками мошишо́дьайа, белым и крашеным оленым/лосиным волосом энишэдайм и оторочкой из белого оленевого камуса, короткошерстного меха белки, горностая. Вдоль подола обычно шла полоса темного длинношерстного меха росомахи, волка, лисы или собаки; пришивали баҳром абу́дъэ из сложенной вдвое и нарезанной на жгути ровдуги ньодиниэр.

Полоска ровдуги или ткани на вороте летних кафтанов иногда имеет вид стоячего воротника. Вокруг ворота делают нашивку подковообразной формы красного цвета, в некоторых образцах от нее расходятся в стороны 5–7 лучей (табл. XII, 3а; XIII, 1). Фото распашного юкагирского кафтана с лучистой нашивкой помещено в исследовании Г.М. Василевич [1958, с. 151]. Подобными нашивками украшена современная танцевальная одежда одулов (табл. XIV, 2–4). Так же украшают праздничный кафтан *найми* родственные юкагирам эвены. «Шейный вырез и выем спереди закрывает одноцветная полоса, вырезанная наподобие зубьев шестеренки, которая проходит от груди до груди через спинку. При необходимости эта полоса — “шестеренка” украшается узором» [Алексеев, 1993, с. 92]. Нашивки с 3–4 лучами имеются в верхней части женских передников верхоянских и колымских эвенов, енисейских и майских эвенков, на спинках кафтанов эвенков Подкаменной Тунгуски [Василевич, 1958, с. 150, 165].

Аналог лучистым формам на вороте юкагирских, эвенских, эвенкийских кафтанов и передников обнаруживается в наскальных рисунках средней Лены, Алдана, датированных поздним неолитом — бронзовым веком (табл. XV, 1). Абрис нашивок «шестеренок» схож с лучистыми арками, выполненными охрай, их прямоугольными и многоугольными вариантами, лучистыми овалами, символизирующими солнечное или небесное божество [Жукова, 1994, 1995, 1996б, в]. Рисунки датированы II—I тыс. до н.э. и оставлены, как полагают, праюкагирскими племенами, населявшими в позднем неолите — бронзовом веке почти всю территорию современной Якутии [Мазин, 1986; Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979; Эверстов, 1999]. Лучистая арка в одежде лесных юкагиров — отголосок древнего солярного культа, сохраняемого юкагирской народной традицией вплоть до современности. Арка из лиственницы с семью лучами сооружена в июне 1992 г. в с. Нелемном для проведения национального новогоднего празднества «Встреча Солнца» (табл. XV, 2), такая же арка украшает вход в среднюю школу

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

им. Тэки Одулока в с. Нелемном, ее вышивают на танцевальной одежде (табл. XIV, 4).

Солнечную символику кафтаны дополняют две вертикальные нашивки на полах *мађин ѹукон урдэнги/ордьоонги*, «кафтана маленькая середина», так называемые фальшивые карманы (табл. XV, 3). На женских летних кафтанах «фальшивые карманы» присутствуют обязательно в отличие от многолучевой фигуры вокруг ворота, которая нашивается не всегда. Фальшивые карманы выполнены из тех же материалов, что и основные отделки одежды, чаще в сочетании черного и красного цветов, иногда их дополнительно украшают. Вертикальные нашивки не имеют конструктивного значения и несут смысловую нагрузку. Расположенные под лучистой нашивкой ворота, они символизируют небесный, солнечный дождь (табл. XV, 4), дающий универсальную силу для всего живого, подобно изображению магического дождя на наскальных рисунках. Лесные юкагиры считают присутствие на кафтанах *мађин ѹукон ордьоонги* символом богатства. Другое название фальшивых карманов — *поңдо* «деньги» (досл. «принадлежащие поң», где поң — эквивалент рус. «природа», окружающее пространство). Значимость лучевых нашивок вокруг ворота и фальшивых карманов как символов солнечного языческого божества была снижена в XIX—XX вв. в результате христианизации и атеистической агитации среди юкагиров.

В тон основных отделок *мађила* украшали обшлага рукавов и накладки на спинке. Обшлага составляли из 1–2 полосок ровдуги, ткани, белой рыбьей кожи, полоски оленьей шкуры, взятой с шеи животного. Считалось, что полоска оленьей шкуры имеет магическое значение: как и на шее животного, она должна была обеспечивать подвижность и пластичность движений. На ровдужных обшлагах *мађин нүгэн кичил* — «конец рукава одежды» — рисовали природными красителями, вышивали волосом, бисером. Накладки на спинке кафтаны *урдэнгэ* или *андыл шажиль* — «покрывало талии» — по форме и цвету обычно соответствовали фальшивым карманам. Их украшали металлическими подвесками круглой и треугольной формы, бахромой из ровдуги *абудьэ*. Жгуты бахромы могли быть как короткими, так и длинными, длина последних не достигала подола на 10–20 см; на концах жгутов прикрепляли бисер, бусины, колокольчики (В.Г. Шалугин). Здесь же пришивали две серебряные бляхи, служащие «глазом» спинки *йоогон андъэ* для наблюдения и отпугивания подкрадывающихся злых духов или неудачи [Спиридонов, 1996, с. 32].

Летом *мађил* надевали на голое тело. С появлением на Колыме привозных тканей и готовой одежды юкагирские женщины под *мађил* и передник *нициэмун* стали надевать покупные или самодель-

Женская летняя одежда

ные платья. Наши информанты сообщали, что в торжественных случаях, например по поводу приема гостей, поверх кафтаны женщины надевали праздничную деталь одежды — пояс. В качестве праздничного атрибута его носили как девушки, так и пожилые женщины. Пояс изготавливали из ровдуги, по центру пришивали полосу черного сукна. На сукно нашивали орнаментированные пластины из жести или другого металла. Такие пластины юкагиры делали сами или покупали у якутских или эвенских мастеров (В.Г. Шалугин).

Знаток юкагирского языка и культуры В.Г. Шалугин сообщал, что на женских кафтанах спереди имелся специальный знак — показатель социально-возрастного положения. На кафтане замужней женщины слева у плеча на уровне верхней пары вязок пришивали кожаный ремешок длиной до 10 см. Обычно он висел свободно; при гостях и посторонних людях женщина подвязывала к ремешку свою снятую с головы шапку. Затем женщине можно было головной убор отвязать и аккуратно убрать, «не бросая, где попало». Про кафтан с таким ремешком говорили: «Это кафтан, имеющий шапку». У девушки на кафтане подобного ремешка не было. У старой женщины, имевшей мужа, ремешок был пришит спереди слева чуть выше линии талии; он также служил для подвязывания шапки. У женщины, потерявшей мужа, ремешок с одеждой спарывали, если она вновь выходила замуж — пришивали снова. Таким образом, ремешок являлся особым средством передачи информации в те далекие времена, когда «стыдились» или «стеснялись» посмотреть в лицо незнакомому человеку и заговорить с ним; он был показателем семейного положения и возраста женщины. Аналогичную половозрастную информацию несла в прошлом одежда эвенов, когда «по рисункам на одежде можно было определить, к какому роду принадлежит женщина, замужем она или нет, сколько у нее детей и какие родственники у нее имеются» [Бурыкин, 1998а, с. 5].

С целью опознавания и защиты на *ма́йил* нашивали колокольчики: звон колокольчиков на кафтане девушки означал: «Я иду, еду, чтоб мой жених слышал издалека», а на кафтане женщины — «чтоб звери не подошли» (А.В. Слепцова). Поверх одежды надевали нитки бус, нагрудные украшения, маленькие сумочки на длинном шнурке.

Отличительной особенностью женских кафтанов юкагиров нижней Колымы являются пришитые над клиньями, расширяющими спинку, по три длинных кисти из крашенного в красный цвет меха. К одежде пришивают карманы, отделка подола состоит из пучков ярко окрашенного меха, нашитых с небольшим отступом от самого края. Летом в тундре вадульские женщины носят нижний каftан из

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XX в.

комплекта зимней распашной одежды. Вот некоторые названия летней распашной одежды вадулов:

кичиэн мағил — верхний кафтан из ровдуги, который носили в «комариный период» (*кичиэ* — комар);

сурэн мағил — кафтан, изготовленный из шкуры оленя, забитого в конце июня; шили шерстью наружу;

хобииль мағил — кафтан из шкуры оленя, забитого в конце июля; носили шерстью наружу (*хобо* — наружу, на виду).

Одеждой специального назначения были *тишэн* — дождевик (*тишэ* — дождь), *кэтни мағил/сукун* — домашний кафтан/одежда [Данилова, 2004, с. 57–58].

Женщины тундренных юкагиров в конце XIX — начале XX в. делали свою одежду из шкуры белого или светло-серого олененка, из таких же шкур шили погребальные кухлянки коряки. По-видимому, наплечная одежда из белых шкур бытовала и у верхнеколымских юкагиров, о чем имеется сообщение в образцах устного народного творчества: «...на снегу сидит девушка в белой, по старинному сшитой узорчатой одежде» [Хозяин Земли..., 1994, с. 25].

Передник. Полы юкагирского кафтана не сходятся, открывая орнаментированный передник *нициэмун*, необходимый для защиты груди и живота от холода (табл. XII, 3б; XVI). Передник завязывается под самым горлом и плотно закрывает грудь, он должен защищать очень важную для здоровья человека область — *ньан*, — расположенную над ключицей (В.Г. Шалугин). Отличие женских передников от мужских заключается в длине, количестве украшений, их зональном расположении и семантике.

На изготовление летнего *нициэмун* берут короткошерстную оленью шкуру мездровой наружу или одну большую пластину ровдуги, либо шивают две небольшие шкуры, нижнюю из которых составляют из нескольких орнаментированных с наружной стороны полос. Передники с середины XX в. шьют из ткани; в верхней части они имеют трапециевидную форму с вырезанной углом, овалом или прямой горловиной. В нижней части они широкие, почти квадратные. В отдельных образцах верхняя часть по тону светлая, нижняя — темная. Длина *нициэмуна* достигает колен; верхнюю часть, а иногда весь передник по краю обшивают полосками мягкой ровдуги, короткошерстным мехом, тканью. По подолу женских передников — бахрома, у мужских — меховая опушка. Двумя парами ровдужных ремешков передник завязывается на шее и пояссе. Основания ремешков на поясе могут быть вильчатыми. Если верхние ремешки-вязки длинные, ими несколько раз обхватывают шею и завязывают спереди.

Женская летняя одежда

Передник — наиболее украшаемая часть юкагирского костюма. Здесь мастерицы демонстрируют владение различными приемами декорирования одежды: вышивают лосиным/оленym подшейным волосом энишидаайэм, жилами, бисером, обшивают бахромой *абудэ* и меховой выпушкой, украшают кожаными продержками *мошиодьайа*, полосками крашеной ровдуги, древесного лыка, рыбьей кожи, ткани, подвешивают колокольчики *йоңсю*, бубенчики *конась*, медные и серебряные бляхи, фигурные подвески, кольца. Ровдугу по нижнему краю нарезают бахромой или зубчиками. Женский передник имеет три зоны орнаментации: верхнюю, среднюю, нижнюю. Верхнюю часть не украшают либо вдоль горловины идет узкая орнаментальная полоска из вышивки, продержек, кожаной аппликации. Здесь пришивают металлические подвески преимущественно круглой формы от одной до четырех. «Плоские серебряные бляхи символизировали солнце как покровителя и защитника юкагиров, а медные — луну, указывающую путь в ночной темноте». Кроме того, в XIX — начале XX в. пришивали медные кружки различной формы, снабженные рожками, поясами и т.д. По мнению Н.И. Спиридоно-ва, они попали к юкагирам с Дальнего Востока, где символизировали лики китайских драконов и демонов [1996, с. 16].

Символика подвесок многозначна. С одной стороны, они несут космогоническую нагрузку, которая проявляется в названии подвесок: *мелут подьорх* — «грудное солнце». Некоторые мастерицы под диски пришивают полосу синего шелка, символизирующую небо, либо ткань желто-оранжевого цвета — символ солнца (В.Г. Шалугин). С другой стороны, подвески круглой формы семантически связаны с традиционными представлениями о роде и прародителях. Через величину и расположение подвесок выражается понятие времени: прошлое, настоящее, будущее и преемственность родовых поколений. В XIX–XX вв. рядом с подвесками круглых форм в верхней части *нициэмун* пришивали монеты, фигурные металлические украшения различных форм в виде прямого креста, четырехугольника, ромба, цветка, фигуры, похожие на бабочку, муравья, жука, антропоморфные фигуры, украшенные орнаментом *оожий нодо нойл* — «утиные ножки» (Д.Г. Дьячков). Иногда изображения бабочки вырезали из кожи (Д.Г. Дьячков), круглые бляхи вышивали подшейным волосом [Каплан, 1980, с. 58]. Н.И. Спиридов писал: «Те побрякушки, украшения и амулеты, которые находили у одулов... всевозможной формы — развильчатые, лапистые, хвостовые — не что иное, как изображения морских обитателей (крабы, спруты) и “обитателей” земли — драконов, тигров и т.д.». Они заимствованы одулами от тунгусов,

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

которые «принесли в этот край культуру Дальнего Востока», в свою очередь несущую мощное влияние Китая [1996, с. 16].

Предшественниками металлических нагрудных блях, по-видимому, были кольца, диски и подвески из камня и кости. На исследованных археологами древних сибирских стоянках и погребениях встречаются нефритовые диски [Диков, 1979, рис. 21, 55; Окладников, 1955, цв. вкл.]. Фрагменты миниатюрных плиточек из сланца с гравированным рисунком обнаружены на западе Чукотки, их размеры не превышают 10–11 см. Плиточки, «возможно, имели форму дисков и носились на груди как амулеты, о чем свидетельствует пришлифовка по краю, придававшая предмету округлые очертания, и биконические отверстия, подготовленные для подвешивания или пришивания» [Кирьяк, 1993, с. 72]. Гравированные рисунки на плитках, возможно, несли космогоническую символику, в них древний мастер отразил представление о Вселенной, о божественном небе и земле [Кирьяк, 1998, 2003, рис. 51]. Для этих же целей, очевидно, предназначались небольшие плоские речные галечки со сквозными отверстиями, подвески каплевидной формы, которые археологи находят на древних стоянках Якутии [Алексеев, 1975, рис. II; 1996, табл. 36; Кистенев, 1980, табл. III; Федосеева, 1980, табл. I; Эверстов, 1999, с. 59]. У одулов до настоящего времени сохранилась традиция отыскивать на речных галечных косах небольшие гальки необычной формы, цвета, со сквозными отверстиями, затейливыми «изображениями». Камни собирают, иногда хранят как амулеты, делают подвески, используют в магических целях. Пожилые юкагиры не советуют молодежи собирать гальки, говоря «тяжесть возьмешь» (Е.Н. Дьячкова).

У женского летнего передника из продымленной кожи края обшиты полосками неокрашенной ровдуги (табл. XV, 5). В швы зашит белый подшейный волос. Угол горловины украшен V-образной накладкой из красного сукна, здесь имеется фигурная бляшка, по абрису напоминающая человеческую фигуру. Под ней — две крупные выпуклые подвески, нижняя чуть больше, с тремя подвесками малого диаметра. Самый низ *нициэмун* украшают пять металлических подвесок [Сельскому учителю..., 1983, с. 145]. Наш информант В.Г. Шалугин так прокомментировал украшение: на переднике девушки верхняя подвеска круглой формы — символ ее матери, нижняя большая — символ отца, три небольшие, отходящие вниз, — младшие дети этих родителей. Самая верхняя подвеска в виде человекоподобной фигуры — символ будущего, мечта о благополучии и будущей семейной жизни владелицы передника.

Имеются сообщения, что в прошлом у юкагиров и эвенов кроме серебряных, медных и латунных подвесок очень редко встречались

Женская летняя одежда

небольшие кружочки мэнон (эвн.) из золота. «Мэнон, — пишет А.А. Алексеев, — плоские изделия круглой или паукообразной форм — бывают желтоватого цвета, с крохотным отверстием посередине» [1993, с. 93]. Привозные орнаментированные подвески высоко ценились, бережно хранились, перешивались со старых костюмов на новые и передавались от поколения к поколению.

В центральной части женских и детских передников или чуть ниже пришивали орнаментированную нашивку прямоугольной формы (табл. XV, 5; XVI, 1–3), называемую *нициэмун шубэдьэ* — «сердце передника» (А.В. Слепцова). Иногда нашивка имела приподнятые кверху концы, образуя фигуру дугообразной формы (табл. XVI, 4). Основа украшения состояла из 2, 4 или множества мелких штрихов внутри замкнутого контура. Материал — крашеный подшерстный волос, ровдужные ремешки, кожа, ткань, ленты; использовали преимущественно красный, черный и белый цвета. Табл. XIV, 2а показывает женский передник из ровдуги, горизонтальная полоса разделяет *нициэмун шубэдьэ* на две равные части, в каждой белым подшерстным волосом вышито по одному маленькому квадрату, контур всего украшения выполнен из ткани красного цвета.

Третья орнаментальная зона располагается в нижней части передника, украшение здесь аналогично *нициэмун шубэдьэ*, но шире и крупнее, иногда оно имеет вид широкой перевернутой буквы «П». В конце XX в. украшение делали из разноцветных горизонтальных полос, выполненных лентами, тесьмой, полосками однотонной ткани или бисера (табл. XVI, 2а, б; 3, 5). Орнамент юкагирских передников линейно-геометрический, однако, как отмечают исследователи, орнаментальному искусству юкагиров не чужды растительные узоры [Каплан, 1980, с. 59] и изображения человека. В украшениях передников, как и вообще в декоративно-прикладном искусстве юкагиров, преобладают прямые и перекрещенные линии, пунктир, зигзаг, углы, треугольники, четырехугольники, круги и полукруги (табл. XVII, 1).

Юкагирские мастерицы при изготовлении передников широко пользовались приемами контрастов. «Прежде всего, это контраст фактур материалов: мягкий, глубокий по цвету мех; холодноватая и грубоватая по тону ровдуга; жестко бликующий, блестящий бисер; как бы лакированный подшерстный олений волос; мягкое по ощущению сукно. Использовали и цветовые контрасты. С одной стороны, создается широкая гамма теплых золотистых тонов, переходящих в густой коричневый цвет. С другой — в нарушение и в усиление этой мягкости, цветовой певучести введены необычайно яркие, горячие полоски красного сукна — они придают всей композиции большую

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

цветовую завершенность. В результате все изделие воспринимается с чувством глубокого эстетического удовлетворения» [Сельскому учителю..., 1983, с. 145]. Искусствоведы, исследователи одежды народов Севера отмечают более тонкое, деликатное, более изысканное украшение юкагирских передников в отличие от эвенских. Кроме того, «в бисерных каймах эвенских нагрудников преобладает бело-голубая тональность, в юкагирских — теплые золотистые и красноватые тона бисера, а также черный и белый цвета» [Там же].

Обычно орнаментированные нашивки для *нициэмун* изготавливают отдельно и пришивают на уже готовую основу. Подол, а иногда низ срединного украшения обшивают баxромой из сложенной пополам окрашенной ровдуги, внутрь сгиба для прочности пропускают кожаный ремешок; длина баxромы на подоле 3–4 см. Баxрома считается оберегом срединного украшения и всего передника в целом. Она «запутывает» и «отводит в сторону» приходящее злое и недоброе (В.Г. Шалугин). Баxрома к женским передникам независимо от возраста пришивается всегда, но иногда вместо этого нарезают на тонкие жгуты нижний край ровдужной основы.

Нициэмун украшают круглыми розетками *йэльоодь* «солнышко». Моно- и полихромные розетки из бисера приобрели популярность как элемент украшения летних распашных каftанов, передников, головных уборов, обуви, перчаток и сумок во второй половине XX в. В образцах одежды одулов конца XIX — начала XX в. солярная символика присутствовала в виде лучистых нашивок из ткани на вороте каftанов, различного рода овальных и дугообразных формах в конструкциях и украшениях предметов гардероба. В изделиях одульских мастерий *йэльоодь* — многолучевой круг, заполненный бисером красного цвета или несколькими вписанными разноцветными окружностями (табл. XVII, 2–4). В центре обычно помещают одну или несколько бисерин или бусину. Вышивают *йэльоодь* подшейным волосом оленя или лося, при этом волос белого цвета чередуют с крашеным красным. Вписанные круги, кружки с точкой в центре называют также *кужсуун шөрилэ* «радуга» (досл. «небесный узор»), *одун лочипэги* «северное сияние» (досл. «юкагирские огни»), *андъэ* «глаз», «начальник». Кружок-глаз является оберегом от злых духов и духов болезней.

Вторым по распространенности и значимости является мотив *өнмиэди* «молодая лиственница», «молодой человек». *Өнмиэди* в прошлом украшали женские и мужские передники, по одному узору помещали на нижних углах изделия над баxромой и орнаментальной полосой. Мы не видели у современных одулов передников с *өнмиэди*, этим узором украшены танцевальные женские и мужские каftа-

Женская летняя одежда

ны, обувь, сумочки, перчатки (табл. XIV, 3; XVII, 5; XXI, 1, 2, 7; XXXII, 2, 3). Информанты сообщали, что *өнмиэдиэ* и другие орнаменты в прошлом выполнялись раскраской природными красителями: охрой, цветной глиной (А.В. Слепцова, В.Г. Шалугин, Д.И. Егорова). Мотив *өнмиэдиэ* встречается среди наскальных рисунков древней Якутии, на шаманских передниках эвенов, в украшениях нагрудников кухлянок тундренных юкагиров (табл. XVII, 6). Сравнительный анализ графики изображений человека в наскальном искусстве древней Якутии, декоративно-прикладном искусстве и пиктографическом письме юкагиров позволил нам высказать предположение о том, что мотив *өнмиэдиэ* сочетает в себе два самостоятельных образа — человека и дерева. Контаминация образов находит объяснение в неразрывной связи культа предков и культа деревьев в народных представлениях юкагиров [Жукова, 1987, 1988б]. У одулов обычным является сравнение человека с травой, деревом, пнем, вообще растительностью. Мастерица из с. Нелемного А.В. Слепцова спереди на полках кафтанов замужней дочери и внучки подвесьла на шнурках по одному пучку зеленой травы: «Как трава будешь, никогда не умрешь» (табл. XVII, 2).

Декор передников завершают металлические украшения. Фигурные, плоские, дисковидные подвески, кольца и колокольчики пришивали к срединному украшению и подолу. В конце XIX в. металлические подвески по подолу были заменены розетками *йэльоодь*, вышитыми цветным бисером. Круглые, около 18 мм в диаметре, квадратные и прямоугольные небольшие бляхи нашивали по краю одежды, на передники, сумки, головные уборы. В XIX в. А.Э. Кибер сообщал об обилии украшений на одежде юкагиров и эвенов нижней Колымы. «К ремням, висящим от пояса, из лосиной кожи, привешивают разные побрякушки, например железные и медные кольца, бляшки треугольные, жестяные, медные и железные, величиною с карманные часы, и разные другие вещицы, выбитые и литые. У богатых они бывают серебряные. Шум от сих гремушек слышен за четверть версты... Бляха серебряная или медная, довольно толстая, величиною почти с чайное блюдце, покрывает грудь. Она бывает литая и украшена изображением разных животных, а более лошади» (цит. по [Туголуков, 1979, с. 90]). Молодые женщины, писал В.И. Иохельсон, очень гордятся своими звенящими металлическими украшениями, которые возвещают возлюбленным о их приближении [Иохельсон, 2005а, с. 578].

У юкагирских девушек *нициэмун* иногда выполнял функцию ночной одежды и своего рода оберега. Юкагиры спали голыми, заезжего гостя в конце XIX — начале XX в. укладывали спать с детьми,

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

незамужними женщинами. Старые женщины по этому поводу говорили: «Мудрая девушка, если гость ей не нравится, заснет, не снимая передник» [Иохельсон, 2005а, с. 113].

Табл. XVIII, 1 показывает летний женский передник тундреных юкагиров *наан*, *ньуңурукун*, по материалу, конструкции и украшениям однотипный с передниками одулов.

Передники трапециевидной формы носили с распашной одеждой северные якуты: женщины — с нарядной одеждой, мужчины — с охотничье-промышленной [Гаврильева, 1998, с. 45–46].

Головные уборы. Юкагирской женщине считалось неприличным выходить к посторонним людям без головного убора. Молодую женщину в отличие от девушки называли *моҕонъэй* «надевшая шапку»: на свадьбе жених надевал на невесту особую шапку. Этот головной убор, по рассказам одулов старшего поколения, был единственным предметом женского гардероба, имевшим отношение к свадебной обрядности, его хранили всю жизнь, надевали в редких случаях (когда переходили на новое место, на семейные торжества, по случаю приезда важных гостей и пр.). После смерти женщины шапка оставалась у родственников, дочерей, внучек как реликвия, ее надевали в особых случаях. Иногда после смерти мужа женщины шапку уничтожали: делали на ней разрез в виде прямого креста и выбрасывали (сжигали?). Это делалось для того, чтобы умерший через шапку не мог «забрать» жену (В.Г. Шалугин). Шапка была круглой, изготавливали ее из лебяжьей, беличьей или другой «чистой» шкуры. Бабушка знатока старины В.Г. Шалугина, по его воспоминаниям, имела венчальную шапку из серой белки, по краю была украшена красивыми беличьими хвостами, внутри обшита белой шкурой тутуга (лосиного, оленевого теленка). У эвенов также бытовали особые венчальные шапки *купту* и *доннэнэн*. В старину их надевали женщины, когда выходили замуж или при головных болях. Шапка была круглой, типа тюбетейки, шили ее из замши, затылочная часть стягивалась; украшали вышивкой оленым волосом [Данилова, 1991, с. 43].

На своеобразие головных уборов юкагиров указывал В.А. Туголуков. Он видел круглую кожаную шапочку, красиво вышитую «шелком или оленым волосом, а также бисером разного цвета и величины. Зимой мужчины и женщины поверх такой шапочки надевали теплую шапку из лисьих или собачьих лап, закрывавшую щеки и уши» [Туголуков, 1979, с. 90–91]. Наши информанты сообщали, что летом взрослые и дети надевали маленькие круглые шапочки из ровдуги для удержания волос (необходимые, например, при разделке рыбы) (В.Г. Шалугин, Е.Н. Дьячкова).

Женская летняя одежда

Основным головным убором юкагиров был капор *мо́бо* «шапка». Исследователи полагают, что капор являлся одним из древнейших головных уборов, в прошлом он, несомненно, представлял собой шкуру, снятую целиком с головы животного [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 336]. Женские и мужские капоры юкагиров не различались в крое, отличия наблюдались в использованных материалах и количестве украшений. Эти же различия существовали между летними и зимними капорами. Кроме того, летом могли надевать поношенные и вытертые зимние головные уборы.

Женские летние капоры шили из ровдуги, шкуры лосиного, оленя теленка, оленя камуса, из шкуры, снятой целиком с головы животного, из короткошерстного меха белки (но мех белки быстро портится от дождя). Украшали полосками окрашенной ровдуги и цветного сукна, металлическими бляшками, вышивкой подшёйным волосом и жилами, цветными нитками и бисером. Летние капоры шили нескольких типов [Там же, с. 332–333].

Тип 1. Наиболее распространенным среди юкагиров верхней Колымы был капор с приподнятой конусообразной макушкой (табл. XII, 3в; XVIII, 2). Покрой его состоит из двух боковых лопастей, закрывающих уши и щеки, и продольной полосы, закрывающей теменную и височную части. Спереди для защиты лица от непогоды пришивали широкую ровдужную полосу, низ ее оканчивался свободно. Для красоты в швы шапки вшивали полоски красной ткани *пунэчэ*. По низу капор обшивали полоской мягкой ровдуги или ткани.

Тип 2. Раскрой почти такой же: из двух боковых лопастей и одной продольной полосы, но капор этот не так глубок (табл. XVIII, 3–5). Спереди обшил короткошерстным мехом контрастного темного цвета (табл. XVIII, 3), в швах — кант *пунэчэ*.

Капор из темного оленя камуса (табл. XVIII, 4) украшен полосками цветного сукна, бисера, белым подшёйным волосом. На макушке пришиты рожки *унмут* из плотной свернутой ткани, из ткани же — *пунэчэ*. Считается, что рожки имеют охранную функцию, отпугивают злых духов и болезни; человек в таком головном убore будто бы меняет свой человеческий облик. В юкагирской легенде шаман спас родственников от смерти тем, что по его наставлению люди пришли рожки к своим шапкам: «Ни одного человека не нашла, все рогатые», — сокрушалась Смерть [Хозяин Земли..., 1994, с. 47]. Шапки с рожками надевали, когда приезжали гости, боясь, что с посторонними могут проникнуть неприятности, болезни, сглаз. Носили их взрослые и дети, отправляясь в дорогу (В.Г. Шалугин), некоторые информанты склонны считать, что подобные шапки были предназначены преимущественно для детей и пожилых женщин (А.В. Слеп-

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

цова, Ф.А. Шалугина, А.И. Шадрина, Г.Б. Шпак). Рожки делали из свернутой бересты, кожи, сверху обшивали ровдугой, тканью. Были шапки с тремя рожками: два ближе к темени, один ближе к макушке головы (Н.М. Лихачев). Капоры с рожками шили из шкуры, снятой целиком с головы оленя, из пестрых кусочков с шеи гагары. В середине XX в. пришивали рожки к детским шапкам, купленным в магазине; дети не любили такие шапки и ломали друг другу рожки (В.Г. Шалугин).

Тип 3. Головной убор, плотно облегающий голову (табл. XVIII, 6), шили из ровдужных и меховых полосок, на макушке вшивали деталь полукруглой формы. Капор украшали кантиками из красной ткани, вышивкой подшайным волосом, бисером, ровдужными продержками, меховой оторочкой. Капоры (табл. XVIII, 7, 8) имеют украшения типично юкагирские. Орнамент состоит из квадратов черной и красной кожи, чередующихся с неокрашенными квадратами; поперечных полос из окрашенных пищеводов собак в сочетании с белой замшей; полос красного и белого волоса из гривы оленя или лося и сухожильных швов. Шапки опущены беличьим мехом. Такой же мех пришит на макушке и в середине шапки [Иохельсон, 2005а, с. 580].

Тип 4. Старинный головной убор с отверстием на макушке эку (табл. XIX, 1). Такие шапки экуэндээ *мо́бо* шили из отдельных полос ровдуги и меха, украшали чередующимися полосами окрашенной кожи, красного сукна, белого подшайного волоса, бисера. Капор из неокрашенной ровдуги (табл. XIX, 2) по средней линии украшен цветным бисером, отверстие обшито белым подшайным волосом. Старинные женские головные уборы тундреных юкагиров и эвенов также имели отверстие на макушке. Возможно, через отверстие в шапке замужние женщины пропускали свои украшенные косы [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 332].

В старину у юкагиров существовали островерхие шапки *иисъэндээ мо́бо* или *йооншомордъэндээ мо́бо* (В.Г. Шалугин). В.А. Туголуков упоминает об островерхой шапке *куратли* в комплекте похоронной одежды. Комплект с шапкой *куратли* хранила пожилая юкагирка из пос. Ойотунг. «Вероятно, — пишет исследователь, — эта особенность формы головного убора сохранилась у юкагиров с давних времен. Согласно их представлениям, юкагирский праотец имел остроконечную голову» [Туголуков, 1979, с. 92]. Шапка, называемая *куратли*, известна низнеколымским эвенам. Ее шили без козырька, с опушкой и с орнаментом над опушкой [Данилова, 1991, с. 43]. Саккырырские и томпонские эвены также имели *куратли* (сообщение канд. ист. наук А.А. Алексеева), ср. эвн. *ныют куратли* «русская шапка». Островерхие

Женская летняя одежда

шапки, как и головные уборы с рожками, считались оберегами от злых духов и чертей. Согласно представлениям юкагиров, главой злых духов был остроголовый черт *Йоодэиисьэнъулбэн* (досл. «Голова как будто острая») (Н.М. Лихачев). Про человека в островерхой шапке говорили: *Йоодэиисьэнъулбэн адуюк оюол* «Остроголового сын стоит» (А.В. Слепцова). Такие шапки шили ослабленным людям, старикам и детям. Считалось, что, приняв за своих, злые духи их не тронут. Магическое действие островерхой шапки усиливали пришиванием рожек.

Раскрой юкагирской островерхой шапки состоял только из двух боковых лопастей. Нарядные женские островерхие шапки имели опушку, над ней вышивали солнце или полусолнце, пришивали рожки. По бокам украшали другими орнаментами (Ф.А. Шалугина). Материалом служил камус, тонкая оленья шкура, темная ткань, внутри подбитая заячьей шкурой. Повседневные островерхие шапки не украшались, сзади к ним пришивали *ньэлэкэ* — кусок ровдуги или ткани, защищающий шею от укусов комаров и дождя (В.Г. Шалугин) (табл. XIX, 3).

Для пошива головных уборов использовали шкуру, снятую целиком с головы лосенка, олененка, зайца (А.В. Слепцова, В.Г. Шалугин). Оставляли уши и вшивали в глазные отверстия цветную ткань зеленого, красного цвета с черным кантом. Иногда глазные отверстия зашивали, в щель вшивали кант из цветной ткани и пришивали по одному корольку синего или зеленого цвета или же на сукно нашивали бисер, полностью заполняя глазное отверстие. Человек в такой шапке выглядел четырехглазым; «четырехглазый» человек, считается, видит в 2 раза больше, чем обычновенный. Два пятна над глазами в окраске собаки позволяют называть ее «четырехглазой», такая собака «все видит», в том числе невидимых человеку существ, поэтому лает в кажущееся пустым пространство (А.В. Слепцова).

Головные уборы низнеколымских юкагиров имеют некоторые различия: основную деталь кроили Т-образной формы, спереди пришивали широкую кожаную манжету (табл. XIX, 4). Среди них выделяются:

монхо моҷо — шапка низнеколымских юкагиров с конусообразной макушкой (*монхо* «возвышенность, курган», *моҷо* «шапка»);

сурэн моҷо — головной убор шерстью внутрь (*сурэн* «замша, мездра»);

сукун моҷо — капор из ткани;

йуодавур — капор замужних женщин;

экуодъэ моҷо — капор с отверстием на макушке, носимый замужними женщинами [Данилова, 2004, с. 62].

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XX в.

С появлением привозных тканей женщины стали повязывать голову белыми, красными платками. Волосы заплетали в одну или две косы, их забрасывали за спину, соединив ниткой крупных бус-корольков, чаще с чередованием белого и черного цветов или подвязывали к косам украшение из нескольких рядов корольков (Е.Н. Дьячкова) (табл. XIX, 5). В.А. Туголуков писал, что юкагирские девушки и молодые женщины заплетали множество косичек, к которым подвешивали медные кольца, нитки жемчуга [1979, с. 90]. Современные юкагирские девушки вокруг головы повязывают красную ленту, кожаные ремешки с бусинами и бисером.

Для расчесывания волос одулы пользовались деревянными (табл. XIX, 6, 7) и костяными (табл. XX, 1) гребнями *ангийэ/йонгийэ*. В уши вдевали сухожильную нитку с нанизанными корольками, бисером, с небольшой круглой бляшкой или монетой на конце. На мочке уха нитка крепилась узелком (А.И. Шадрина, Е.Н. Дьячкова).

Поясная одежда. Штаны (*оо*) иносказательно называют «средняя одежда» и «те, которые идут вниз», сведений об этой одежде очень мало. В конце XIX — начале XX в. женские летние штаны шили из выделанной мягкой продымленной ровдуги, шкуры молодого горного барана, добытого летом, из шкуры детеныша лося, взятого у погибшей лосихи, выделанной кожи налима. По конструкции женские штаны не отличались от мужских, шили их длинными и короткими, в женском гардеробе предпочтение отдавалось последним. Длинные кожаные штаны имели вязки на концах пришитого пояса (табл. XII, 3д), этот крой заимствован от русских. У одулов женские *оо* давно вышли из употребления, их заменила покупная одежда. На нижней Колыме в пояске и по низу штаны стягивались ровдужными шнурками, продернутыми в кулиски.

Обувь. Одульскую женскую обувь (*мурэ*) из ровдуги обычно шили до колен, промысловая была высокой, до паха, в 30–40-х гг. XX в. в обиходе были тапочки. Подошвы кроили из выделанной кожи с шеи лося, из стриженої шкуры мездровой наружу. Летние *мурэ* носили со стелькой из сухой травы или с кожаным чулком *араунээ* *мурэдуо* «голое дитя сапога». В.И. Иохельсон писал, что в конце XIX — начале XX в. юкагиры подошвы своей обуви обычно делали из коровьей кожи, покупаемой у якутских торговцев. Тундренные юкагиры применяли для этого шкуру тюленя, получаемую от чукчей [2005а, с. 566]. Обувь из ровдуги обычно шьется башмаковидной (с кроеной подошвой) и редко — поршневидной (кусок кожи для подошвы выкроен значительно больше очертаний стопы). Верх обуви срезан прямо. На изготовление летней обуви мастерицы употребляли выделанную и продымленную оленью или лосиную кожу. Для

Женская летняя одежда

лучшей водонепроницаемости в швы прокладывали кант пунэчэ из кожи или ровдуги (табл. XX, 2).

Ровдужная обувь имеет два основных типа покроя, выделенных Г.М. Василевич, и третий — промежуточный, эклектический. Первый покрой, названный алтайским, характерен для юкагиров (табл. XII, 3ж; XX, 3–7): «...голенище из двух частей, длинной передней и короткой задней (швы спереди); передняя часть голенища внизу покрывает подъем и пальцы. В некоторых вариантах она составлена из двух частей: нижней (носок), несколько выше подъема, и верхней — от подъема и до верхнего края (голенища). Все голенище пришито чаще к выкроенной подошве, иногда к поршню. Второй вариант такого голенища (пришитого к поршню. — Л. Ж.) имеет сборки на подъеме, изнутри пришитые к ремешку. Этот вариант встречается и с якутским “носочком” [Василевич, 1963, с. 35]. В конце XX в. «якутский носочек» — характерная для якутов конструкция подошвы с узкой полоской, вшитой в надподошвенную часть, в ровдужной обуви одулов не известен. Голенище по верху обшивают манжетой из ровдуги, ткани, украшают цветными полосками, продержками *мошиодьайа*, подшайным волосом, бисером, делают оторочку из короткошерстного меха. Раньше по верхнему краю в кулиске пропускали ровдужный ремешок, длинные мурэ подвязывали к поясу; теперь обувь предпочитают шить с вязками только на щиколотке.

Голенище обуви со швами по бокам, со вздежкой (табл. XII, 3ж), по верху украшено полосками ткани или ровдуги, в том числе нарезанной широкими зубчиками.

У обуви из слабо окрашенной ровдуги, хранящейся в фондах ЯГОМИИКНС и не имеющей паспортизации (табл. XX, 3), передняя деталь обшита кантом из ткани черного цвета. Подошва поршневидная, носок ее стянут сухожильной ниткой, на пятке присборена. На щиколотке короткие кожаные ремешки. Верхний край голенища прямой, обшит полосой неокрашенной ровдуги с пропущенной внутри вздежкой. Под кулиской нашиты две узкие полоски красной ткани, между ними — широкая полоса черной ткани. В шов между нижней красной и черной полосками вшит кант из белой ткани.

У обуви из дымленой желтой ровдуги, также хранящейся в фондах ЯГОМИИКНС и не имеющей паспортизации (табл. XX, 4), в боковые швы и между голенищем и подошвой вшит ремешок из неокрашенной ровдуги. Подошва кроеная, в центре ее вшита прямоугольной формы вставка из белой стриженою оленьей шкуры. Вздежки нет, но есть следы двух оторванных вязок. По верху обувь обшита узкой полосой ровдуги коричневого цвета, ниже располага-

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

ется аппликация из тканей двух цветов — красной и синей. Аппликация красного цвета имеет вид широкой полосы с отходящими вниз тремя лучами, сверху на нее нашита узкая полоса синей ткани. Вся аппликация обшита белым подшайным волосом.

Вариантом этого же края является обувь без паспортных данных из фондов ЯГОМИиКНС (табл. XX, 5) с поперечным швом на передней длинной детали. Подошва из окрашенной в красный цвет мягкой ровдуги, окрашенная сторона обращена внутрь. По центру пяток вшиты кусочки кожи овальной и прямоугольной формы. Происхождение заплаток неясно, возможно обувь была изготовлена как ритуальная, погребальная. Подошва поршневидная, присборена в пятке и носке. Носок дополнительно сформирован другим способом: на подъеме ровдуга стянута двумя параллельными стежками сухожильных ниток, без ремешка, узлы крепятся внутри. Сборки на подъеме являются приемом формирования носка обуви древних арктических охотников, у которой подъем не был выражен. В швы подошвы и голенища вшият кант из желтой ровдуги. Голенище из светлой дымленой ровдуги широкое, высотой до колен; верх срезан чуть косо, его окаймляют две ровдужные полоски: верхняя — тонкая, мягкая, неокрашенная, нижняя — плотная, светло-коричневая. Под ними нашита аппликация из ткани: на красную основу с тремя лучами наложена полоса черной ткани. Вся аппликация обшита белым подшайным волосом. Вязок нет. Аппликации обуви на рис. 4 и 5 со-поставимы с лучистыми нашивками на вороте юкагирских кафтанов и, по-видимому, имеют солярную символику. Так же украшена высокая женская обувь из ровдуги эвенов Саккырыра (табл. XX, 8) и колымских эвенов, но нашивки имеют по пять лучей и украшают не верхнюю, а среднюю часть голенища.

Определение обуви без паспортных данных из фондов ЯГОМИиКНС как принадлежащей к юкагирской культуре основано на наличии таких типично юкагирских особенностей, отмеченных Г.М. Василевич, как покрой голенища из двух частей — передней, узкой и длинной, и задней, широкой; состоящей из двух частей передней детали; наличии канта в швах; швов по бокам или спереди; вздежки по верху голенища; сборок на подъеме.

Погребальные женские мурэ шили из серого «солдатского» сукна, швы голенища и подошвы обшивали широкими полосками красной ткани (табл. XX, 6). Спереди над поперечным швом помещался орнамент в виде елочки.

Для сырой погоды и для занятий рыбным промыслом шили высокую обувь этого же покрова из грубо обработанной ровдуги *оңдьюон* мурэ «обувь для сырости» (табл. XX, 7). Верх голенища с широкой

Женская летняя одежда

манжетой из ткани, на заднике пятки — ремешки. Их обычно делали длинными, чтобы несколько раз обхватить ногу и завязать спереди под коленом; такая обвязка необходима, чтобы намокшая часть голенища не сползала вниз.

Особенность юкагирской обуви в том, что голенище из двух частей имеет швы спереди или с боков. «Судя по распространению, такой раскрой голенища можно считать древним юкагирским, перешедшим к тунгусам (эвенкам и эвенам) на территории Якутии и якутам, но последние перенесли на него свою (южную) подошву с острым передком и с “носочком”. Эвенки вынесли навыки этого раскроя голенища на Охотское море, откуда он проник на Сахалин к орокам, и на юг — к негидальцам, нанайцам и орочам» [Василевич, 1963, с. 60].

Второй покрой ровдужной обуви одулов, названный Г.М. Василевич вариантом обуви западно-сибирского типа, известен по публикациям и музеиным коллекциям (табл. XX, 9–11). Он встречается у чукчей, коряков, ительменов [История и культура ительменов, 1990, с. 80], анадырских эвенов. Покрой включает кроеную подошву, головку (союзка, огибающая всю ступню с подъемом), голенище и вставку на подъеме треугольной или язычковой формы. Голенище цельное со швом спереди, без манжеты, на щиколотке обшито полосой яркой ткани. Головка огибает всю подошву со швом сзади. В швы, соединяющие головку с подошвой и голенищем, вшият кант. Кроме того, в шов головки и голенища вшиты петли из ровдуги для пропуска ремешка. Спереди на подъеме между головкой и голенищем имеется вставка треугольной или язычковой формы, украшенная яркой тканью и вышивкой. Особенность этой обуви в том, что головка по цвету всегда темнее голенища. В конце XIX — начале XX в. нижнюю часть изготавливали из черненой конской кожи, приобретаемой у якутов-коневодов; голенная часть шилась из цельной пластины неокрашенной или слабокопченой ровдуги.

В.И. Иохельсон описал обувь, изображенную на рис. 9: «Летняя обувь из оленьей ровдуги. Между подошвой и союзкой (голенищем. — Л. Ж.) проходит полоска окрашенной в черный цвет кожи. Подъем украшен вышивкой шелковыми нитками» [2005а, с. 579]. Аналогичное описание содержится в материалах этнографической экспедиции СО АН СССР 1959 г.: «Нарядной женской обувью считались килипелики — торбаса из белой и желтой ровдуги с головкой из черненой сырости, расшитой цветными нитками и бисером» [Юкагиры, 1975, с. 43].

Обуви второго покроя из фондов ЯГОМИиКНС (табл. XX, 10) нарядность придает контрастное сочетание цветов: черный цвет

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

головки, ярко-зеленый шелк на подъеме с вышивкой цветными нитками, полоска красной ткани на щиколотке. В настоящее время такая обувь одулами не изготавливается.

Обувь западно-сибирского типа распространена от Урала до Енисея у ханты (*ныыр* — обувь), манси, селькупов и кетов и сосуществует с обувью других типов у северных алтайцев — кумандинцев, шорцев, телеутов и хакасов. Интересно, что чукотский вариант западно-сибирского раскрыя пережиточно сохранился (в орнаменте) у индейцев Северной Америки [Василевич, 1963, с. 57–58].

Составная конструкция обуви западно-сибирского типа (головка+голенище) у разных народов отмечена несколькими способами. Первый способ состоит в использовании цветовых контрастов: темная головка сочетается со светлым голенищем (хакасы) или, наоборот, светлая головка и темное голенище (северные ханты). Второй способ заключается в применении разных материалов, например, у северных алтайцев головку шили из кожи, голенище — из парусины. Кроме того, различными приемами обозначали шов, соединяющий головку с голенищем: цветными нитками, вшиванием широкого канта, кожаных петель. Все эти способы были известны и юкагирским мастерцам: применяли цветовые контрасты (черненая головка и слабоокрашенная ровдуга голенища), отмечено различие в материалах (конская кожа и оленяя ровдуга), шов между головкой и голенищем акцентирован полосками кожи и яркой ткани, вшиванием кожаных петель. Чукчи и коряки также используют цветовые контрасты, что рассматривается как характерная особенность их обуви. Носок ровдужной обуви корякских женщин «до подъема нередко делали из шкуры акибы, выкрашенной в черный цвет, а сам подъем и голенище — из шкуры оленя, окрашенной бурой краской» [История и культура коряков, 1993, с. 45]. Олennые и приморские чукчи имеют «...так называемую “сухую” обувь, которую они носят дома, когда отдыхают... В наиболее употребительной форме ее голенища делаются из тонкого гладкого оленьего камуса, а головка — из выделанной и продымленной кожи. Верхняя часть этой обуви опушается узкими полосками выкрашенной в красный цвет тюленьей кожи или красной материей... Женская сухая обувь соответствует такой же обуви, употребляемой коряками, камчадалами и обрусовшими юкагирами» [Богораз, 1991, с. 182–183].

Рассмотренный состав надподошвенной части у одулов в конце XX — начале XXI в. не сохранился. Женскую украшенную обувь (летнюю и зимнюю) называют *калиберки*. Просмотренные нами в с. Нелемном *калиберки* из ровдуги принадлежат к смешанному типу, сочетающему алтайский раскрой с элементами украшения запад-

Женская летняя одежда

но-сибирского типа (табл. XII, 3e; XXI, 1–4). На пошив используют неокрашенную, слабо продымленную или темно-коричневую ровду-гу, ткань. Раскрой из двух частей, длинной передней и короткой задней, швы спереди. Переднюю деталь шьют цельной или с одним по-перечным швом над подъемом, в вариантах нижнюю часть кроят как укороченную головку (табл. XXI, 5). На подъем сверху нашивают накладку из сукна, чаще черного цвета. Верхний, прямой, край суконной накладки и нижний, овальный, выкроенный в виде языка, украшены рядами цветного бисера, цветными нитками, подшлейфным волосом, полосками красной ткани или атласной ленты. Центральная часть накладки вышита цветным бисером, нитками; узор составляют три-четыре круглых розетки-солнышка, *өнмиәдиэ*. Язычковая накладка имитирует вставку на обуви второго типа покроя. Иногда в подражание этому покрою щиколотка обшита полоской яркой ткани, как бы отделяя головку от голенища. Верх *калиберок* всегда с широкой манжетой, обычные цветовые соотношения: между двумя красными полосами — широкая черная (или желтая) полоса с орнаментом. Либо между двумя черными — красная полоса или два ряда желтой тесьмы нашиты на черный фон; вышитые украшения — полосовые. Манжета опущена короткошерстным мехом белки, ондатры, соболя, черной цигейкой. Короткие ровдужные вязки пришиты над пяткой и здесь же завязываются, стягивая задник голенища; проложенный ремешок в швах отсутствует. Носок обуви (табл. XXI, 1) немного подтянут двумя параллельными стежками сухожильных ниток, без ремешка.

Определенная преемственность обуви западно-сибирского типа в *калиберках* современных мастерий обнаруживается в следующем:

- в названии *килипелики*, *калиберки*;
- в определении обуви как украшенной, праздничной, преимущественно женской;
- в использовании цветовых контрастов (табл. XXI, 3);
- в язычковой форме нашивки;
- в традиции украшать обувь на подъеме;
- в обшивании щиколотки полосой цветной ткани.

Следовательно, в течение XX в., утратив покрой второго типа, одулы перенесли основные традиции его украшения на первый, алтайский покрой. Различие еще в том, что *килипелики* конца XIX — начала XX в. украшались на подъеме и щиколотке, гладкий верх их, возможно, прикрывали длинные штаны. В *калиберках* конца XX — начала XXI в. верх голенища украшен широкой орнаментированной манжетой, их носят с колготками, рейтузами. Одульские мастерицы считают, что утрата западно-сибирского типа вызвана стремлением

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

упростить процесс изготовления предметов традиционного гардероба и активным использованием покупной одежды (М.С. Громова).

Наши информанты сообщали, что в 30–40 гг. XX в. одульские женщины и девочки летом носили расшитые тапочки (Е.Н. Дьячкова, Г.Б. Шпак), в настоящее время одулы их не шьют, некоторые юкагиры считают изготовление домашних тапочек заимствованием у русских (А.В. Слепцова). Мы уже приводили цитату из работы А.А. Бурыкина со ссылкой на А.В. Олсуфьеву о том, что в конце XIX в. соседствующие с чукчами обруseвшие юкагиры-чуванцы в качестве женской домашней обуви имели «калипляки — род туфель из тонкой черной кожи, иногда расшитой яркими шелками». Остается неясным, является ли короткая обувь (одульские тапочки и чуванские *калипляки*) издавна присущей гардеробу юкагиров или это позднее, в том числе русское, заимствование. Опубликованные Г.М. Василевич этнографические материалы показывают, что у народов Сибири области распространения короткой обуви (кроеная подошва+головка) в качестве летней обуви и обуви до колен и выше (кроеная подошва+головка+голенище) примерно совпадают. Комплект этот известен народам Западной Сибири (ханты, манси, кеты), Алтая (алтайцы, шорцы, телеуты) и корякам. Не исключено, что одулы в своем гардеробе также имели короткую обувь (тапочки).

Тундренные юкагиры обувь угурчэ для теплого времени года шьют из ровдуги (легкие *кулубэ*) и оленевой шкуры (летние *унты хобии*). *Кулубэ* имеет три разновидности: для носки в дождливые дни, для сухих мест и для болотистой, мокрой местности. *Хобии* носят осенью во время дождей, выпаса оленей, при ходьбе по болотам, воде. Существовала обувь для дома *кэтнидугурчэ* и обувь *сондуу*, сплетенная из чего-либо [Данилова, 2004, с. 65–66].

Завершают комплект летней женской одежды ровдужные перчатки *шашхул/шархул молодью* (табл. XXI, 6, 7). Перчатки шили из белой или желтой ровдуги, швы обшивали цветными шелковыми нитками. С тыльной стороны помещали розетку-«солнышко», *өнмиэдээ* и другие орнаменты, вышитые подшнейным волосом, жильными или цветными нитками. Манжету перчатки окаймляют полосами красного и черного сукна, лентами, короткошерстным мехом. Иногда украшение завершает кисточка из тонких ровдужных ремешков и полосок ткани. Здесь же пришивают ровдужную петлю для подвешивания. Для хозяйственных работ использовали рукавицы *молодью* из выделанного оленевого камуса мехом наружу, без подклада.

Женская зимняя одежда

Наплечная одежда. Сведения о зимней распашной одежде одулов носят фрагментарный характер. «Зимняя одежда верхнеколымских юкагиров имеет тот же покрой, что и летняя, — писал В.И. Иохельсон в начале XX в., — но шьется из оленьих шкур мехом наружу. Из-за нехватки шкур диких оленей верхнеколымские юкагиры приобретают шкуры или готовую одежду, преимущественно старую, поношенную, у тунгусов-оленеводов в обмен на беличьи шкурки или получают ее в виде подарка» [2005а, с. 562]. Зимний меховой *мабил* лесных юкагиров к середине XX в. уже вышел из употребления. Когда в 1959 г. одулы собирались выехать в Якутск на республиканский фестиваль художественной самодеятельности, они не смогли найти ни одного полного комплекта традиционной зимней одежды с национальным орнаментом и подвесками [Туголуков, 1979, с. 92].

Зимний *мабил* шили из выделанной оленьей шкуры (табл. ХХII, 1, 2), такие кафтаны аналогичны эвенским *мука* [Иванов, 2001, с. 66–67]. Ворот кафтана обшивали полоской ровдуги, полки и подол украшали красной и черной тканью, обшивками из белой оленьей шкуры или белого камуса, кожаными ремешками с продержкой из белой и черной кожи *мошиодьайа*, квадратиками и ромбами черного и белого меха, сшитыми в шахматном порядке. Накладки *урдэнгэ* на спинке кафтана делали из красной ткани, по краям обшивали несколькими рядами бисера. Низ накладок украшала бахрома из ровдуги, окрашенная в любимый юкагирами красный цвет. О наличии на зимней одежде солнечной символики вокруг ворота сведений не имеется. Распашные кафтаны одулов не имели воротников, шею защищал шарф *ньэмараий*. В.И. Иохельсон писал, что отсутствие воротников на одежде юкагиров отличает их от одежды чукчей [2005а, с. 564].

Зимняя распашная тунгусского образца одежда была повседневной. Женской зимней промысловой одеждой одулов, согласно сообщениям наших информантов, служила глухая, надеваемая через голову кухлянка или *курчека*.

О постепенной утрате одулами традиции шитья зимней наплечной одежды свидетельствует, например, такой факт. В конце 20-х гг. XX в. нелеминский юкагир, писатель, канд. экон. наук Н.И. Спиридовонов (Тэки Одулок) писал, что общим принципом юкагирской одежды было «соединение внутренней и наружной одежды мездрами (шерстью в противоположные стороны)» [1996, с. 32]. В 80-х гг. XX в. многие наши информанты (1920–1930-х гг. р.) из с. Нелемного считали, что женские и мужские зимние распашные кафтаны не были

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

двойными, *мағил* шили только мехом наружу. От старейшей юкагирки Е.Н. Дьячковой записано сообщение о том, что зимней женской одеждой был распашной кафтан мехом внутрь, называемый *мағилэлбэ*. Снаружи его окрашивали в желтый цвет, украшали. В 80-х гг. XX — начале XXI в. одульские женщины меховых распашных кафтанов не надевали и не шили.

В конце 90-х гг. XX в. женщины под верхнюю покупную одежду или на платье надевали своеобразные утеплители, кроем напоминающие тунгусские передники (табл. XXII, 3). Их изготавливали из двух пластин меха (в том числе ондатры, собаки), ватина или вязали из вычесанной и свитой собачьей шерсти. Пластины не украшали, соединяли ремешками в плечах и на поясе, сверху обшивали тканью (Г.Б. Шпак).

Табл. XXII, 4 и XXIII, 1–4 демонстрируют зимнюю наплечную одежду вадулов в начале (материалы В.И. Иохельсона), середине (экспедиция СО АН СССР, 1959 г.) и конце XX в. (музей ИПМНС СО РАН). Распашные женские кафтаны тундренных юкагиров сохраняют двойной принцип, на нижний кафтан нашивают карманы. На спинке верхнего кафтана по бокам (табл. XXII, 4) пришиты длинные жгуты из кусочков черного собачьего меха и окрашенной тюленьей шкуры. Такая же полоса соединяет основания треугольников, расширяющихся низ спинки. Нижний край опущен черным собачьим мехом*. На изнанке кафтана у подола по средней линии спинки современные вадулы пришивают кусочек ровдуги с камешком-амuleтом внутри.

В начале XX в. различия между женской одеждой лесных и тундренных юкагиров были невелики и заключались в присутствии на зимней одежде женщин тундренных юкагиров длинных кожаных или меховых хвостов, свисающих по бокам одежды от пояса до подола, и карманов. По материалам В.И. Иохельсона, такие «хвосты» пришивали только к верхней зимней одежде, но в конце XX — начале XXI в. вадулы стали украшать кистями и праздничную летнюю одежду. Благодаря оленеводческому хозяйству вадулы сохраняют традиции шитья распашной одежды.

Передник. Под зимний распашной кафтан лесные юкагиры надевали передник *нициэмун* мехом внутрь, на верхнюю часть его шли выделанные шкуры оленя теленка (*тугута*) или молодого оленя. Иногда оленя шкуру заменяли ровдугой, подбитой заячьим мехом.

* «Собаку убивают дубинкой, — писал В.И. Иохельсон. — Сняв шкуру, тело собаки засыпают снегом, а сверху кладут старый кусок выделанной шкуры оленя. Юкагиры считают, что оленя шкура дается собаке взамен ее собственной шкуры, в противном случае тому, кто носит кафтан, грозит несчастье» [2005а, с. 575].

Женская зимняя одежда

Нижнюю часть составляли аппликации и орнаментальные вставки. По краям *нициэмун* обшивали короткошерстным мехом, подол украшали полосками меха и кожаной бахромой. Н.И. Спиридонос писал, что к зимним передникам «подвешиваются меховые лоскутки, иногда просто беличьи хвостики, символизирующие “языки” теплоты, аналогичные языкам огненным и предохраняющие своего хозяина от внедрения паразитных ледянистых духов мороза» [1996, с. 33]. Для защиты горла и груди под верхнюю часть передника одулы подкладывали заячью шкуру мехом к телу *нициэн тобуль*. Конец ее свободно отворачивался наружу, обогревая подбородок (А.В. Слепцова, В.Г. Шалугин). Трудно сказать, насколько различались по украшениям летние и зимние передники одулов. Известно, например, что в отдельных образцах женских зимних передников срединные украшения отсутствовали. В 80-х гг. XX в. и в настоящее время одулы не изготавливают и не носят зимние *нициэмун*.

Табл. XXIII, 2, 4 показывают женские зимние передники тундровых юкагиров.

Головные уборы. Особенность головных уборов юкагиров заключается в использовании различных покроев, что, по-видимому, обусловлено различиями между отдельными территориальными группами. Аналогичные явления в начале XX в. отмечены у коряков: «С.Н. Стеблицкий обратил внимание на то, что головные уборы различных групп коряков отличаются, и отличия эти могут дать интересный материал для изучения культуры народности. Он писал: “Малахай каменца... широкий, плоский, пушистый, с двумя уголками или ушками по обе стороны. У алюторца малахай тоже с уголками по бокам, но уголки эти не острые, а прямые. Сбоку малахай алюторца выглядит совсем так же, как капюшон кухлянки. У паланцев форма малахая иная: малахай круглый с мохнатой опушкой из лисьего, собачьего или росомашьего меха, уголков по бокам нет; когда бока малахая подвязаны назад, опушка торчит как пушистый чуб. У карагинцев форма зимней шапки близка к паланской, однако все же отличается тем, что карагинский малахай не имеет густой опушки”. Ни у какого другого народа Севера не было такого разнообразия головных уборов, как у коряков. Они, как и монголы, могли легко отличить по головному убору представителя того или иного корякского племени, и в этом смысле головные уборы, их форма, покрой и декор могли служить хорошим историко-этнографическим источником» [История и культура коряков, 1993, с. 45–46]. Разнообразие зимних и летних головных уборов юкагиров может оказаться перспективным для подобных исследований.

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XX в.

Зимними головными уборами были капоры разных покроев, остроконечные шапки и шапки с рожками.

Меховой капор (табл. XXIV, 1) в раскрытое имеет три детали: две боковые лопасти и одну продольную полосу. На его пошив брали темный олений камус. У индигирских юкагиров встречался капор, покрой которого состоял из поперечной полосы, проходившей по темени головы, и отдельно вшитого полукруглого куска, прикрывающего затылок (табл. XXIV, 2).

Соседствующие с чукчами юкагиры шили капоры, покрой которых совпадал с чукотско-корякским. Он состоял из трех частей: продольной — ромбовидной, закрывающей темя и затылок, и двух лопастей, закрывающих уши (табл. XXIV, 3). «Шапка имеет форму мыса-хая (малахая? — Л. Ж.), — писал Н.И. Спиридонов, — сзади и спереди открыта, уши соединяются наверху в виде конуса. Спереди бывают оторочены мехом, защищающим все лицо от падающего сверху снега. Шьются обычно из шкуры оленевых телят» [1996, с. 33].

В конце XIX в. о головных уборах северных якутов В.Л. Серошевский сообщал: в Колымском округе «мужчины и женщины предпочтитаю меховой шлем из лисьих или песцовых лапок, подбитый беличьим мехом. Шапка эта по форме очень похожа на тунгусский меховой чепчик, только толще его, больше и выше» [1993, с. 317]. Аналогичные шапки, возможно, носили в конце XIX — начале XX в. юкагиры Колымского округа.

От юкагиров или эвенов Булунского улуса северные якуты заимствовали капор из оленьей шкуры, подбитый пыжиком. По швам и вдоль краев спереди и сзади он украшен аппликацией из квадратов белого и темного камуса, опушка из белого меха горностая или песцовых лап. Капор имеет длинную петлю, забрасываемую на макушку [Гаврильева, 1998, с. 23].

Лесные юкагиры шили зимние капоры из беличьего меха, но предпочтение отдавали шкуре оленя и олененка. Покрой включал три детали: две боковые со швом на теменной части и овальная деталь, закрывающая затылок (табл. XXIV, 4а–в). Юкагирские материалы проливают свет на происхождение овальной детали в затылочной части головного убора (а также на капюшонах кухлянок северных народов, являющихся естественным продолжением спинки одежды). Снятую чулком и вывернутую мехом внутрь заячью шкуру одульские женщины использовали в качестве «спального мешка» для новорожденных детей (В.Г. Шалугин, Е.Н. Дьячкова). При этом головную часть шкуры не отрезали, а старались как можно больше натянуть на голову ребенка, как капюшон. В середине XX в. сверху на головную часть заячьей шкуры надевали

Женская зимняя одежда

покупной детский чепчик. Таким путем, возможно, возник покрой, когда к головной шкуре животного надставляли недостающую переднюю часть. Так же поступали при шитье шапок из головных шкур. В XIX — начале XX в. использовали головные шкуры зверей в зависимости от назначения шапки: мужские охотничьи шили из шкур медведя, росомахи, в дорогу — волчьи, свадебные — из беличьего меха, для старииков и детей — заячий, повседневные — оленьи. Избирательность материала была вызвана анимическими, тотемическими представлениями, особенностями промыслового-хозяйственной деятельности.

Капоры из головных шкур на севере Якутии имели широкое распространение, покрой их заимствовали якуты. «Переднюю опушку шили из соболиных спинок, позднее — из меха росомахи, теменную часть — из шкуры рыси, волка, лисы, снятой с головы животного, глазные щели окантовывали бисером. Затылочную часть шапки традиционно шили из бобрового меха, а нижние края опушали рысьим» [Гаврильева, 1998, с. 21]. Капоры создают синкретичный образ человека-животного, они объясняют двуликость сказочных персонажей одулов: животные действуют, как люди, и люди легко превращаются в животных. Животная личина на головном уборе оставила след в фольклорных текстах. В позднем по происхождению тексте, записанном В.И. Иохельсоном в 1895 г. на р. Нелемной, охотники встретили в лесу старуху-людоедку, которая имела на затылке второй рот с зубами [2005б, № 23]. Для капоров, в том числе с отверстием или ровдугой на макушке (табл. XVIII, 6–8; XIX, 1, 2) использование головных шкур зверей могло быть исходным. Возможно, под влиянием русской православной культуры традиция использовать головные шкуры зверей на пошив шапок постепенно исчезла.

Чтобы снег не попадал за ворот одежды, к капору сзади пришивали *ньэлэкэ* — кусок ровдуги, шкуры или ткани. В Абыйском улусе шили капоры с аппликацией из разных мехов: опушка из беличьих хвостов, макушка из сукна или оленевых камусов, на затылке мех бобра с *ньэлэкэ* из рысьей шкуры. Северные якуты такие капоры называли *ньялака бэргэнэ* (*бэргэнэ* — як. шапка) [Гаврильева, 1998, с. 23].

Зимой одулы надевали островерхие шапки, сшитые мехом наружу, старые женщины носили зимние шапки с рожками. По воспоминаниям одулов старшего поколения, в середине XX в. зимние шапки изготавливали из плотной ткани, внутри подбивали заячьим или беличьим мехом. Под меховые головные уборы надевали круглые кожаные шапочки, их шили из шести деталей (табл. XXIV, 5). Якуты

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

аналогичные круглые головные уборы стали шить с начала XVIII в. [Гаврильева, 1998, с. 19, 102].

У одулов сохраняется традиция составлять меховые аппликации; надо лбом вшивают одну или несколько светлых меховых вставок *йоон нодьорхо*, дословно «головы солнце», их вшивают специально или подбирают подходящую шкуру. На зимних капорах детей и подростков *йоон нодьерхо* играет роль «символа-пожелания ясного разума, чтобы ребенок не делал плохого, как оберег-напутствие» (В.Г. Шалугин). Украшения головных уборов составляли тальниковые полоски, окрашенные настоем ольховой коры в ярко-красный цвет, полоски окрашенной кожи и прорезки *моишодьайа*, цветная ткань, ленты, вышивка подшерстным волосом и цветными нитками. Бисер использовали редко. Опушку делали из меха белки, лисы, других пушных зверей, камуса контрастных белого и черного цветов. Из привозных материалов применяли цветное сукно, преимущественно красное и черное, медные подвески. Внутри обшивали короткошерстным мехом, позднее тканью. Ныне одулы пользуются покупными шапками, шапками, платками.

Шею от холода защищал шарф *ньэмараий/емрай*. Шарфы были круглыми (боа) и с завязками на концах. Поскольку беличьи шкурки были предметом торговли и обмена на необходимый товар — чай, табак, сахар, муку, патроны и пр., шарфы чаще делали из оленьей шкуры. Несколько небольших кусочков мягко выделанной шкуры с длинной шерстью сшивали в кольцо. Тундренные юкагирки делали шарфы из песцовьих хвостов, завязанный узел обращали на спину. Такой шарф плотно облегал шею.

Шапки с отверстием носили замужние женщины. Табл. XXIV, 6, 7 показывает две старинные нарядные шапки тундренных юкагиров, сшитые из полос разного меха. Украшения состоят из черных и красных окрашенных кожаных полос, а также из полос чередующихся квадратов красной и белой кожи, из скрученных пучков шерсти и швов из сухожилий. Опушка сделана из собачьего меха, так как в тундре белок нет. Кроме того, на опушку употреблялись волчья и лисья шкуры. Кожу тундренные юкагирки красили в черный цвет, натирая ее древесным углем и намазывая затем осетровым клеем [Иохельсон, 2005а, с. 581].

Поясная одежда. Зимой женщины редко носили длинные штаны, обычно короткие, с длинными меховыми чулками *мурэдуу* и обувью до колен либо с высокой обувью и меховым носком *мурдудуу*. На пошив штанов брали заячью или хорошо выделанную оленью шкуру мехом к телу, камус. Из-за непрочности заячьей шкуры сверху *оо* обшивали ровдугой (А.В. Слепцова, В.Г. Шалугин). В до-

Женская зимняя одежда

рогу надевали двойные *оо*: короткие внутренние с длинными чулками и наружные длинные с обувью до колен. В конце XX — начале XXI в. одульские женщины меховых *оо* в качестве повседневной одежды не изготавлиают и не носят.

Как было отмечено в гл. 1, женщины тундренных юкагиров в сильные морозы надевали комбинезон — трусы с нагрудником (табл. III, 6). Часть женских меховых трусов, прикрывающая верхнюю часть тела до шеи, называлась *тууриин наан* (*оо*, *оон*, *туурии(ң)* — штаны, брюки). Тундренные юкагирки носили только короткие *оо*, в поясе они затягивались ровдужными шнурками, продернутыми в кулиски [Данилова, 2004, с. 65].

Обувь. К зимним мурэ юкагиров относится обувь из камусов лося или оленя и двуслойная обувь, верхний слой которой сшит из светлой или коричневой ровдуги, нижний — из цигейки, овчины или другого меха волосом внутрь (конец XX в.). Высота обуви — до колен или до паха, подошва обычно кроеная. В зимних мурэ несколько покроев, в эклектической обуви присутствуют элементы алтайского и западно-сибирского типов. Расшитую и украшенную женскую обувь называют *калиберки*.

Зимняя обувь была двойной: внутрь мурэ, сшитых мехом наружу, надевали меховой носок *мурдуу* или чулок *пүгэлбиэнэйэ мурэд уо* «мохнатое дитя сапога» [Иохельсон, 2005б, с. 11], также *мурэд уо* «дитя сапога», шитые мехом к телу. Верхний срез длинных меховых чулок кроили овальным мысом, ремешками подвязывали к коротким штанам или поясу (табл. XXV, 1). Меховые носки *мурдуу* шили из заячьей, оленьей шкуры, теперь они изготавливаются из овчины, раскрой показан в табл. XXV, 2. Этот раскрой из голенища и отдельно вшитого носка Г.М. Василевич назвала восточно-сибирским. Юкагирские женщины в наши дни еще изредка надевают традиционные меховые носки и мурэ на мягкой подошве из лосиной кожи. Это промысловая и дорожная обувь, в основном мужская, в поселке же носят меховую обувь, подшитую валенком, войлоком или на синтетической подошве с шерстяным или хлопчато-бумажным носком. Подошва с низким кабуком.

На основе алтайского типа (голенище из двух частей, без союзок) шьют эклектическую обувь из кожи, подбитую натуральным или искусственным мехом (табл. XXV, 3–7). У двухслойных *калиберок* переднюю часть редко изготавлиают цельной, обычно — со швом над подъемом или выкраивают носок-головку. На подъем помещают нашивку язычковой формы из темного сукна, в украшениях преобладает узор «солнышко». Такие *калиберки* имеют типологическое сходство с эклектической обувью из ровдуги. Манжеты вышивают

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

цветным бисером, оленым волосом по красному, черному или иному полю, обшивают меховой опушкой чаще контрастного цвета. Используют ровдугу, черную кожу и мех покупных меховых сапог. Носок-головка по цвету не отличается от голенища, вся передняя деталь иногда украшена расшитым сукном, манжетами из белой овчины. Проложенный ремешок в швах отсутствует.

Одульская обувь из камусов (табл. XXVI, 1–2, 5–6) имеет кроеную подошву, одну союзку, голенище из нескольких полос камусов, передняя деталь всегда длиннее. Форма союзов различна, она определяет основные покрои обуви из камусов.

Покрой первый. Союзка соединяет переднюю длинную деталь голенища, закрывающую пальцы, с подошвой (табл. XXVI, 1, 2). Манжету украшают, в том числе меховой мозаикой из ромбиков темного и светлого камуса. Обувь такого покроя из белого камуса украшена вышивкой бисером белого, голубого, черного цветов. Такие готовые манжеты получены от охотских эвенов (табл. XXVI, 3, 4) (Д.И. Егорова).

Покрой второй. Союзка, иногда из двух частей, сшитых в носке или пятке, огибает всю ступню, в различных вариантах — только спереди или сзади. Манжета украшается различными способами (табл. XXVI, 5). Такой покрой имеет высокая обувь из камуса чысьэ мурэ (от чичэ — икроножная мышца, читнэй — длинный), которую шили для промысла (табл. XXVI, 6). На подошву шла лосиная кожа или щетки оленя/лошади. Передняя длинная деталь иногда делалась составной (табл. XXV, 1).

Покрой третий. Передняя деталь в носке очень узкая, ввиду чего союзка широкая. Такой покрой имеет высокая женская обувь тундренных юкагиров, верхний срез косой (табл. XXVII, 1).

В конце XX в. у одулов с. Нелемного и пос. Зырянка бытовала обувь из камусов с украшениями эвенского типа и с бисерными врезками вдоль стопы (табл. XXVII, 2, 3). В прошлом юкагирки шили меховые тапочки, украшенные узором өнмиэдиэ (Е.Н. Дьячкова).

Рукавицы. Рукавицы молодью шили из камуса олена мездровой внутрь, без подклада, «...но, подражая русским купцам, — писал В.И. Иохельсон, — юкагирские женщины шьют их и из родвуги, подбивая беличьим, лисьим, заячьим мехом» [2005а, с. 570]. Табл. XXVII, 4а, б, 5 показывает двойные рукавицы и их украшения вышивкой, лентами, тканью, меховой опушкой; узорчатый кружок символизирует «солнце в одеянии» [Спиридонов, 1996, с. 33]. Все швы нарядных молодью обшивали цветными нитками, сбоку прикрепляли петлю, кисточки. Молодью подвязывали или пришивали к рукавам зимних кафтанов (табл. XXII, 1).

Мужская зимняя и летняя одежда

Наплечная одежда. Мужская одежда, как уже отмечалось, отличалась от женской незначительно (табл. XXVIII, XXIX), но меньше украшалась. Уже в конце XIX в. мужчины стали носить русские пиджаки и рубахи. Под *мағил* и передник *нициэмун* (или вместо последнего) надевали навыпуск длинные глухие рубахи из привозных тканей. В комплект зимней промысловой одежды входили распашной кафтан и передник; наш информант Д.Г. Дьячков назвал нижнюю куртку шерстью внутрь с ремешками-вязками, передник и *сангиях* (як. шуба) шерстью наружу с вязками, без украшений. В сильные морозы сверху надевали еще один *мағил* мехом наружу без украшений, его шили на два размера больше основной одежды (В.Г. Шалугин). Этот информант включал в перечень зимнего комплекта глухую курчэка и распашную безрукавку *жилетчик*. Названия зимней одежды куртка, *жилетчик*, *сангиях* заимствованы из лексики русских и якутов. Длина охотниче-промышленной наплечной одежды достигала бедер. «Костюм служит своему хозяину довольно долго, — писал о своих современниках в 1930 г. Н.И. Спиридовон (Тэки Одулок), — так, одул Хотинги имел в продолжение своей 72-летней жизни всего лишь два костюма, последний из них носит и по сие время. Я не ошибусь, если скажу, что он умрет в этом последнем, не переменив его» [1996, с. 33].

Примером зимнего, а также погребального комплекта является использование летнего кафтана из ровдуги в качестве нижней одежды и зимнего мехового — в качестве верхней. Одулы при изготовлении родовой святыни так одевали деревянную куклу, приставляемую к черепу умершего шамана: «Череп одевали в две шапки: одну летнюю замшевую, вышитую, другую зимнюю, меховую. То же самое с кафтанами. Нижний был летний, ровдужный (замшевый), весь вышитый разноцветными узорами из крашеных оленевых и лосиных волос, а верхний был зимний кафтан из шкур оленевых телят» [Иохельсон, 2005б, с. 111–112]. Некоторые пожилые одулы в конце XX в. хранили отдельные предметы гардероба (обувь из ровдуги) в качестве погребальных. У нижнеколымских юкагиров погребальная одежда называется *худуодъэ сукун* (*худуол* — лежать похороненным) [Данилова, 2004, с. 58].

Табл. XXX показывает зимнюю промысловую одежду одулов в конце XIX в. и в конце XX в. Промысловые распашные кафтаны шили из шкуры молодого лося *айин мағил* (*айин* — шкура лося). Одежда из лосиной шкуры считается прочной, не удлиняется, не рвется, она удобна на охоте, рыбном промысле, носили ее зимой и

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

летом. Летом в *айин ма́бил* заготавливали жерди для сооружения за-пруды через реку при ловле рыбы (В.Г. Шалугин). Из шкуры молодого лося делали ровдугу, для чего шкуру замачивали в воде, снимали скребком без зубьев шерсть, затем обрабатывали прокисшими и вываренными внутренностями рыбы, смешанными с рыбьим жиром, вновь мали скребками. Из таких ровдуг шили промысловую одежду. Старые дошки из лосиной шкуры ныне донашаиваются промысловиками. В современной меховой промысловой одежде, сшитой по русским образцам, ремешки-вязки отсутствуют, их заменили пуговицы, «молнии», пришивают воротники, карманы, надевают кожаные ремни с ножами с правой стороны. Наряду с самодельными промысловиками пользуются покупными меховыми шубами, крытыми плотной тканью куртками, ватниками.

В Лейпцигском этнографическом музее (Германия) в каталоге «Северная Азия» под № 668 значится меховое пальто юкагиров *ордуку*, поступившее в музей в 1900 г. (табл. XXXI, 1). Однако одулам и тундренным юкагирам название предмета одежды *ордуку* неизвестно.

В конце XIX в. охотник-одул, отправляясь на промысел, надевал поверх распашного кафана пояс *йую* (табл. XXXI, 2). Его шили из окрашенных в черный или красный цвет полос кожи, ткани, украшали нитками из сухожилий, подшейным оленым волосом, бисером. К поясу крепилась маленькая украшенная сумочка для пуль *пудедабут*, рог с порохом и мерка для пороха. При беге охотник подтыкал полы одежды за этот пояс. Во второй половине XX в. в охотничий комплект входили маленькая сумочка для пуль на длинном ремне и самодельный патронташ (табл. XXXI, 3, 4).

На пошив летнего кафана использовали выделанные и продымленные оленьи шкуры, мехом обращенные внутрь (табл. XXXI, 5), причем головная часть шкуры была направлена вниз [Иохельсон, 2005а, с. 561]. Продымленные шкуры и кожи делают одежду водонепроницаемой и предохраняют от усадки при сушке. Ворот, полки, подол и рукава кафана обшивали полосками черного ситца и красной фланели, из тех же тканей изготавливаются фальшивые карманы и накладки на спинке. Мужские кафтаны в отличие от женских не имели отличительных знаков возраста и семейного положения обладателя. На вороте праздничных кафтанов присутствовала многолучевая нашивка — солярный символ; некоторые информанты считали, что такое украшение на мужской одежде было уже, чем на женской (В.Г. Шалугин). Солярные нашивки и узор *өнмиэдиэ* украшают современную танцевальную одежду одулов (табл. XXXII, 1–3).

Для красоты на груди в шов кафана, соединяющий полочки с плечевыми деталями, вшивали декоративные полоски чэнчэ («укра-

шение») от 1 до 3 из ровдуги или ткани (В.Г. Шалугин) (ср. в разд. «Одежда глухого типа в гардеробе одулов» украшение на кокетке поздненеолитического «сарафана» со стоянки Белая Гора). Такие чэнчэ были и на женских кафтанах, но чаще — на одежде девочек. У юкагира с р. Анюй, по сообщению В.Г. Шалугина, в локтевой части рукавов кафтана из оленьей шкуры мехом наружу голубым бисером были вышиты три столбика и «солнышки» с несколькими бисеринами в центре.

На фольклорные фестивали, праздник встречи Солнца, концерты художественной самодеятельности, т.е. на празднества общественного характера (табл. XXIX, 2) в качестве праздничной одежды в конце ХХ — начале ХXI в. одулы надевали укороченный, как пиджак, распашной *маьил* и передник из ровдуги или ткани. Трансформацию покроя распашных кафтанов одулов демонстрируют современные рубаха из ровдуги и *маьил* из оленьей шкуры мехом наружу (табл. XXXIII, 1, 2). Одежда завязывается ровдужными ремешками, ее отличает укороченность стана, расширяющие спинку клинья отсутствуют. Спереди вертикальные швы ровдужной рубахи украшены кантом из зеленої ткани, на полках вышиты розетки из белого подшайного волоса; справа прикреплен кисет со вздежкой, слева зелеными нитками вышиты изображения двух деревьев *өнмиэдиэ*. Летом в повседневной жизни и на промысле одулы широко используют самодельные и покупные глухие штурмовки с капюшонами, плащи, куртки, пиджаки, свитера.

Табл. XXXIII, 3–5 показывает распашные кафтаны тундренных юкагиров в конце XIX — конце XX в. «Зимой тундренные юкагиры, — писал В.И. Иохельсон, — носят особые верхние кафтаны из пушистой осенней или зимней шкуры оленя поверх внутреннего пальто, сшитого из короткошерстной летней шкуры олененка или из шкуры молодого олененка, не достигшего еще и года... Подолы кафтанов украшаются полосками собачьей или коровьей шкуры. Коровьи шкуры достают у соседей — якутов» [2005а, с. 564]. Эти же традиции характерны для современной мужской промысловой одежды тундренных юкагиров. Вот некоторые названия наплечной одежды вадулов:

ньорхо маьил — верхняя одежда из пыжика (*ньорхо* — новорожденный олененок);

йиэркэрэ сукун — зимняя одежда для дороги (*йиэркэрэ* — та, дальняя сторона чего-либо);

лэшэмэльэ кэйпэн маьил — летний мужской кафтан (*лэшэйл* — лето; *кэйпэ(ң)* — мужчина) [Данилова, 2004, с. 56–58].

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XX в.

В пошиве верхних зимних кафтанов вадулов обращают на себя внимание разнообразие меховых аппликаций (табл. XXVIII, 2) и длинный хвост с вильчатой развиликой на спинке (табл. XXXIII, 4а, 5).

Передники. Мужские передники также аналогичны женским, но имеют некоторые отличия в украшениях. По покрою и зонам орнаментации они двучастны. Верхняя трапециевидная деталь *нициэмун* изготавлялась из оленевой ровдуги (для летней одежды) и выделанной шкуры мехом внутрь (для зимы); орнаментировалась узкой полоской по верхнему и нижнему краям, нагрудные украшения не пришивали. Меньше украшалась и нижняя, прямоугольная деталь, на ее шитье использовали олений камус. Шов, соединяющий обе детали, обычно был выполнен в виде вогнутой дуги. Опубликованные данные показывают, что в отличие от женских на мужских передниках лесных и тундренных юкагиров конца XIX — начала XX в. отсутствовало срединное украшение *нициэмун шубэдъэ* «сердце передника». Под зимний передник для утепления горла подкладывали *нициэн тобуль* из заячьей шкуры.

Обычный мужской *нициэмун* сшит из ровдуги и оленьего камуса (табл. XXXIII, 6), «верхняя часть его настолько узка, — писал В.И. Иохельсон, — что при расстегнутом кафтане видно голое тело» [2005а, с. 569]. Верхний и нижний края ровдужной детали выкроены дугой, эту же форму имеет пришитое здесь изделие из металла (?). Подол опущен собачьим мехом, над опушкой украшение в виде перевернутой арки.

Те же дугообразные формы присутствуют в конструкции и украшениях другого передника (табл. XXXIII, 7), по низу обшитого беличьим мехом. В нижней части орнамент из крашеных кожаных прямоугольников, продетых полосок, скрученных шнурков и сухожильных швов образует крупную перевернутую арку. Внутрь ее контура помещена горизонтальная нашивка, выполненная теми же материалами. *Нициэмун* обнаруживает определенное композиционное сходство в украшении с женским передником из той же коллекции В.И. Иохельсона (табл. XVI, 1).

К середине XX в. одульские мужские *нициэмун* уже вышли из употребления, угасла традиция их изготовления для повседневного использования. Для мероприятий общественного характера (праздники встречи Солнца, концерты художественной самодеятельности) передники из ровдуги или ткани в конце XX — начале XXI в. шили со значительными отклонениями от традиционного кроя и украшения (табл. XXXII, 1). Передник из цельной пластины окрашенной ровдуги имеет срединное украшение и бахрому по подолу, т.е. копирует женские *нициэмун* (табл. XXXIV, 1), а глубокая горловина, кроение

ные «проймы» (тип женского сарафана) или слишком низко пришитые вязки, отсутствие нижнего украшения демонстрируют уже полную утрату традиций изготовления мужских передников.

В процессе перехода одулов к европейско-русской одежде и постепенного ухода от использования предметов традиционного гардероба происходил перенос особо значимых элементов украшения с одних, уже исчезнувших предметов одежды, на другие, еще функционирующие. Этим культурным явлением можно объяснить утверждение нашего информанта В.Г. Шалугина о том, что срединные украшения с металлическими подвесками также присутствовали на мужских передниках и выполняли весьма важную опознавательную функцию, являясь показателем мастерства охотника-промысловика. Украшения свидетельствовали «о самостоятельности и состоятельности, семейном благополучии умелого человека и хорошего охотника». К срединному украшению пришивали пять и менее подвесок, располагались они примерно так же, как и на женском переднике (табл. XII, 3б). Символика их такова: две подвески символизировали водную добычу (одна подвеска — рыбу, другая — водоплавающих промысловых птиц), три подвески — сухопутную добычу (одна — медведя, белку, другая — лося, зайца, куропатку и третья подвеска — дикого оленя). Чем вызвано такое деление сухопутной добычи? Информант пояснил, что, согласно представлениям юкагиров, у каждой из этих групп животных был отдельный *погиль*, «хозяин»: один — у медведя и белки, другой — у лося, зайца и куропатки, третий — у дикого оленя. Выделение отдельного хозяина диких оленей обусловлено тем, что дикого оленя не считали главным объектом охоты, это чужое, «приезжее» животное. Полный комплект из пяти подвесок обозначал традиционное пожелание мужчине охотничьего счастья и удачи во всех сферах охотниче-промышленной деятельности. Если на переднике, например, всего три подвески — это знак ненастоящего, «неусовершенствовавшегося» еще охотника. Его «совершенство» определяли старики, решая, достоин ли он очередной подвески, что было предметом споров. Женщины, шивущие одежду, знали, кому сколько подвесок нашивать, чего каждый достоин.

Иметь более пяти подвесок нежелательно, так как «это тяжело для охотника, потребует от него большого физического напряжения. Если нет рыбы, то утка вдвойне может возместить эту недостачу, лось замещает медведя. Пяти “пожеланий” охотнику достаточно». Все пять подвесок имели вид одинаковых кружков. На переднике состоятельного человека пришивалась по низу и по бокам бахрома как знак «многочисленных связей с жизнью, его неисчерпанных возможностей и как оберег, чтобы трудно было вредоносным силам

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XX в.

добраться до хозяина». Отсутствовали срединные украшения на передниках молодых людей, несостоявшихся, слабых охотников. Срединное украшение и бахрома могли отсутствовать на переднике у старого человека. Это рассматривалось как знак «окончания жизненного цикла, у него все кончилось» (В.Г. Шалугин).

В объяснении В.Г. Шалутиным семантики подвесок примечательно выделение отдельного хозяина диких оленей: одулы, охотники на лося, не считали дикого оленя главным объектом охоты, он более соответствовал фауне тундры. Два других символа сухопутной добычи, объединяющих медведя и белку, лося, зайца и куропатку, представляли фауну тайги, из них три последних животных традиционно являлись главными источниками мясной пищи таежных охотников.

Судя по этому описанию, наиболее семантически сильные и значимые элементы женского передника — срединное украшение и бахрома — стали нашиваться и на мужские *нициэмун*. Семантику срединного украшения наш информант раскрыть не смог, а в интерпретации металлических подвесок отчетливо проявляется мужской охотничье-промышленный код. Информация В.Г. Шалугина показывает усиление семантической нагрузки мужских *нициэмун* в первой половине XX в. в сравнении с передниками конца XIX — начала XX в. Добавим, что срединные украшения и бахрома присутствовали на мужских шаманских передниках охотских тунгусов в конце XIX — начале XX в. (табл. XVII, 6в).

Описываемые украшения на мужских передниках появились в период перехода одулов к европейско-русскому костюму, сопровождавшийся ослаблением и угасанием традиций изготовления тунгусской одежды. В коллекции одежды, собранной В.И. Иохельсоном, отсутствует такой характерный предмет юкагирского мужского костюма, как пояс *игидиэнэ*. В юкагирских легендах родственники своих погибших в битве воинов распознавали по *игидиэнэ*. В.И. Иохельсон писал, что *игидиэнэ* есть необходимая принадлежность юкагирского костюма, которой всякий покойник должен быть снабжен. Так, в сказке о Тебегее людоед отпускает свою жертву только потому, что тот якобы забыл дома свой *игидиэнэ* [2005б, с. 38]. Очевидно, пояс в прошлом имел опознавательную функцию и был одним из предметов похоронной одежды, его надевали воины. В период работы В.И. Иохельсона среди лесных юкагиров пояса *игидиэнэ*, по-видимому, выходили из употребления, и символические знаки отличия могли быть перенесены (возможно, не в полном объеме) на другие носители, в том числе на передники. Немаловажно то, что срединные украшения на мужских *нициэмун* располагались в той же пояс-

ной зоне и выполняли опознавательную функцию. Это предположение опирается на единичные сведения и нуждается в дальнейших исследованиях.

На нижней Колыме у тундренных юкагиров-оленеводов традиции изготовления и украшения мужской одежды не были нарушены: передники, сшитые в середине и конце XIX в., идентичны между собой и почти полностью соответствуют передникам одулов конца XIX — начала XX в. (табл. XXXIV, 2б, 3). У передника, сшитого в начале 90-х гг. XX в. (табл. XXXIV, 3), верхняя часть изготовлена из оленьей кожи, по краю обшита кантом из красной ткани, такой же кант — в швах нижней части, составленной из четырех полос камуса. Низ украшен чередующимися кусочками белого и окрашенного в красный цвет меха, опушка из черного собачьего меха.

Приведенные образцы традиционных юкагирских мужских передников отличаются от женских тем, что не имеют:

- нагрудных украшений круглой формы;
- срединной орнаментированной нашивки *нициэмун шубэдээ* «сердце передника», у них оформлена и четко выделена средняя линия, разделяющая верхнюю и нижнюю части;
- кожаной бахромы по подолу, низ обшит меховой опушкой.

В то же время в них отмечаются следующие общие с женскими передниками черты:

- единая форма;
- широкая перевернутая арка, которой украшена нижняя часть, внутри арки иногда помещена небольшая прямоугольная нашивка;
- вогнутые дуги и перевернутые арки в конструкции и украшениях, символизирующие, как мы полагаем, испрашивание и ожидание солнечной/небесной «благодати».

Стоит отметить, что мужские передники лесных и тундренных юкагиров различаются длиной и формой верхней части.

Головные уборы. Летними и зимними головными уборами мужчин были капоры, круглые шапочки и островерхие шапки.

Круглые кожаные шапочки колтон шили с украшениями или без них (В.Г. Шалугин). Подобные головные уборы имели коряки: «Летом у каждого пастуха вместо капора была шапочка уккампанкэн, которая выкраивалась из дымленины мехом вовнутрь в виде круга с четырьмя надрезами. Сшивали ее с широким окольшем, опущенным спереди полоской меха выдры, сзади — собачьей шерстью. На макушке прикреплялась розетка из цветного бисера и кисточка из нерпичьей шерсти, окрашенной в яркий цвет, с подвесками из ниток бисера» [История и культура коряков, 1993, с. 46]. Одулы круглые

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

шапочки шили из брюшной части шкуры гагары (табл. XXXIV, 4), носили их взрослые и дети. Шкуру гагары снимали чулком, надевали на крепкую ветку тальника с двумя-тремя развиликами (предварительно срезав у них макушки) или, разрезав по спинке, сушили, прибив гвоздями к доске. Смачивали бульоном из сваренной непотрошеннной рыбы с душком, свернув, выдерживали 20 минут, мяли. Охотничьи сумки шили пером внутрь. Аппликации из шкурок с шеи гагары шли на пошив безрукавок, ковриков, сумочек.

В прошлом промысловики-одулы носили капоры с открытым верхом. «Особо приходится отметить так называемый “тумashi”, надеваемый во время охоты (при быстрой ходьбе) на голову, — писал Н.И. Спиридовон. — Он предохраняет от обмораживания главным образом подбородок, уши и затылок. На темени он бывает открыт» [1996, с. 33]. Близкие аналоги *тумashi* обнаруживаются в чукотских и эвенских маленьких шапочках с открытой макушкой (табл. XXXIV, 5), которые надевали при весеннем выпасе оленей, беге и пр. [Богораз, 1991, с. 184]. Ныне *колтон* и *тумashi* вышли из употребления, их заменили головные уборы, купленные в магазине.

Покрой мужских капоров *мобо* соответствует крою женских головных уборов. Обычно мужские зимние *мобо* шили из беличьих шкур, отделявали беличьими же хвостами, использовали шкуры с головы летнего оленя или пыжика (отверстия глаз зашивали или вшивали кусочки ткани). Исключительно мужскими являлись капоры, на пошив которых брали шкуры медведя и росомахи, они служили «знаком величия и неустрасимости лучшего охотника-предводителя войск одулов» [Спиридовон, 1996, с. 33]. Распространенный среди одулов прием чередования кусочков шкуры темного и белого цветов использован при шитье капора из меха росомахи (табл. XXXV, 1). Покрой его состоит из полосы, закрывающей теменную часть головы, и овальной детали, закрывающей затылок. Сзади к рабочей шапке для защиты шеи пришивали кусок ровдуги или ткани *ньэлэкэ*, к круглым шапочкам *ньэлэкэ* не пришивали. Такой же способ защиты шеи известен эвенам [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 332].

Табл. XXXIV, 2в; XXXV, 2, 3 показывают головные уборы вадулов. Зимний капор (табл. XXXV, 2) сшит из меха песца, опущен спереди волчьим мехом. Уши песца оставлены для украшения [Иохельсон, 2005а, с. 570]. Другой капор, сшитый из тутуга в начале 90-х гг. XX в. (табл. XXXV, 3), украшен продержкой темно-коричневыми ремешками по светлой ровдуге.

Шею утеплял шарф *ньэмараий*. Круглый *ньэмараий* (боа) делали из беличьих, заячьих, песцовых хвостов; шарф с завязками на концах изготавливали из кусочков оленьей шкуры. Шарф из заячьих хвостов

(табл. XXXV, 4) считался тяжелым, предпочтение отдавали беличьим (табл. XXXV, 5) и оленным шарфам. Если шарф намокал, его немноги продвигали по кругу и намокший участок быстро обсыпал на морозном воздухе. В морозы заменителем шарфа для промысловика был своего рода меховой нагрудник *нъумъян абут*, покрывающий шею и подбородок. Наружная кожаная сторона его покрыта тканью двух цветов (табл. XXXV, 6). Шили такой нагрудник из оленьей шкуры мездровой наружу или из заячьей шкуры, пришитой к ровдуге; иногда по краю ровдуги наносили орнамент красной краской. Иначе нагрудник называли *мунри абут* (где *мунри* — нижняя челюсть, *абут* — вместилище) (В.Г. Шалугин).

Запястья рук утепляя *нугэн амды* — ручной шарф (*нугэн* — рука, *амдийэ* — подстилка), его обычно не украшали, к ровдужной полоске пришивали мех и четыре вязки (В.Г. Шалугин).

Поясная одежда. В зависимости от использованного сырья, сезона и назначения поясная одежда юкагиров имеет несколько названий, известных в основном в одежде тундренных юкагиров:

оо, оон, туурии(ң) — штаны, брюки;
оонходирэ — нижние нательные меховые штаны;
оонбурэрбэ — верхние меховые штаны шерстью наружу;
сашадоу — меховые штаны шерстью наружу;
конмараштуурии — штаны из камусов, наружные;
кичиэн туурии — штаны из камусов со снятой шерстью, носят летом и осенью до наступления холодов;
кэшьикуо туурии — штаны с густой шерстью наружу, надевают в дорогу в холодное время поверх других штанов [Данилова, 2004, с. 65].

Лесные юкагиры мужские летние длинные и короткие *оо* шили из выделанной и продымленной оленьей или рыбьей (налим) кожи, спереди на поясной части были пришиты два кожаных шнурка, перевязываемых особым образом. Табл. XXXVI, 1 показывает способ завязывания узла, удобного тем, что быстро развязывается.

На промысле и для домашних работ мужчины имели при себе один-два ножа, которые подвешивались к охотничьему поясу справа на кольцах, сделанных из оленьих копыт (табл. XXXVI, 2). Ремешки по низу ножен обвязывали вокруг бедра.

Короткие мужские *оо* мехом внутрь с двумя завязками приведены в табл. XXXVI, 3, их носили с высокими *мурэ* или короткой обувью с длинными чулками. Верхнеколымские промысловики в 90-х гг. XX в. использовали короткие *оо* из шкуры ондатры мехом внутрь (Г.Б. Шпак). Очень редко одулы надевали наколенники *сутуруо/сутури*, заимствованные от якутов [Спиридонов, 1996, с. 33]. Нижнеколымские юкагиры наколенники называют *хобииль*, изготавливают из

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

шкуры с короткой шерстью, надевают шерстью наружу. В гардеробе вадулов этот предмет одежды является заимствованным от соседних народов (тунгусов, якутов).

На пошив длинных штанов использовали ровдугу, выделанные шкуры. Прежде штаны из ровдуги были очень узкими и прилегали к икрям ног, теперь крой их свободный, верхняя часть оо широкая, собрана в складки и пришита к ровдужному поясу с двумя короткими вязками на концах (табл. XXXVI, 4, 5). Обращает на себя внимание наличие широкой поясной части. Аналогичные кожаные штаны носили якуты (табл. XXXVI, 6). Об этом писал В.Л. Серошевский: «Туловищную часть штанов якуты шьют обыкновенно без пояса, часть их, покрывающая седалище, больше передней части, так что живот почти весь остается наружу. Это делает понятным, почему меховой широкий пояс, набрюшник, составляет неизбежную часть якутского дорожного костюма. Теперь штаны начинают кроить и шить по-русски. В мужских штанах делают небольшой разрез спереди; в женских такой же разрез делают сбоку. Ноговицы в мужских штанах делают более длинные, и они мало-помалу превращаются в “ыстан”: русские брюки, сборчатые у бедер, с узкими голенищами и тесемками на концах для привязывания к ноге. Штаны шьют по большей части из выделанной оленевой или телячей кожи. Зимой подбивают их мехом. Прежние якутские штаны... близко подходили к тунгусским... У тунгусов они часто не что иное, как выделанная, приспособленная для человека, снятая “чулком” с задних ног оленя кожа» [1993, с. 324–325]. Неясно, использовали ли юкагиры для изготовления штанов снятую чулком оленем шкуру.

Восточные соседи юкагиров — чукчи — также шили штаны без пояса: «Чукотские штаны не имеют пояса и заканчиваются на пояснице, едва достигая пупка. Они держатся посредством бечевы из сухожилий, проходящей через обшивку в верхней части штанов» [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 172]. Такие же оо надевали вадулы (табл. XXXIV, 2а). Очевидно, в конце XIX — начале XX в. под общим влиянием русской одежды юкагиры и якуты стали носить штаны русского образца — присборенные и с поясом. В дохристианский период у якутов бытовали короткие натазники и ноговицы, сведений о длинной поясной одежде не имеется [Гаврильева, 1998, с. 47]. У юкагиров ранней поясной одеждой, по-видимому, были штаны без поясной части, стягивавшиеся ремешками или вздежкой.

Под влиянием русской одежды в конструкции юкагирских кожаных штанов произошли следующие изменения: спереди шов на $\frac{2}{3}$ не зашивали, в него вшивали лоскут ровдуги с ремешком для завязывания. Другой ремешок пришивали на противоположной половине

поясной части *оо* (А.В. Слепцова). На штанах, как на больших сумах, были застежки с петлями и длинными пуговицами из оленевого рога (В.Г. Шалугин). Позднее по верху штанов стали пришивать полосу ровдуги с петлями и пропускать в них кожаный ремень шириной до 5 см. Ремень *тэлги* (эвн.) изготавливали из крепкой кожи оленя или лося, к поясу подвешивали маленький мешочек или сумочку с пулями *пуледабут* (А.В. Слепцова, В.Г. Шалугин).

Зимняя поясная одежда одулов сохраняла двойной принцип. На тонкие длинные штаны из пыжика шерстью внутрь надевали *шалевар* мехом наружу с завязками под коленом. Шили их из оленевой шкуры, шкуры молодого лося, жеребенка (которую приобретали у якутов), волка, но последнего боялись: его считали самым опасным зверем, который всю жизнь будет преследовать человека, уничтожившего его сородича (В.Г. Шалугин). Промысловики надевали меховые штаны, пришитые к обуви (Г.Б. Шпак). В коллекции В.И. Иохельсона имеются длинные зимние штаны мехом внутрь (табл. XXXVI, 7).

Теперь лесные юкагиры ровдужные *оо* не носят, вся летняя поясная одежда — покупная, лишь немногие имеют ровдужные штаны в качестве праздничной одежды. Для промысловиков на зимнюю охоту мастерицы шьют меховые штаны со значительными отклонениями от традиционного кроя. *Оо* из гардероба лесного юкагира (табл. XXXVII, 1) сшиты эвенской мастерицей в горах Арга-Таса (Верхнеколымский улус) в 70-х гг. XX в. из шкуры оленя и оленевого теленка. Первоначально длина их была чуть ниже колен, надевались они шерстью наружу, не имели поясной части, стягивались ремешками. Впоследствии для удобства верховой езды на лошади *оо* были удлинены, надставлена поясная часть, разрез спереди снабжен пуговицами. Их стали носить шерстью внутрь, наружную сторону покрыли тканью, сверху для лучшей сохранности надевали другие штаны (чехол) из палаточной ткани (В.Г. Шалугин). Этот пример показателен, ибо демонстрирует трансформацию традиционного раскroя поясной одежды под влиянием изменений производственной деятельности человека. Попутно можно высказать предположение, что низкая седалищная часть описанных выше *оо* возникла в условиях Севера у пеших охотников и рыболовов, не пользовавшихся верховой ездой. Для верховой езды на олене, лошади при низких температурах воздуха такая основа требует дополнительных адаптаций кроя. Несомненно, что поясная одежда, сохранив следы последовательных конструктивных изменений, свидетельствует об имевших место адаптационных изменениях традиционных предметов гардероба под воздействием различных факторов.

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

Обувь. Мужскую обувь одулы шили из выделанной оленьей, лосиной, конской, коровьей, рыбьей (налим) кожи, оленевого камуса мехом наружу. В.И. Иохельсон писал: «В настоящее время (конец XIX — начало XX в. — Л. Ж.) юкагиры часто носят водонепроницаемые торбаза из выделанной лошадиной кожи, которую приобретают у якутов. Такая обувь из-за своего черного цвета называется *парана мурэ*, т.е. воронья обувь» [2005а, с. 567]. В 60—80-х гг. XX в. у якутов же приобретали коровью кожу, из которой шили высокие, не пропускающие воду бродни (рус.), другое название этой обуви *сары* (як. «обувь»). Летние *мурэ* обычно достигали колен, носили их с длинными *оо*.

Покрой летней мужской обуви из ровдуги относится к алтайскому типу (табл. XXXVII, 2—5), голенище составляют две части: передняя длинная, узкая и задняя широкая, швы спереди или по бокам. Мужская обувь орнаментирована скучно, здесь нет вышивок шелковыми нитками, бисером. Второй, западно-сибирский, покрой в мужской обуви, согласно материалам Г.М. Василевич, встречается редко.

На фото В.И. Иохельсона, датированном 1901 г. (табл. XXIX, 1), различима следующая мужская обувь высотой до колен:

- ровдужные *мурэ*, по верху голенища нашиты горизонтальные полоски и спускающиеся от них вниз лучистые нашивки (второй справа), подобное украшение см. табл. XX, 4, 5;
- *мурэ* из ровдуги, по верхнему краю общшты полосовым украшением;
- *мурэ* из камуса с чередованием светлых и темных вертикальных полос на голенище, по верху украшены широкой орнаментальной полосой (второй слева);
- *мурэ* из темного камуса, украшены по верху голенища полосовым орнаментом.

Обувь из продымленной оленьей кожи (табл. XXXVII, 2) называют *ньоодыньиэр мурэ* (*ньоодыньиэр* — замша, ровдуга). Верхняя часть общшты широкой полосой красной ткани, на которую нашиты полоски окрашенной кожи и вышивка оленевым волосом. В украшении присутствует три цвета: черный, красный, белый.

Голенище обуви *айин мурэ*, изготовленной в 70-х гг. XX в., выкроено из выделанной кожи лося, подошва — из кожи с шеи лося (табл. XXXVII, 3, 4). На рис. 4 голенище общшто палаточной тканью, сложенной вдвое. Обувь из лосиной кожи очень теплая, прочная, не скользит; хорошо прокопченная, она не пропускает холодный воздух. Но *айин мурэ* хороши в сухую погоду, при намокании они теряют форму. Для того чтобы высушить, внутрь набивали сухую траву. При сушке обувь дает усадку и уменьшается в размере, кожа местами утолщается или утончается. Чтобы избежать этого, перед шитьем кожу пропитывали следующим составом. Рыбы внутренности вари-

ли, давали им прокиснуть, затем смешивали с жиром и втирали в кожу руками. На следующий день кожу мяли и скоблили чучуном — скребком с зубьями. Эта процедура обязательна для того, чтобы жир впитался в кожу (В.Г. Шалугин). *Мурэ* носили попеременно на левой и правой ногах, чтобы не стаптывались. Из-за плохой водостойкости *айин мурэ* предпочтение отдавали обуви из оленьих камусов.

Теперь ровдужную обувь не носят, вся летняя обувь — покупная, в особенности для рыбного промысла, для которого необходимы резиновые сапоги, лучше всего — длинные. Праздничную короткую обувь с подкладом из ткани шьют из очищенной кожи налима (табл. XXXVIII, 1). На коротком голенище разрез спереди обшил цветной тканью и стянут тремя парами вязок, с наружных сторон голенища пришиты кисточки из той же ткани и пронизки с бусинами. Для танцевальных костюмов одулов без учета различий в крое юкагирской и эвенской обуви в пос. Зырянка в 2008 г. была сшита обувь восточно-сибирского покроя (голенище со вшитым носком) на твердой подошве с каблуком (табл. XXXII, 1, 2).

Зимнюю обувь надевают с коротким носком *мурдуу* мехом внутрь (табл. XXXVIII, 2) или с длинным меховым чулком. Высокую обувь чыськэ *мурэ* завязывают под коленом, а верх голенища привязывают к поясу. Для теплоты, удобства подвязывания и чтобы не набрать через край снег верхний край срезан косо. Приезжая в поселок, верх голенища отвязывают, голенище собирается в большие складки над коленом. Табл. XXXVIII, 3, 4 показывает меховые чулки и высокую обувь тундренных юкагиров.

Верхнеколымские мастерицы мужчинам на зимний промысел шьют двойной меховой носок: нижний, мехом к телу, пришит к верхнему, мехом наружу. Носок *мурдуу* кроят из трех деталей: носок, голенище и подошва, шов спереди у верхнего края не зашивают. Такой крой типичен для обуви тунгусов (табл. XXV, 2; ср. табл. XX, 8). Сбоку к меховому носку пришивают ремешок для подвешивания при просушке. Иногда шьют носки, состоящие из трех слоев: внутренний слой из овчины мехом к телу, средний из фланели и наружный слой (для прочности в качестве чехла) из палаточной ткани. Складывая вместе исходные материалы, кроят одновременно три слоя, при этом средний слой (фланель) может быть раскроен с укороченным голенищем. В швы *мурдуу* вшивают кант *пунчэ* из полосок ткани. Сшив детали и край *пунчэ*, свободный край канта подгибают, накладывают на шов и прошивают длинными редкими стежками (А.В. Слепцова, Д.И. Егорова).

Для утепления ступней ног используют различные природные материалы: шкуру зайца, птицы, сухую траву. У снятой чулком за-

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

ячьей шкуры, обращенной мехом внутрь и высушенной, зашивают шейное отверстие. Устье шкуры подпарывают с боков на $1/2$ длины. Надевают на ногу так, чтобы стопа приходилась на спинную часть, «голенище» таких носков обертывают вокруг ноги. Мездру шкуры для прочности обшивают тканью (Ф.А. Шалугина).

Из заячьей же шкуры делают стельки для зимней дорожной обуви. Для этого берут заячью шкуру по форме подошвы с чуть увеличенной в длину носочной частью. Излишек шкуры в носке отгибают на пальцы и по краям зашивают. Так как заячья шкура некрепкая, стельки долго не носят, они хороши только в дорогу (В.Е. Прокопьев).

Внутрь зимней обуви с мягкой подошвой кладут стельку из сухой травы или шкурку утки йэрчэбэа «поганка» (ее же называют *пошатэк*) (В.Е. Прокопьев). Стельку кладут пером вниз, перед этим часть перьев заглаживают в противоположные стороны и придавливают камнем. В таком состоянии держат два дня, заглаженные в разные стороны перья уменьшают скольжение стельки внутри обуви. С этой же целью между подошвой и стелькой из утиной шкуры кладут немного сухой травы (В.Г. Шалугин).

Мужская обувь из камусов, как и женская, имеет кроеную подошву, одну союзку, голенище из нескольких полос камусов, передняя деталь всегда длиннее. Форма союзов различна и представлена покроями, известными в женской обуви.

Покрой первый. Передняя часть длинная, закрывает пальцы. Союзка соединяет переднюю деталь с подошвой, обычно сделанной из валенка или войлока. Этот крой широко распространен в Якутии в кустарном и фабричном пошивах меховой мужской, женской и детской обуви (табл. XXVI, 1, 2).

Покрой второй. Союзка из двух частей, сшитых спереди и на пятке. Голенище из шести полос темного камуса, подошва из щеток оленя (табл. XXXVIII, 5). Щетки — узкие полоски кожи с длинным и прочным волосом под копытом животного. На одну пару обуви требуется до 24 щеток, их шшивают в виде подошвы, прокладывая в швы для прочности и теплоты олений волос. Просушивают, кроят и пришивают к обуви, называемой *шоткури/щеткари*. *Щеткари* шили до и выше колен, носили с двойным меховым носком. В кулиске из сложенной пополам ровдуги пропущена вздежка. Верх обуви украшен крупными квадратами темного и светлого камуса. Над пяткой — две прорези, в них вложены и пришиты изнутри концы двух длинных ремешков. Иногда ремешок делают длинным, пропускают в обе прорези, в таком случае его не пришивают (М.С. Громова).

У обуви из камусов, называемой *нонхаар мурэ* (от *нойл* — нога, *хаар* — шкура), голенище сшито из шкур двух цветов: черного сзади

и серовато-белого спереди (табл. XXXVIII, 6). Вдоль края подошвы имеется полоса темного меха — союзка, к ней пришил кусочек, прикрывающий носок. Верхняя часть голенища украшена одной черной и двумя красными полосками сукна и полоской кожи. Подошва из кожи с шеи лося.

Покрой третий. Передняя деталь в носке очень узкая и не покрывает пальцы, в шов с широкой союзкой вшит клинышек (табл. XXXVIII, 7). *Мурэ* из темного оленевого камуса, украшены полосой меха ондатры и широкой манжетой из сложенного пополам коричневого вельвета. Подошва из коричневой, хорошо продымленной кожи, внутри вокруг стопы она обшита полосой палаточной ткани. На заднике — две прорези с длинными вязками из той же ткани. Такой же покрой имеет обувь тундреных юкагиров (табл. XXXIV, 2г).

Наряду с традиционными *мурэ*, являющимися промысловодорожными, одулы носят покупную (фабричного или кустарного производства) зимнюю обувь (валенки, меховые ботинки и сапоги, «летние» унты на толстой подошве с черной кожаной головкой и голенищем из собачьей шкуры мехом наружу на меховом подкладе. Выбирают собачью шкуру пеструю, рыжую, светлее головки).

Обувь тундреных юкагиров имеет несколько названий:

игирэмул — вывернутая наизнанку обувь, носимая в период весенних оттепелей до появления комаров (табл. XXXVIII, 8);

изэркэрэ угурчэ — обувь для дороги, холодной погоды;

саскариидугурчэ — обувь с подошвой из щетки;

нъаачаңайдугурчэ — обувь с подошвой из лицевой шкуры головы оленя (*нъаачашай* — шкура с головы животного);

сукударимэ — обувь с подошвой из коровьей шкуры;

путул угурчэ — меховые носки с шерстью наружу (надеваются поверх обуви) [Данилова, 2004, с. 66–67]. В этом перечне интересна обувь, отсутствующая у одулов: вывернутая наизнанку, имеющая подошву из лицевой шкуры головы оленя, а также меховые носки, надеваемые поверх обуви.

Рукавицы, перчатки. Для хозяйственных работ шьют рукавицы *молодью* из слабо выделанного оленевого камуса мездрай внутрь, без подклада. В.И. Иохельсон писал о том, что, подражая русским, мастерицы шьют зимние рукавицы из ровдуги, подбивая их мехом белки, лисы или зайца. Позднее при отсутствии ровдуги стали использовать плотную ткань, внутри — собачий мех. В основании большого пальца делали надрез, через который можно высвободить руку, не снимая рукавицы. Такие *молодью* удобны на промысле. Надрез для теплоты опушали мехом (табл. XXXIX, 1, 2). Длинные рукавицы, сшитые почти до локтя, более характерны для якутов.

Гл. 2. Юкагирский костюм в конце XIX — начале XXI в.

Летний комплект мужской одежды дополняют перчатки *шашхул/шархун* молодью из ровдуги. В.И. Иохельсон в своем исследовании юкагирской культуры приводит рисунок перчатки из ровдуги, украшенной с тыльной стороны вышивкой волосом, и с манжетой из ткани (табл. XXXIX, 3); исследователь считает, что перчатки выполнены в русском стиле. Возможно, юкагиры использовали перчатки еще до встречи с русскими, в фольклоре одулов имеется упоминание о ритуальных мужских перчатках и масках, надеваемых при расчленении тела умершего шамана [Иохельсон, 2005б, с. 110]. Ритуальные кожаные перчатки с тремя пальцами имели северо-восточные палеоазиаты [Богораз, 1991, с. 175].

«В наши дни молодые люди, особенно мальчики, — писал В.И. Иохельсон, — носят все лето перчатки, когда гребут веслами на членоках. Молодые люди получают их в подарок от девушек или от жен, взамен украшают орнаментом их кроильные доски. Перчатки вышивают крашеным подшейным волосом лося или оленя-самца, декорируют полосками красного и черного сукна»* [2005а, с. 572].

Одульские мужские перчатки из ровдуги (табл. XXXIX, 4, 5) изготовлены в 80-х гг. XX в., украшены орнаментом «солнышко» из разноцветного бисера. Швы перчаток на рис. 4 обшиты цветными нитками, по верху — широкая манжета из беличьего меха и красная атласная лента, обшитая белым подшейным волосом. Украшение завершает кисточка из нарезанной бахромой ткани красного, синего, белого цветов. Манжета из черного сукна перчатки на рис. 5а, б вышита цветным бисером, орнаменты крестообразные и растительные; по краям манжеты — полоски красной и синей ткани. В основании большого пальца бисером вышиты вписанные один в другой треугольники.

Украшает перчатки и другие предметы мужского гардероба орнамент *оожий нодо нойл* «утиные ножки» (табл. XXXIX, 6). Он является символическим пожеланием удачи на промысле (В.Г. Шалугин). Узор вышивают подшейным волосом оленя/лося или цветными нитками.

Изготавливая одежду промысловику, мастерица иногда ставит знак-метку на всех предметах комплекта — не свой личный «фирменный» знак, а индивидуальный знак, который мастерица адресует владельцу вещи. Знаки различались по внешнему виду и отражали мысли, чувства, пожелания, т.е. отношение мастерицы к человеку.

* Мужчины в подарок девушкам и женщинам вытачивают из дерева лыжные палки с погремушкой на конце (В.Г. Шалугин, Ф.А. Шалугина) и с такой же погремушкой — доски для рукоделия *нинбэ* (Е.Н. Дьячкова).

Йомдыилэ как индивидуальный знак-метка в этнокультуре юкагиров сравним с прозвищами, которые давали человеку за какие-то индивидуальные особенности, или с личными песенками *шишии*, дающими ритмико-звуковую характеристику человеку [Игнатьева, Шейкин, 1993].

Мать шьет одежду сыну и свои мысли выражает в знаке-метке: «Вернись живой и здоровый». Жена вышивает йомдыилэ на промысловой одежде мужа: «Не забудь меня в дальней дороге». Мастерица желает заказчику: «Пусть одежда согреет тебя в пути». В.Г. Шалугину мать, Ф.А. Шалугина, вышила йомдыилэ на промысловой одежде в виде петли. На шапке, отворотах рукавиц, мешке для добычи она сделала кожаную петельку («пусть вещи не валяются где попало, а знают свое место») и рядом же пришила ремешки для связывания и подвешивания при просушке. Мастерица-эвенка в горах Арга-Таса на всех сшитых для нашего информатора предметах одежды (рукавицах, ватнике, куртке без рукавов) ставила метку в виде огнива из полоски кожи с прорезями (табл. XXXIX, 7a).

Другие примеры йомдыилэ: в Арга-Тасе мастерица сшила оленеводу одежду с меткой в виде аркана на манжетах рукавов телогрейки (табл. XXXIX, 7б); женщина мужу-оленеводу на уголках воротника оленей дошки вышила два конических жилища (табл. XXXIX, 7в); были метки в виде цветочков, кисточек из цветных ниток, ткани, кожи (В.Г. Шалугин). Кисточки на манжете и вышитый треугольник у основания большого пальца на приведенных выше мужских перчатках также можно сравнить с йомдыилэ.

Глава 3

СЕМАНТИКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЮКАГИРСКОГО КОСТЮМА

Обзор распашной наплечной одежды и других предметов гардероба юкагиров верхней Колымы конца XIX — начала XX в., с одной стороны, и конца XX — начала XXI в. — с другой, обнажил значительные различия, произшедшие в сравнительно короткий исторический срок. Существовавшие в течение длительного времени традиции кроя и шитья были видоизменены или частично утрачены в ходе культурно-экономических преобразований XX в., однако древние базисные мировоззренческие установки оказались устойчивыми и проявляют себя в орнаментации и украшениях позднейших образцов одежды. Полученные в ходе исследования результаты дают нам

некоторый материал для сравнительно-исторических исследований. Конец XIX — начало XX в. можно охарактеризовать как рубеж между использованием юкагирами наплечной одежды, заимствованной от тунгусов, и началом активного ее видоизменения под влиянием одежды пришлого русского населения.

Исследователями было отмечено, что к началу XX в. в гардеробе лесных юкагиров преобладали тунгусские традиции. Эти традиции были закреплены в материале и крое преимущественно наплечной и поясной одежды. Другие предметы гардероба, например обувь, были мало подвержены тунгусскому влиянию. Одулы для изготовления распашного тунгусского кафана обычно использовали ровдугу и оленьи шкуры со снятым чулком шкурой передних конечностей в качестве рукавов. Преобладающее использование оленьих шкур в качестве сырья для изготовления одежды тунгусов-оленеводов является естественным явлением. Столь же естественно использование якутами коровьих, конских, телячьих и жеребячих шкур. Не столь избирательной в материале была одежда охотничьих племен. Выбор материала был продиктован сезонностью (для летней одежды употреблялась рыбья кожа) и видами основных промысловых животных. Так, в арктической зоне, в условиях тундры и лесотундры, у охотников на дикого северного оленя одежда изготавливалась преимущественно из оленьих шкур. В таежной зоне, где основным промысловым животным был лось, вся меховая одежда едва ли шилась из шкур и кожи этого животного: использование ее было ограничено из-за толщины и твердости. На изготовление одежды могли употреблять шкуры других копытных животных таежной зоны (олень, баран), шкуры пушных зверей, птиц, рыб, а также единственного домашнего животного — собаки. Шкуры хищников имели ограниченное применение.

Избирательность материала и цветосимволизм

Этнографические параллели показывают, что у охотничьих народов промысловая одежда изготавливается в подражание животным. Появление головных уборов с рожками, например, объясняется стремлением уподобиться животному, тем самым получить его благосклонность и обеспечить удачную охоту [Константинов, 1971, с. 56]. Чукотский охотник за тюленями «надевает специальную охотничью одежду, состоящую из короткой кухлянки из оленевого меха, которая надевается мехом внутрь. Так как у чукоч нет одежды из тюленевых шкур, то такая кухлянка является наиболее близким подражанием наружному виду тюленя. На голову надевается специаль-

ная шапочка, имитирующая тюленему морду, две черные круглые нашивки на ней изображают глаза тюленя» [Богораз, 1991, с. 57]. Для дальних зимних поездок чукчи шьют шапки «из головных частей волчьей шкуры, причем шапка из волчьего меха шьется так, что волчьи уши оказываются на макушке» [Там же, с. 176].

О возможном изготовлении комплектов одежды из шкур животных преимущественно одного вида имеются сообщения в материалах устного народного творчества юкагиров. Так, в «Сказке о зайчике» женщина для мужа сшила из заячьей шкуры шубу, из камусов — торбаза, из шкур ушей — рукавицы, а из шкуры лба — шапку [Жукова и др., 1989, ч. 1, с. 14]. В.Г. Шалугин в «Рассказах для детей» пишет: «Мне моя бабушка сшила штаны, шапку, рукавицы и шубу из заячьей шкуры. Моему дедушке сшила рукавицы, шапку и нагрудник» [1995, с. 8]. Верхнеколымские юкагиры традиционно использовали заячий шкуры при изготовлении многих предметов своего гардероба — наплечной и поясной одежды, передников, шарфов, рукавиц, носков, детской одежды, различного рода утеплителей, одеял. Материалы по этнографии и устному народному творчеству одулов хорошо согласуются с мифологическими представлениями: заяц был тотемом родовой группы лесных юкагиров, называвших себя Чолгороод омок, т.е. «Заячий люди». В.И. Иохельсон видел на верхней Колыме идола, воздвигнутого в память о Табушкане — предке Заячьего рода [2005а, с. 175–176]. От представителей этой группы юкагиров записан цикл сказок о похождениях смелого и находчивого Зайца [Иохельсон, 2005б; Жукова и др., 1989, ч. 1]. Кроме того, традиционно сравнение детей с зайчатами, детскую одежду шили преимущественно из заячьих шкур, в том числе род спального мешка для новорожденного из снятой чулком заячьей шкуры мехом внутрь, однако с предосторожностями, чтобы ребенок не задохнулся в длинном и некрепком ворсе (Е.Н. Дьячкова). Старые люди, готовящиеся перейти в иное физическое состояние, видят себя во сне в облике зайца, нащупывающего дорогу в *айбиди* — мир мертвых (Д.Г. Дьячков).

В историческом предании юкагиров о Халандине герой, перед тем как отправиться на промысел, надевал одежду из медвежьих шкур: «Шапка из шкуры с головы медведя, шуба, рукавицы. Тогда все знают: Халандин на охоту собрался» [Хозяин Земли..., 1994, с. 81]. Об использовании медвежьей шкуры для изготовления одежды юкагирских женщин и детей сведений не имеется. Надо отметить, что эвенки при разделке туши медведя имитируют изготовление распашного кафтаны [Василевич, 1949, с. 47]. Последнее получило отражение и в языковых материалах: *нэлмэкэн* (эвенк.) в одном значении обозначает

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

верхнюю женскую летнюю одежду, а в другом — медвежью шкуру [Петров, 1998, с. 58]. Примечателен здесь параллелизм женской летней, возможно, праздничной одежды с медвежьей шкурой. Содержащееся в устном народном творчестве юкагиров упоминание о промысловой одежде из медвежьих шкур едва ли можно считать влиянием традиций медвежьего культа тунгусских народов. Известно, что культовое почитание медведя охватывает огромный ареал — от Скандинавии и Северо-Восточной Европы через всю Сибирь до Дальнего Востока и таежной зоны Северной Америки [Там же, с. 55].

Комплект одежды из оленевых шкур (характерный преимущественно для юкагиров нижней Колымы) состоял из наплечной одежды (глухой, снятой чулком, или распашной с передником), капора из шкуры с головы оленя, штанов, как допускал В.Л. Серошевский, представлявших собою снятую целиком с задних конечностей шкуру животного, и обуви из оленевых камусов.

Опираясь на эти данные, можно с большой долей вероятности говорить о том, что юкагиры предпочитали изготавливать комплекты повседневной и промысловой одежды из шкур животных преимущественно одного вида — заячьих, оленевых, медвежьих. Комплект из заячьих шкур, возможно, является самобытным явлением юкагирской культуры, причем культуры таежных охотников. Изготовление лесными юкагирами распашной одежды преимущественно из оленевых шкур мы склонны считать привнесенной традицией. Еще в конце XIX — начале XX в. В.И. Иохельсон писал, что лесные юкагиры часто получали одежду из оленевых шкур от эвенов-оленеводов в подарок и в обмен. Оказавшись в XX в. в условиях экономической и культурной изоляции от оленеводческих хозяйств эвенов — северных тунгусов, лесные юкагиры, охотники на лося и пушного зверя, стали испытывать острый дефицит сырья для изготовления распашной одежды. В настоящее время пошив одулами распашной одежды из покупных тканей объясняется следующими причинами:

- дикий олень не водится в местах современного проживания одулов;
- сырье от домашнего оленеводства поступает к одулам в результате административных, производственных, дружеских, родственных и иных связей с оленеводческими хозяйствами эвенов соседних поселков и улусов (Верхнеколымского, Среднеколымского, Магаданской области);
- шкура и ровдуга лося достаточно тверды для изготовления всего комплекта одежды;
- шкуры ценного пушного зверя уходят в торговую сферу;

— ассортимент товаров в торгующих организациях позволяет подобрать ткань нужной фактуры и расцветки.

В результате складываются объективные причины перехода лесных юкагиров к изготовлению распашной одежды из ткани. Уменьшение влияния тунгусской культуры на традиционную материальную культуру лесных юкагиров-охотников шло одновременно со все увеличивавшимся влиянием русской культуры. Совершившийся переход на изготовление повседневной одежды из ткани сопровождался уходом и от традиционного кроя. Распашная одежда тунгусского образца стала раскраиваться из пяти деталей: отдельно спинки, двух полок и двух втачных рукавов; расширяющие спинку клинья упразднились, расширение производится иным способом: зашивают в складки излишки ткани в боках или вовсе шьют без клиньев; накладки урдэнгэ на спинке кафана перемещены к боковым швам одежды. Изменения в материале (ткань) и технологии изготовления одежды отчасти коснулись и смысловой стороны украшений. Можно выделить два основных аспекта изменений: во-первых, более широкое использование покупных материалов (ткань, ленты, тесьма, бисер, бижутерия) и уменьшение природных (кожаные продержки, вышивка жильными нитками и др.); во-вторых, влияние двух противоположных мировоззренческих направлений — христианства и атеизма — ослабило семантическую значимость одежды и ее украшений в картине мира одулов.

Иная ситуация сложилась в пошиве традиционной одежды тундренных юкагиров-вадулов, перенявших у тунгусов оленеводство. Охотники на дикого северного оленя в далеком прошлом и оленеводы в настоящее время, вадулы обеспечены необходимым сырьем, что имеет исключительно большое значение для сохранения этой группой на протяжении XX в. традиций кроя, шитья и украшения распашной одежды. Немаловажную роль играет непосредственная хозяйствственно-экономическая близость с оленеводческими хозяйствами эвенов и чукчей нижней Колымы.

* * *

Тема цветовых пристрастий юкагиров еще не исследована этнологами, в связи с этим интересно обратить внимание на особое пристрастие одулов к красному цвету. Изучение традиционной одежды одулов показало, что красные мех, кожа, ткань, ленты, нитки, бисер, бусы присутствуют в украшениях всех предметов гардероба: головных уборов, плечевой одежды, передников, перчаток, рукавиц, обуви. В красный цвет окрашено исходное сырье — кожа, ровдуга, под-

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

шейный волос лося/оленя. В прошлом окрашивание производили отваром ольхи, копчением тополиными гнилушками, использовали природную краску — охру.

При шитье и украшении одежды, со слов старейшей юкагирки Е.Н. Дьячковой, на всех изделиях должны быть полоски красного цвета и бахрома. Опубликованные данные и наши полевые материалы показывают, что юкагирские распашные кафтаны вдоль бортов и по подолу, а также мелкие детали обшивались полосками красной ткани; горловину украшала подковообразной формы нашивка с расходящимися в стороны крупными зубцами-лучами, символизирующими солнце. Такими же солярными символами украшены головные уборы, обувь, сумочки. Табл. XV, 4 показывает схему главного украшения распашного юкагирского кафтана нашивками красного цвета. «Лучистое солнце» вокруг горловины соединено вертикальной «дорогой» с подолом — «землей»; две не имеющие конструктивного значения нашивки вдоль бортов — «фальшивые карманы» — символизируют «небесный/солнечный дождь» и семантически тождественны многочисленным мазкам красной охры на древних писаницах Якутии. Графика главного украшения одульского распашного кафтана демонстрирует национальный вариант космологической модели Вселенной и находит близкие аналоги в наскальной живописи Якутии периода позднего неолита — бронзового века [Окладников, Запорожская, 1972; Кочмар, 1994; Жукова, 1996б, с. 20–24; 1996в]. Как известно, рисунки этого времени выполнялись красной охрой различных оттенков.

Под распашной кафтан для защиты груди от холода и ветра надевали передник; в украшениях женских передников, в особенности их средней и нижней частей, преобладал красный цвет. Исследования самой формы и зон орнаментации передников, их семантики показали присутствие древних космологических схем — двух- и трехчастных графических моделей Вселенной.

Моделирует Вселенную сама форма передников, одинаковая для мужчин, женщин и детей. По конструкции передники разделяются на цельнокроеные и составные из двух частей; в последнем случае верхняя и нижняя части различаются по материалу и цвету. Верхняя часть передников всегда имеет трапециевидную или подтрапециевидную форму, она обшивается вдоль горловины узкой орнаментальной полоской и практически не украшается. На женских передниках сюда пришивают металлические подвески преимущественно дисковидной формы, символизирующие космические светила — солнце, луну — и подвески, связанные с символами продолжения рода. Изредка по самому верхнему краю нашивают полоску ткани

синего (символ неба) или красного (символ солнца) цвета. Выявляется ассоциативная связь верхней части передников с космическим верхом, небом.

Нижняя часть имеет прямоугольную форму и семантически обозначает землю, женское материнское начало. У одолов одним из соответствий женскому началу является сосуд — берестяная чашка *отчо*, легкая в изготовлении при наличии бересты. В сечении сосуд имеет вид широкой перевернутой буквы «П», такой широкой чащевидной обшивкой украшают низ передников. Для усиления значимости и в декоративных целях чащевидное украшение по контуру обшивают несколько раз, используя разные материалы и приемы. У нарядных передников в центре этого украшения помещают горизонтальную прямоугольную орнаментированную нашивку, символизирующую получение «божественной благодати», символа небесного дождя. Использование разных цветов и приемов в вышивании «божественной благодати» может означать их смысловую многозначность. В женских передниках нижнее украшение иногда имело замкнутый контур. Сама форма юкагирских передников выработалась, по-видимому, под влиянием функционального назначения этого предмета гардероба — для защиты от холода и ветра и в тесной зависимости от строения тела человека. В сочетании с распашным кафтаном узкий вверху передник, расширяющийся к середине и прямоугольный внизу, являлся оптимально удобным и теплосберегающим. Сочетание трапециевидного верха с прямоугольным низом и семантика украшений, ассоциируемых с небом и землей, могут быть рассмотрены как один из вариантов юкагирской космологической модели.

Мужские передники обычно двучастны: разделяет верхнюю и нижнюю части — «космический верх» и «космический низ» — прямая или вогнутая орнаментальная полоса, тем самым, полагаем, воссоздается структура мифологической двучастной картины мира.

Женские передники имеют существенное отличие от мужских: на них присутствуют срединные украшения, т.е. они трехчастны не по конструкции, а по зонам орнаментации. В образцах конца XIX — середины XX в. срединные и нижние украшения обычно однотипны, но нижние шире и крупнее; в конце XX в. украшения этих двух зон существенно различались (табл. XVI). Срединные украшения женских передников располагаются там, где на мужских нашита горизонтальная или вогнутая полоса — на границе между «верхним» и «нижним» мирами. Пограничное положение срединных украшений женских передников позволяет предположить, что они несут некую сакральную информацию, носительницей которой является женщи-

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

на. Рассматриваемые украшения нашиваются на передник независимо от возраста женщины, будь то девочка, взрослая женщина или старуха; однако на передник девочки пришивали не все украшения, присущие одежде взрослой женщины.

Семантику срединных украшений женских передников рассмотрим на примере двух изделий одульской мастерицы А.В. Слепцовой. В центре передника размещается украшение, которое имеет вид прямоугольника, разделенного горизонтальной линией на две равные части (табл. XVI, 2a). В каждой части белым подшайным волосом лося вышито по одному маленькому квадрату — символу «небесной благодати», будущей (вверху) и полученной (внизу). Эту композицию можно рассматривать как вариант двучастной космологической модели, у которой «верх» и «низ» имеют П-образную форму, они равновелики и графически тождественны. Графика модели мира в центре этого передника предельно схематична и сопоставима по лаконичности с моделью Вселенной на селенгинской скале Бэшэгтуу периода бронзового века [Окладников, Запорожская, 1969], где круг с крестом символизируют небо, а подпрямоугольник с точками — землю (табл. XL, 1). Низ передникадержан в традиционной цветовой гамме: наряду с розетками-«солнышками» и красным цветом отделки здесь присутствует полоса ткани черного цвета — символ земли, по объяснению мастерицы.

Следующий передник изготовлен для девочки 7–8 лет (табл. XVI, 2б). Вдоль горловины пришиты символы космического верха, неба — три металлические дисковидные подвески на атласной ленте оранжевого цвета. В центре передника украшение почти полностью копирует центральную часть модели Вселенной периода бронзового века [Окладников, Запорожская, 1972] со среднеленской писаницы Ат-Дабан (табл. XL, 2). На переднике это прямоугольная рамка с четырьмя пунктирными штрихами внутри, выполненными белым подшайным волосом; на писанице под солярным символом верха (лучистый овал с крестом внутри) изображена практически та же прямоугольная рамка с таким же количеством вертикальных штрихов. Прямоугольные рамки со штрихами, взятые в отдельности, являются символами земли и изобилия, женскими знаками в наскальной живописи Южной Якутии и Забайкалья. Пример тому — селенгинская модель (табл. XL, 1). Позднейший аналог двучастной модели обнаруживается в мужских передниках одулов. Возникает вопрос: почему и когда на женских передниках одулов появилось срединное украшение, копирующее и усиливающее женское начало? Очевидно, ответ на него нужно искать в древних религиозно-мифологических воззрениях юкагиров, когда произошла трансформация двучастной

мифологической модели мироздания в трехчастную. Наше объяснение такому явлению изложено в специальных публикациях, к которым отсылаем читателя [Жукова, 1996в, 2001б].

Основа рассматриваемого детского передника — сукно черного цвета, в нижней широкой части обшитое по краю красной тканью. Черный цвет здесь, по объяснению мастерицы, является символом земли. Поскольку это передник девочки, нижняя часть не имеет всех украшений, нашиваемых на передник взрослой женщины. Укращение всего передника воссоздает трехчастную космологическую схему. В наскальной трехчастной космологической модели с писаницы Ат-Дабан женским символом космического низа и земли является известный графический символ — рассеченный треугольник, следовательно, при помощи различных графем в данной модели женские символы повторены дважды. Свидетельствует об этом и четное количество штрихов внутри прямоугольной рамки: число «четыре» традиционно считается принадлежащим женскому семантическому ряду. Сравнение двух космологических моделей — бронзового века и одульской конца ХХ в. — обнаруживает их несомненное структурное сходство. Едва ли можно говорить о случайности совпадений. Скорее всего, на примере одульских передников выявляются унаследованные от древности и восходящие к позднему неолиту и бронзовому веку языческие космологические воззрения и некий постоянный набор графических архетипов-символов. Вариативность использования символов при построении космологических моделей Вселенной обнаруживается как в наскальном искусстве Якутии, так и в серии юкагирских передников, в том числе изготовленных одной мастерицей.

Наскальные космологические графемы позднего неолита — бронзового века имеют различный абрис, но характеризуются рядом общих признаков: дугообразной формой, лучистостью, наличием косого креста, вертикальными мазками краски — символами ниспадающей «небесной благодати». Современные одульские мастерицы воспроизводят древние графемы на одежде с помощью сочетания различных графических архетипических символов и с использованием преимущественно красного цвета. Выявляется традиция украшать одежду солярными символами и космологическими схемами, берущими начало в аборигенной наскальной живописи. Наличием солярного культа и имитацией природного красителя — охры — объясняется преобладание красного цвета в украшениях одульской одежды.

Исследователи полагают, что в раннем железном веке наскальное искусство Якутии переживало упадок [Кочмар, 1994]. Однако это не означало, что священные изображения вовсе перестали вос-

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

производиться. Скалы с писаницами по-прежнему являлись культовыми местами, но все увеличивавшаяся мобильность населения, в том числе вследствие расселения по Сибири тунгусов, развития домашнего оленеводства, потребовала новых эквивалентных форм сохранения сакральных рисунков. По-видимому, назревала необходимость заменить монументально-статичные носители информации на мобильные. Это, полагаем, послужило причиной появления ритуальных замшевых ковриков *наму* эвенков-орочонов Южной Якутии. Орочоны утверждали, что наскальные рисунки есть не что иное, как рисунки их родовой территории, но «...появление на родовых территориях посторонних людей и осквернение наскальных рисунков взглядами заставило перенести изображения на замшевые или пергаментные коврики» [Мазин, 1984, с. 23]. Так коврики *наму* для орочонов явились преемниками и функциональными заместителями древней монументальной живописи. Сакральная обрядность, связанная с ковриками, возможно, имеет отношение к древней обрядности у скал со священными рисунками. Полагаем, что сходными процессами можно объяснить появление космологических схем на одульской одежде. Подобно орочонским, юкагирские мастерицы в какой-то исторический период перенесли сакральные графемы с монументальных носителей (писаниц) на мобильные (одежду). Однако если современные орочоны Южной Якутии продолжают проживать в непосредственной близости от своих священных скал, то на современной территории проживания лесных юкагиров наскальные рисунки с космологическими графемами, близкими изображенными на одежде, пока не обнаружены; для сопоставления взяты рисунки писаниц Южной Якутии и средней Лены. Последнее обстоятельство позволяет в качестве рабочей гипотезы выдвинуть следующее: группа древних юкагиров-охотников оставила традиционную территорию проживания (бассейн р. Лены), перенеся священные изображения со скал на одежду, и ушла в северо-восточном направлении; побуждающей причиной явились территориальные притязания иноэтнических племен. Возможно также, что новые находки памятников древнего монументального искусства подтвердят присутствие рассматриваемых космологических графем на севере и северо-востоке Якутии.

К востоку от Колымы, на западе Чукотки обнаружены космологические графемы поздненеолитического времени, нанесенные на сланцевые плитки. Исследовавшая граффити М.А. Кирьяк считает, что космологическая символика рисунков на плитках находит аналогии в семантике формы и украшений юкагирских передников [2003, с. 209–210]. Действительно, определенные семантические па-

раллели обусловлены спецификой запечатленной на них информации и возможными древними этногенетическими связями, несмотря на значительный хронологический промежуток, разделяющий время создания граффити и юкагирских передников. Форма передников и запечатленные на них графемы обнаруживают большее сходство все же с древними центрально- и южноякутскими материалами, чем с западно-чукотскими.

Воспроизведение одульскими и ороочонскими мастерами сакральных изображений на мягких материалах (одежда, коврики) находит на мысль о половой принадлежности древних рисовальщиков на скалах. Скорее всего, женщин можно считать древними художниками — исполнителями космологических схем. В пользу этого предположения свидетельствует, например, особая семантическая нагрузка украшений одульских женских передников, отличающая их от мужских. Изготовление, ношение и хранение священных знаков было прерогативой женщин. Несомненно, с женскими передниками (как и с эвенкийскими ковриками *наму*) в прошлом была связана особая сакральная обрядность, к сожалению, сведений на этот счет мы не имеем. Свидетельство тому, что в женском переднике была заключена особая магическая и живительная сила, находим в «Ламутском рассказе», записанном В.И. Иохельсоном от юкагирки Ф. Солнцевой в 1896 г. Раненный в бою с коряками ламутский (эвенкий) шaman взял у жены передник. «Тем передником шаман свои раны ударили. Раны его все зажили. Здоровым человеком сделался» [2005б, с. 186–187]. Примечательно, что с лекарскими целями шаман воспользовался не атрибутами своего культа, а передником жены.

Космологическая информация, запечатленная в орнаментах на предметах материальной культуры, легко считывается юкагирами — носителями традиционных знаний. Знаток национальной культуры В.Г. Шалугин экспромтом и без видимых усилий сделал пространное и глубоко философское описание орнамента на привезенной из Якутска меховой обуви [Жукова, 1996б, с. 31]. В этом описании внешняя самая крупная дуга сегмента круга моделирует «родную землю» (табл. XL, 3), красный цвет ее несет особую семантическую нагрузку: «...Красный цвет — основа земли, очага... Люди одного рода, одной крови здесь живут...». Кроме того, красный цвет в этом украшении обуви обозначает «...солнце, рассветы, зори разные... красный цвет как будто закат, конец дня, или света дня... Вот так красного цвета земля из белой полоски выходит через дни, небо, зори, восходы и закаты». Красный цвет в описании В.Г. Шалугина соотнесен с кровью, людьми одного рода, очагом, основой земли, солнцем, зорями, восходами, закатами. Солнце, земля, очаг, люди

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

одного рода — юкагиры живут в окружении энергетики красного цвета. Этот цвет в юкагирской традиционной культуре, в том числе в одежде, семантически связан с символикой как солнца, так и земли.

Солярный культив в одежде одулов выражен также через подвески, кольца, моно- и полихромные бисерные розетки *йэльоодь* — «солнце». Розетки *йэльоодь* украшают кафтаны, передники, головные уборы, обувь, перчатки, сумочки. Солнце — главный узор в орнаменте юкагиров. Кружок-солнце одновременно читается как «глаз». «Оглазить» — значит, нарисовать, вышить, вырезать кружок в центре изделия. Кружок — солнце-глаз — оберег от злых духов и болезней. Вырезанные по дереву, кости круги украшают предметы быта и являются оберегами, знаками благопожелания. Наличие такого орнамента призвано внушить владельцу чувство уверенности и неуязвимости, силу и мужество. Изображение солнца или сравнение с ним может указывать на высшую степень красоты и сакральности:

...Как хвоя одежда его красна,
Милашка! Точно солнце!
[Иохельсон, 2005а, с. 217].

Солнечной символикой «согрета» вся одежда лесных юкагиров-охотников, и это естественно, если учитывать низкие зимние температуры горно-таежных континентальных областей Северо-Восточной Азии и первостепенную значимость не только пищи, но и тепла (одежды, жилища). Знак в виде огнива мастерицы вышивают на предметах одежды промысловиков (табл. XXXIX, 7а).

Солярная символика обнаруживается в украшениях одежды многих северных народов. У эвенов Верхоянья на праздничной распашной одежде *найми* вокруг горловины нашито украшение в виде «зубьев шестеренки» [Алексеев, 1993]. В этнографических материалах А.И. Мазина по эвенкам-орочонам находим, что покрой одежды оро-чонов — распашной тунгусского типа, однако в ритуальной одежде сохраняются многие древние элементы. Как уже отмечено, помогающие оро-чонам в хозяйстве и промыслах деревянные мужские и женские амулеты *сэвэкичан* одеты в глухую одежду с солярной символикой (см. табл. VII). Круглый накладной воротник по краю нарезан баҳромой (ср. лучистые нашивки по вороту юкагирских и эвенских кафтанов), такой же нарезной баҳромой украшена одежда по подолу и, возможно, на рукавах. Особое внимание привлекает головной убор. Это маленькая круглая шапочка, по краю нарезанная так же, как воротник и подол. Верх головного убora открыт и пересечен крестообразной нашивкой. Отдельно взятая шапочка представляет собой солярный символ — круг с крестом внутри. Все основные детали одеж-

ды амулетов — головной убор, воротник, рукава, поясная часть, подол — украшены двойными полосками краски (возможно, красной), создающими композиционную целостность всего комплекта.

На ритуальном орочонском коврике *наму* имеется изображение сэвэки — доброго духа Верхнего мира, постоянно заботящегося о людях, он облачен в глухую одежду с поясом (см. табл. VI, 4). Штрихами по краям капюшона, рукавов и по подолу показаны зоны расположения бахромы, опушки либо красочной полосы. Описанное проявление солярного культа в орочонской одежде является реликтом древних времен, в этнографическое время (XX — начало XXI в.) подобные украшения в повседневной распашной одежде отсутствуют (сообщение представительницы этого народа, д-ра филол. наук Г.И. Варламовой). Предположительно, распашной одежде эвенков-орочонов предшествовала глухая, общее представление о которой дает одежда на ритуальных предметах. Глухая одежда орочонов находит аналог в глухой повседневной одежде североамериканских индейцев [Drawing shadows..., 1997]. В одежде индейских женщин ровдуга, нарезанная зубцами и бахромой, располагается почти в тех же зонах: по краю полукруглого украшения горловины (на груди, фото не показывает наличие его на спинке), в швах вдоль всего рукава и на манжетах, по боковым швам стана и подолу, в области колен и по низу штанов (табл. XL, 4). Полоса краски (?) дублирует это украшение у горловины и на подоле, ею же вдоль подола выполнен крупный зигзаг. Аналогичные крупные зигзаги широко известны в украшениях меховой одежды народов Восточной Сибири: так украшены воротники, меховые дошки, верхняя часть обуви [Гурвич, 1977, с. 83; Роббек, 2004]. В Западной Сибири манси изображения солнца вышивали бисером на воротниках, прикрепляемых к холщовым рубахам [Федорова, 1998, с. 19]. Розетки-солнышки украшают крупные воротники распашных женских кафтанов березовских эвенов [Роббек, 2004].

Приведенные примеры позволяют, во-первых, наметить предварительную область распространения одежды со сходными украшениями, в основе своей несущими солярный культ. Во-вторых, предположительна семантическая тождественность таких элементов украшения одежды указанных народов, как крупные и мелкие зубцы (в том числе вырезанные из кожи, вышитые нитками, нанесенные с помощью краски или выполненные меховой аппликацией), ровдужная бахрома, изображения солнца с использованием аппликационных нашивок, бисерных розеток. Их все объединяет солярная символика. Сходство обнаруживается в зонах расположения украшений: на головных уборах, у горловины, по воротнику или капюшону, на

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

манжетах рукавов (у индейских женщин — вдоль всего рукава и боковых швов стана), по линии талии, по подолу, на обуви, т.е. обнаруживается «солнечность» убранства всего комплекта одежды. Не исключено также, что зубцы и бахрома на одежде из ровдуги имитируют меховую опушку зимней одежды, в таком случае становится очевидной вторичность легкой летней одежды из ровдуги.

Нашивки красного цвета на юкагирском распашном кафтане расположены вдоль открытых мест — у горловины, на полках, по подолу, на манжетах рукавов, т.е. по основным и древнейшим зонам расположения украшений, связанных со стремлением защитить и утеплить отверстия. Распашной тип одежды одулов позволил создать из полос ткани красного цвета непрерывную утепляющую «солярную» конструкцию (см. табл. XV, 4). Юкагирская традиция отделять все швы одежды красным кантом наводит на мысль о возможном построении такой же конструкции на глухой одежде с использованием швов как связующих «солярных потоков». Этот прием обнаруживает себя в обшивке швов бахромой на глухой одежде индейских женщин. Северные якуты-оленеводы, в основной массе отунгущенные, а затем объединенные аборигенные племена, продолжают использовать в украшении одежды древние солярные традиции. Выявляется общая схема украшений юкагирских и североякутских распашных кафтанов и дошек [Гурвич, 1977, с. 83, 128, цв. вкл.].

Культурные иноэтнические влияния XX в. не изменили основных принципов украшения юкагирской одежды. Солярная символика по-прежнему «согревает» одульские кафтаны. Юкагиры пользуются достижениями культуры пришлых народов для внешнего, декоративного исполнения своих космологических графем. Например, пришитые в верхней части передников полоски цветной ткани символизируют небо, на нем металлические — бронзовые, латунные — бижутерийные подвески — солярные символы. Это же касается использования покупных бисера, бус, колокольчиков, лент, но от пестроты рыночной продукции, грозящей опрокинуть все устоявшиеся традиции, юкагиров защищают национальная цветосимволика и жесткаядержанность композиционного решения всех украшений одежды. Выработанные веками и «впитанные с молоком матери» изобразительные традиции являются надежными маркерами юкагирской культуры, они обнаруживаются как заимствования в культурах пришлых народов.

В прошлом традиционный гардероб одулов составлял, несомненно, единый комплекс не только благодаря утилитарному назначению, единству материалов, украшений, цветовому решению, но и неразрывной глубинной семантической связи, обусловленной целостным

образным миром религиозно-мифологического сознания. Эта взаимозависимость жестко ограничивала мир образов и цветосимволику юкагирской одежды. Геометрическая основа орнамента и использование цветовых контрастов — особенность декоративно-прикладного искусства юкагиров. Сочетание светлого и темного меха и камуса, желтой и темно-коричневой ровдуги, белого и окрашенного в красный цвет подшейного волоса, красной и черной ткани — вот основные контрастные семантически обусловленные цвета. Украшения юкагирской одежды, выдержаные в традиционной цветовой гамме, не выглядят декоративными и вычурными, но именно этот традиционализм является символом стабильности, постоянства и здоровья народа. Комплект летней распашной одежды одулов XX в. «проигрывает» в декоративности богато расшитым разноцветным бисером эвенским и долганским костюмам, в украшениях которых возобладали именно декоративные тенденции. Когда во второй половине XX в. одулы практически перестали надевать и шить расшитые капоры, отсутствие головного убора в комплекте летней праздничной одежды нарушило семантическую целостность всего комплекта, в частности в семантически связанной паре головной убор — обувь вся смысловая нагрузка перенесена была на обувь. В комплекте без головного убора и без красной лучистой нашивки на вороте кафтана основную солярную символику стал нести орнамент на полках и по низу распашной наплечной одежды, на переднике, перчатках, обуви. Утрата любого предмета гардероба влечет за собой цепочку последующих утрат и трансформаций. Так, отсутствие капора сделало лишним пришивание ремешка для шапки на женской одежде, отсюда, как следствие, исчезновение половозрастной информации на женском кафтане.

Одежда одулов в конце XIX — начале XX в. была полифункциональна: помимо своего прямого утилитарного назначения, она выполняла, во-первых, информативную функцию (кожаный ремешок на женских кафтанах, мужские пояса *игидиэнэ*), во-вторых, защитно-охранительную (рожки на шапках, круглые плоские подвески на кафтане как «глаз спины», метки *йомдыилэ* и др.), в-третьих, как составная часть материальной и духовной культуры она отражала мифологическую картину мира и космологические символы. К концу XX в. информативная функция одежды одулов была полностью утрачена. Ставилась под сомнение сама возможность присутствия половозрастной информации на одежде юкагиров [Бурыкин, 1998а]. Снизилась ее защитно-охранительная функция, хотя остаются традиционные элементы: подвески на кафтанах и передниках, рожки на детских шапках (редко), метки *йомдыилэ*. Эти две основные функции, отражающие индивидуально-личностный аспект, оказались

нивелированы, в то же время надличностный, мировоззренческий, религиозно-мифологический аспекты как наиболее архаичные и консервативные сохранили, хотя и не в полной мере, свою функциональную значимость. Выработанные на протяжении длительного исторического периода религиозно-мифологические установки пронизывали все сферы духовной и материальной жизни древних обществ, в том числе такую составную ее часть, как одежду, поэтому на предметах гардероба лесных юкагиров сохраняются многие элементы, отражающие мировоззрение людей ушедших эпох. Это языческое мировоззрение основано на почитании небесного, солнечного божества. Устное народное творчество юкагиров и народные представления дают достаточный материал для реконструкции основных его положений [Иохельсон, 2005а, б; Жукова, 1996в].

Двухуровневые на мужских и трехуровневые на женских передниках графические модели Вселенной имели все члены родового юкагирского коллектива. Солярная и космогоническая символика на предметах одежды:

- являлась оберегом и щитом от возможных внешних опасностей;
- обеспечивала нравственное, моральное и эстетическое равновесие человека в природе и обществе, способствовала формированию лучших человеческих качеств;
- была залогом равноправия всех членов коллектива.

Не исключено, что предметы одежды, особенно украшенные, праздничные, юкагиры использовали в определенных ритуальных и обрядовых целях.

Наше исследование показало, что в конце II тыс. н. э. в традиционной культуре юкагиров сохранялись и продолжали функционировать элементы мировоззрения первобытных охотников и рыболовов, несмотря на значительный хронологический промежуток времени и многие культурные, социально-экономические потрясения (тунгусское, русское влияние, христианизация, атеистическая пропаганда, социально-экономические эксперименты XX в.). Сохранению языческого миропонимания в немалой степени способствует присущий лесным юкагирам архаический присваивающий тип хозяйства, основанный на охотпромысле и рыболовстве.

Обувь юкагиров как исторический источник

Если распашную наплечную одежду и передники юкагиры заимствовали из гардероба тунгусов, то определение других предметов одежды как собственно юкагирских или заимствованных от других народов представляет некоторую трудность. Наиболее изученной

является обувь. Классификацию обуви народов Сибири осуществила Г.М. Василевич, главное внимание уделяя материалу, крою и некоторым общим или самобытным элементам [1963]. Опираясь на различия в крое подошвы, голенища, числе союзок и иных классифицирующих признаках, исследователь определила основные типы обуви из кожи, ровдуги и камусов и территории, где распространены данные типы. Увязано бытование типовых покровов и их отдельных элементов с хозяйственно-культурной деятельностью населения; основное внимание автор уделила процессам культурной дивергенции на территории от Урала до крайнего Северо-Востока Азии. Соглашаясь в целом с предложенной типологией обуви народов Сибири из кожи и ровдуги, в том числе юкагирской (алтайский, западно-сибирский, восточно-сибирский типы), предлагаем некоторую коррекцию классификации с учетом имевших место процессов независимого конвергентного развития.

К древнейшим типам обуви народов Сибири относится обувь с поршневидной подошвой, ее первичным звеном был поршень как самостоятельный вид короткой обуви. Такая обувь (род тапочек) имелась в конце XIX — начале XX в. у населения Якутии к северу от Верхоянского хребта; у эвенков Забайкалья и Нижнего Приамурья носок тапочка прикрывала треугольная вставка [Там же, с. 43–44]. К поршню пришивали голенище из нескольких полос камусов, в вариантах носок не был обозначен, такой покрой сохранялся в обуви нганасан и энцев. Для формирования носка поршень в передней и задней частях собирали в оборки, голенище на подъеме подтягивали стежками сухожильных ниток. Но для подтягивания в области носка нужна более тонкая шкура, чем камус. Видимо, в связи с этим и следуя анатомическим особенностям ноги, на подъеме обуви стали вшивать треугольную вставку. Покрой обуви с поршневидной подошвой, голенищем, сшитым спереди или сзади, с треугольной вставкой на подъеме (или в носке) сохранялся в конце XIX — начале XX в. в ровдужной и кожаной обуви многих народов Сибири. Другим способом формирования носка было вшивание в голенище длинной передней полосы камуса, закрывающей подъем.

Поршень впоследствии был трансформирован: 1) в кроеную (башмаковидную) подошву с одной-тремя союзкой и голенищем из камусов, 2) цельную головку со швом сзади и с голенищем из ровдуги (для летней обуви). Количество вшитых союзок может быть объяснено традиционной высотой поршня. Кроеную подошву могли сшивать с меховым голенищем и без союзок.

По имеющимся материалам, поршневидная подошва в зимней обуви юкагиров не сохранилась, но встречается у северных якутов

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

(объякученные тунгусы и юкагиры) с характерным якутским «носочком». Сочетание кроеной подошвы с союзкой, огибающей ступню (также обшивание полосой из палаточной ткани внутри обуви), может быть одним из свидетельств бытования в прошлом поршня у юкагиров. Юкагирская камусная обувь с кроеной подошвой имеет три покрова, которые различаются формой союзок. Союзка всегда одна, редко добавлен клинышек. Количество камусов на голенище — от 4 до 6 — зависело от ширины исходного материала.

Первый покрой: союзка представляет собой увеличенный клин (табл. XXVI, 1).

Второй покрой: союзка как след поршня (табл. XXVI, 5, 6; XXXVIII, 5, 6).

Третий покрой: передняя длинная полоса голенища лишь частично закрывает пальцы, союзка значительно шире, иногда с добавочным клинышком (XXXVIII, 7).

На основе меховой обуви сложились покрои обуви из кожи и ровдуги, они копировали как поршень, так и кроеную подошву. Использование кожи и ровдуги облегчило изготовление обуви: отпала необходимость в клинышках и союзках, неизбежных при работе с узкими полосами камуса. Голенище из нескольких полос камуса было заменено на одну цельную пластину со швом сзади или спереди, передняя длинная деталь внизу стала полностью покрывать носок без дополнительных надставок.

Покрой юкагирской ровдужной обуви с поршневидной подошвой включает поршень со сборами в носке и пятке, голенище из двух полос, сшитых спереди или по бокам, передняя полоса длиннее, на подъеме носок подтянут сухожильными нитками (табл. XX, 3, 5).

Ровдужная обувь с башмаковидной подошвой у юкагиров имеет два традиционных покрова и третий — эклектический. Первый покрой (алтайский) включает подошву и голенище из двух полос, швы спереди (табл. XXXVII, 2–5). Согласно классификации Г.М. Василевич, этот покрой является характерным для юкагиров, а от них перешедшим на территории Якутии к эвенкам, эвенам и якутам. У самодийских народов Западной Сибири и на крайнем Северо-Востоке Азии он не встречается, но известен негидальцам, нанайцам, орочам. У народов Алтая, так же как у юкагиров, распространена обувь с надподошвенной частью из двух половин (этот признак дал название типу обуви), однако у алтайцев швы, соединяющие обе половины, находятся спереди и сзади. Другим примечательным сходством обуви юкагиров (также эвенков и эскимосов) с обувью алтайских народов (алтайцы, хакасы, телеуты, шорцы, тувинцы) является обнаруженная Г.М. Василевич обувь из камусов, не имеющая союзок.

(Наши полевые материалы такой покрой одульской меховой обуви не выявили.) Голенище из многих полос непосредственно пришито к кроеной подошве, в вариантах его передняя узкая деталь длинная и полностью покрывает подъем и носок (табл. XL, 5). Возможно, характерный для юкагиров алтайский покрой обуви из ровдуги имеет своим ближайшим прототипом аналогичную камусную обувь.

Особенностью обуви алтайских народов является загибающийся кверху носочек и косо срезанное голенище [Василевич, 1963, с. 51–52]. На возможное присутствие в прошлом приподнятого носка в юкагирской обуви проливают свет фольклорные материалы. Характеризуя облик старухи-болезни, уничтожавшей людей (вероятный образ предка), легенда сообщает: «Вошла худая старуха с черным лицом. Волосы лохматые, нос крючковатый, обувь помята, верх носка загнутый» [Жукова и др., 1989, ч. 2, № 47, с. 27]. В обуви юкагиров в конце XX — начале XXI в. присутствует прием подтягивания и приподнимания носка обуви из ровдуги, но способ этот (стежки сухожильных ниток) считается принадлежащим древним арктическим охотникам. Тем не менее нельзя исключить предположение, что различающиеся покрои ровдужной обуви юкагиров и алтайцев сложились в древности на основе общего типа камусной обуви. В качестве варианта описываемой алтайской камусной обуви можно считать первый покрой камусной обуви одулов (табл. XXVI, 1). Союзка-клинышек является необходимой вставкой, соединяющей подошву с передней частью, впоследствии она вошла в типовой раскрой современной обуви, распространенной в Якутии (юкагиры, эвенки, эвены, якуты, русские).

Второй (западно-сибирский) покрой юкагирской обуви из ровдуги включает подошву, головку, треугольную вставку на подъеме, голенище из одной пластины со швом спереди (табл. XX, 9–11). Покрой известен в ровдужной обуви ханты, манси, чукчей, коряков, ительменов, анадырских эвенов. Г.М. Василевич предполагает, что чукотско-корякская «низкая и плоская на передке головка, вероятно, представляет собой дальнейшее развитие однорядных союзок меховой обуви. Форма раскрыя союзки, будучи перенесена на другой материал (с камуса на ровдугу), изменилась, и союзка превратилась в головку. Обувь с головкой бывает только из ровдуги или оленевой шкуры мехом внутрь... Кроме того, треугольник, вшитый в голенище на подъеме, является пережитком обуви с носком» [1963, с. 58]. Добавим, что широкое распространение у народов Сибири в конце XIX — начале XX в. имела кожаная обувь с поршневидной подошвой и треугольной вставкой на подъеме.

У народов Приобья (ханты и манси), селькупов и кетов, народов Саяно-Алтайского нагорья (тувинцы, телеуты, хакасы) ровдужная

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

обувь западно-сибирского типа (без треугольной вставки на подъеме) имела другое происхождение. Этот покрой известен в меховой обуви указанных народов (головка, пришитая к подошве, и голенище) и от него произошел. Вместе с тем нельзя исключить предположение, что обувь западно-сибирского типа могла возникнуть на основе короткой обуви — самостоятельного поршня. С переходом на кроеную подошву поршень трансформировался в тапочек (подошва+головка). Пришивание голенища к поршню или тапочкам и послужило основанием для данного покроя. В гардеробе народов Сибири тапочки и ровдужная обувь западно-сибирского покроя составляют единый комплект.

Соединяет элементы края и украшения алтайского и западно-сибирского типов женская эклектическая обувь из ровдуги и кожи (летние и зимние *калиберки*) конца ХХ в. (табл. XXI, 1–4; XXV, 3–7). В публикациях В.И. Иохельсона и Г.М. Василевич отсутствует эклектический тип, что объясняется появлением его в ХХ в. вследствие общей трансформации покроя одежды и утраты многих традиционных элементов. Вместе с тем эклектический тип наиболее распространен в женской праздничной летней ровдужной и зимней обуви. Существовала ли у юкагиров в конце XIX — начале ХХ в. праздничная обувь и как она украшалась, неизвестно. Материалы конца ХХ — начала XXI в. показывают наличие праздничной, танцевальной, погребальной, промысловой и повседневной обуви. Наиболее украшена праздничная обувь, на передней части ее, как и на женской танцевальной и погребальной, обычно помещается узор *өнмиэдээ* — символ человека, растительности и бессмертия. *Калиберки*, следуя солярной символике всего юкагирского комплекта одежды, по верху украшены круглыми розетками-«солнышками».

Собранные материалы показывают, что основным и характерным для юкагирской обуви является алтайский покрой. В конце ХХ — начале XXI в. на его основе изготовлены все типы женской и мужской, камусной и ровдужной обуви. На территории Якутии алтайский покрой в обуви эвенков и эвенов встречается как сосуществующий с другими типами, а у якутов — как основной (с характерным якутским «носочком»). У северных якутов со смешенным этническим составом в употреблении обувь различных типов (поршневидная подошва, восточно-сибирский покрой: голенище со вшитым носком, камусная обувь без союзок и одной-двумя союзками). Традиция пошива обуви алтайского типа в Якутии, по-видимому, уходит в глубинные пласты истории и дает основание предположить, что этнические волны населения с алтайским покроем обуви несколько раз достигали ее территории. Одна — в древности, она положила основание формированию

protoюкагиров как этнокультурной общности, другая — с предками якутов (первая половина II тыс. н. э.).

Западно-сибирский покрой ровдужной обуви, известный одулам еще 100 лет назад, в конце XX — начале XXI в. не применяется. Обращает на себя внимание то, что обувь западно-сибирского покроя у народов Сибири, в том числе юкагиров, имеет ряд общих особенностей: использование различных материалов и контрастных цветов в пошиве головки, треугольной вставки и голенища. Некоторые общие приемы шитья сближают обувь юкагиров и северо-восточных палеоазиатов. Как чукчи и коряки, юкагиры имеют вздежку по верхнему краю прямо срезанного голенища обуви до колен. Для чукотско-корякской обуви из ровдуги характерен шов с проложенным ремешком, в традиции юкагиров вшивать ремешок (кант) из кожи, сукна или ткани в швы предметов традиционного гардероба. Западно-сибирский покрой у юкагиров представляется древним предшественником алтайского типа.

Таким образом, на основе классификации обуви определяются ареальные связи юкагиров с древними арктическими охотниками, народами Саяно-Алтайского нагорья, древним населением крайнего Северо-Востока Азии. Формирование ареальных связей происходило в различные хронологические периоды, для уточнения которых необходимы исследования гардероба всех юкагирских групп (чуванцев, тундренных, индигирских, нижнеянских юкагиров). Предпринятое исследование позволяет гипотетически наметить несколько больших хронологических периодов, тесно связанных с этнокультурными процессами на территории Якутии и конкретно с историей формирования юкагирского костюма.

К самому раннему и длительному можно отнести период существования обуви с поршневидной подошвой и сложение покроя западно-сибирского типа. Учитывая охотниче-рыболовецкий характер хозяйства древних племен, можно считать, что использование материалов для изготовления одежды диктовалось сезонностью и сырьем, получаемым в результате промыслов, половозрастными различиями, тотемическими и иными представлениями. К числу древних могут быть отнесены сообщения об одежде как снятой чулком оленевой шкуре, наплечной одежде типа понcho (туникообразный тип), шапок из головных шкур животных с оставлением ушей (шапки с рожками), меховых штанов с низкой поясной частью. Древним является двойной принцип изготовления меховой одежды.

Доказательством давних истоков портняжного ремесла могут служить найденные археологами многочисленные и разных типов скребки, проколки, шилья, костяные иглы и игольницы, редкие материалы

Гл. 3. Семантика и периодизация истории юкагирского костюма

погребений, показывающие наличие подвесок, бусин и их расположение, исключительно интересна находка поздненеолитического рисунка наплечной одежды на бересте (р. Индигирка). Штампы, которыми пользовалось неолитическое население для формовки глиняных сосудов (сетчатые, шнуровые, вафельные отпечатки), являются показателями существования разных технологий. Так, сетчатые и шнуровые отпечатки свидетельствуют о знакомстве местных племен в период раннего и среднего неолита с плетением растительных волокон, возможно, изготовлением циновок, плащей, обуви, сеток, вообще плетенных изделий. Резная лопатка с вафельными отпечатками и примесь волос и шерсти в тесте поздненеолитических сосудов говорят об ином источнике традиции, возможно свидетельствующем о раннем знакомстве с одомашниванием животных.

В неолитическом или поздненеолитическом населении Якутии большинство исследователей видят предков современных юкагиров [Гоголев, 2004; Гурвич, 1977; Кирияк, 2003; Окладников, 1955; Симченко, 1976; Федосеева, 1980]. Правомерным поэтому является соотнесение распространения алтайского покроя обуви с неолитическим временем или периодом бронзового века (II–I тыс. до н. э.). Естественно предположить, что выходцы с юга принесли с собой новый покрой не только обуви, но и других предметов гардероба. В процессе адаптации алтайский покрой стойко закрепился в обуви юкагиров, о других предметах южной одежды что-либо предположить на данном уровне знаний трудно.

Новая волна переселенцев была связана с приходом тунгусо-язычных племен в начале I тыс. н. э., знаменующего собой начало железного века на территории Якутии. В гардеробе юкагиров наследием этого периода является тунгусская распашная наплечная одежда с передником и характерный восточно-сибирский вшитый в голенище носок, закрепленный в крае меховых носков. По-видимому, традиционная глухая наплечная одежда продолжала использоваться, на нее и другие предметы гардероба были перенесены новые тунгусские технологии (выделка ровдуги из оленьей шкуры железными скребками *кэрдэ, чучун*).

Многообразие археологических комплексов раннего железного века Якутии [Константинов, 1978] может указывать на то, что тунгусские группы, проникавшие в Сибирь, как и местные аборигенные группы, не имели единого единства в элементах культуры. Процесс изменений и культурной адаптации, в том числе одежды пришлых групп, к новым природным условиям и этнокультурному окружению (появление в гардеробе глухой наплечной одежды) шел одновременно с отработкой собственно тунгусских элементов культуры. Позд-

нее эти же изменения происходили у пришлых в Якутию тюрко-монгольских племен, становление национальной культуры народа саха (якутов) протекало под влиянием местных племен. Многообразие археологических комплексов в Якутии в I тыс. н. э. типологически можно сравнить с позднейшим разнообразием форм и украшений тунгусских (эвенкийских) передников, а также с территориальными различиями головных уборов, отмеченными у юкагиров и коряков.

Надо полагать, что одежда якутов, появившихся на средней Лене спустя почти тысячелетие (во второй четверти II тыс. н. э.) после выхода тунгусов на сибирские просторы, не имела сколько-нибудь значительного влияния на юкагирскую одежду. Предположительно общий с юкагирским был алтайский покрой древнеякутской обуви, а такая самобытная деталь якутской обуви, как вшитый «носочек», редко встречается в комплектах юкагирской одежды. Одежда якутов, адаптируясь к местным условиям, приобретала юкагиро-тунгусские черты.

Последний, русско-европейский период в истории юкагирской одежды сопровождался, с одной стороны, уменьшением тунгусского влияния на национальную культуру лесных охотников-юкагиров, а с другой — значительными технологическими переменами в изготовлении одулями традиционной одежды. Изменения в материале и крою объясняются заменой трудоемких процессов обработки сырья и шитья одежды на более быстрые, легкие, доступные и экономичные. В этот период практически исчезает древняя юкагирская глухая наплечная одежда, а распашная тунгусского образца вытесняется из всех сфер бытования, за исключением летней праздничной и отчасти промысловой.

Предложенная периодизация юкагирской одежды носит предварительный характер, она показывает, что на всем протяжении истории национального костюма не затухают процессы отработки и закрепления оптимальных технологий кроя, шитья и украшения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этнологическом изучении традиционных культур народов Сибири нет вопросов основных и второстепенных. Детская песенка, элемент орнамента или невзрачная нательная одежда могут открыть новые направления исследований в системе традиционных культур. Одежда как составная часть народной культуры дает богатейший этнологический материал. Источником самой различной информации являются три ее характеристики — сырье для изготовления, крой и украшения. Обычный хронологический срез исследований — конец XIX — начало XX в., именно на это время приходится рубеж традиционализма в культурах северных народов и начало процессов активной трансформации культуры. На примере одежды одулов показано, что трансформированная национальная одежда конца XX — начала XXI в. дает новые интересные сведения.

Сравнительно-исторический анализ важнейших характеристик глухой и распашной одежды, обуви в различные хронологические периоды позволил выделить основные этапы изменений одежды юкагиров и предложить предварительную периодизацию (дотунгусский, тунгусский и русско-европейский периоды). Попытка в общих чертах представить эволюцию одежды и реконструкция ее древних типов дали возможность выйти на проблемы древних этнических контактов юкагиров с соседними народами. В связи с этим предпринята попытка вскрыть «механизмы» процессов внебиологической адаптации традиционных культур к изменениям условий внешней среды, в том числе к изменениям в этнокультурном плане.

Происшедшие на протяжении XX в. изменения в трех основных характеристиках одульской одежды — материал, крой и украшение — свидетельствуют о процессах адаптации к активному влиянию иной по происхождению русской культуры. Если в начале русско-европейского периода (конец XIX — начало XX в.) в гардеробе юкагиров появились отдельные предметы русского гардероба (рубахи, пиджаки, головные платки), то в конце XX — начале XXI в. традиционная повседневная летняя и зимняя одежда из кож и шкур животных была полностью вытеснена. Распашной кафтан и передник

Заключение

стали символами национальной атрибутики и используются на мероприятиях общественного характера. Мужскую, женскую, детскую праздничную одежду шьют преимущественно из ткани (редко из ровдуги). На семейные торжества надевают покупную одежду. Отдельные предметы гардероба из ровдуги, меха и шкур животных используют в качестве погребальных и промыслового-дорожных.

Несомненно сходство летней и зимней одежды одулов с гардеробом тундренных юкагиров и эвенов. В одежде эвенов пос. Березовка (Среднеколымский улус РС (Я)) обнаруживаются общие с юкагирскими элементы кроя и украшения. Женская распашная наплечная одежда мехом наружу *кукуйди* и передник *нэл* находят аналоги в одежде тундренных юкагиров, в некоторых образцах женских кафтанов от поясной части спинки вниз свисают по три длинных, окрашенных в красный цвет меховых «хвоста» с металлическими подвесками на концах. Нарядность эвенской одежде придают красные суконные отделки в сочетании с черным цветом, они присутствуют в украшениях всех предметов гардероба и предметов быта из мягких материалов, красный кант вшит в швы меховых головных уборов, имеющих юкагирский покрой. В некоторых образцах женских передников отсутствует срединное украшение, здесь имеется прямая или вогнутая полоса орнамента, что позволяет в декоративно-художественном отношении соотнести их с мужскими передниками одулов. Обувь березовских эвенов имеет различные украшения, но покрой ее несет влияние алтайского типа. Нарядные мужские и женские перчатки из неокрашенной ровдуги украшены розетками из многоцветного бисера с основой из ткани красного цвета (ср. юк. *йэльоодь*). Сходство обнаруживается в украшении манжет перчаток. Мужчины носят жилетки и головные уборы из птичьих шкурок (с шеи гагары). Перешедшими из гардероба местных племен к эвенам являются глухие мужские кухлянки: нижняя *камняй* из белой неокрашенной ровдуги с вышитым нагрудником и верхняя *нэндэкэ* [Роббек, 2004].

Черты сходства, сближающие одежду юкагиров и березовских эвенов, объясняются не только ареальными связями, но и присутствием значительного юкагирского этнического пласта, привнесшего в оленеводческую культуру северных тунгусов свои специфические особенности.

Введенные в научный оборот данные вносят уточнения в вопрос о распространенности одежды глухого и распашного типов у народов тундровой и таежной зон. Наличие двух типов наплечной одежды — глухой и распашной — в гардеробе арктических народов может

Заключение

являться показателем присутствия компонентов северного и южного происхождения. Адаптивные изменения в одежде аборигенных и пришедших на Север народов убедительно доказывают перспективность и значимость изучения глухой одежды. Полученные в ходе исследования выводы позволяют наметить новые подходы в историко-этнографическом изучении юкагиров и других малочисленных народов северо-востока России.

Особое внимание мы обратили на семантику и зональное расположение украшений и орнамента на предметах юкагирского гардероба, на влияние солярного культа в контексте традиционных религиозных представлений. Обнаружилось, что территориальная и историко-культурная типизация, ареальные связи носят характер культурных напластований, выявление их входило в цели настоящей работы.

Одной из особенностей юкагирской культуры является заимствование новых технологий у пришлых племен и народов. Изучение женской и мужской, летней и зимней одежды позволило предположить, что, имея свою глухую, адаптированную к северным условиям одежду, юкагиры заимствовали от пришлых народов в первую очередь новые для них технологические приемы обработки сырья, покроя и изготовления. Напротив, в одежде прибывших на север народов, не имевших в своем гардеробе одежды для суровых зимних условий, в первую очередь шли адаптивные изменения, в которых происходила частичная трансформация одежды южного происхождения в глухую, и одновременно гардероб пополнялся предметами одежды аборигенов. В этих процессах внешне участвовала и третья характеристика традиционной народной одежды — украшения, которые:

- выполнялись новыми материалами (ткань, бисер, бижутерия);
- могли быть заменены другими, семантически тождественными, но также принадлежащими юкагирской изобразительной традиции;
- могли быть перенесены с традиционной одежды на заимствованную или с других предметов традиционной культуры — на одежду;
- появились на предметах гардероба, приобретенных в результате адаптивных изменений (например, на различного рода утепителях, орнаментированных ноговицах тунгусов и якутов).

Перечисленные примеры изменчивости в большинстве своем носят внешний характер. Если индивидуально-личностная символика одежды оказалась утраченной, то космогоническая символика украшений одежды одулов, существовавшая в конце XIX — начале XX в., продолжает сохраняться в трансформированной современной

Заключение

одежде (конец XX — начало XXI в.). Она вобрала в себя элементы языческого мировосприятия людей предшествующих эпох и транслирует потомкам с помощью различных технологических приемов и «заархивированных» графических символов поздненеолитические мифологические модели Вселенной. Солярный культ, сакральные графемы испрашивания «благодати» у верховного небесного/солнечного божества составляют смысловую основу украшений летнего костюма одулов.

Можно предположить, что подобно современной древняя юкагирская одежда также несла солярную символику. В какой-то исторический период, вследствие, например, откочевки с родовых территорий, на одежду были перенесены графемы наскальных мифологических моделей Вселенной. В качестве мобильных носителей сакральных изображений одулы используют передники к распашным кафтанам, зачастую не подозревая об этом.

В целом изучение юкагирской одежды конца II — начала III тыс. н. э., подвергшейся активному иноэтническому влиянию на протяжении длительного периода своей истории, тем не менее, обнаруживает в ней многие архаические элементы, возможно присущие древним аборигенам-охотникам края. Выветривание отдельных элементов традиционализма обнажило базисные мировоззренческие основы национальной культуры, которые носят надличностный характер и при ближайшем рассмотрении являются общечеловеческую универсалию. Отчетливо обнаруживается тенденция к изменению материала и технологии изготовления распашной одежды одулов в сочетании с противоположной тенденцией закрепления в предметах гардероба базисной космологической символики. Эта тенденция зиждется на живом функционировании элементов мировоззрения древних охотников и рыболовов и является показателем сохранения юкагиров как этнической общности.

Экстраполируя в будущее полученные результаты, в качестве прогноза можно высказать предположение о дальнейших технологических изменениях в изготовлении одежды в сочетании с тенденцией сохранения в украшениях основных положений языческого культа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адлер Б.Ф. Возникновение одежды. — СПб.: Тип. А.К. Вейерман, 1903. — 80 с.
- Акимова В.С. Традиционная одежда народов Севера: Проблема сохранения и развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2001. — 17 с.
- Алексеев А.А. Забытый мир предков. — Якутск: Ситим, 1993. — 93 с.
- Алексеев А.Н. Джикимдинское погребение // Якутия и ее соседи в древности. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. — С. 95–99.
- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1996. — 143 с.
- Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 2003. — 158 с.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. — М.: Наука, 1991. — 222 с.
- Бурыкин А.А. Чуванцы. Происхождение и этническая история. Материальная и духовная культура (конец XIX — начало XX в.). — Анадырь: Анадырская тип., 1993. — 32 с.
- Бурыкин А.А. Проблемы семантики орнамента и элементов традиционного костюма: (Вопросы этносемиозиса на фоне этнокультурных и языковых связей по материалам декоративного искусства народов крайнего северо-востока) // Диалоги во времени: традиционное искусство в контексте музея. — СПб.: МАЭ РАН, 1998а. — Вып. 2. — С. 3–13.
- Бурыкин А.А. Этнография, фольклор и язык малочисленных народов Севера в контексте современной культуры (обзор) // История ментальности: традиционная культура в контексте музея. — СПб.: МАЭ РАН, 1998б. — Вып. 3. — С. 7–17.
- Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // СМАЭ. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 11. — С. 42–61.
- Василевич Г.М. Тунгусский кафтан: (К истории его развития и распространения) // СМАЭ. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 18. — С. 122–178.
- Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 21. — С. 3–64.
- Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Диалектологический словарь языка саха (дополнительный том). — Новосибирск: Наука, 1995. — 295 с.
- Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1998. — 143 с.
- Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2004. — 103 с.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. — М.: Наука, 1977. — 247 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Прогресс; Универс, 1994. — В 4 т.

Библиографический список

- Данилова А.А. Бытовая лексика эвенского языка. — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1991. — 114 с.
- Данилова А.А. Бытовая лексика юкагирского языка: (Материальная культура). — Новосибирск: Наука, 2004. — 87 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. — М.: Наука, 1979. — 352 с.
- Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. — Магадан: Кн. изд-во, 1992. — 2-е изд. — С. 160–270.
- Жукова Л.Н. Образ мирового дерева в графическом искусстве юкагиров // Тез. докл. III конф. молодых обществоведов. — Якутск, 1987. — С. 78–79.
- Жукова Л.Н. Современное состояние традиционных промыслов колымских юкагиров // Социокультурные факторы ускорения развития Сибири. — Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1988а. — С. 106–109.
- Жукова Л.Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1988б. — Вып. 1. — С. 126–147.
- Жукова Л.Н. Фольклорные представления о мире у таежных юкагиров // Фольклор и современная культура. — Якутск, 1991а. — С. 72–83.
- Жукова Л.Н. О семантике кружкового орнамента у юкагиров верхней Колымы // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1991б. — Вып. 2. — С. 104–110.
- Жукова Л.Н. Этнические традиции в орнаменте юкагиров // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации. — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992. — С. 64–69.
- Жукова Л.Н. Бинарные оппозиции в мировоззрении аборигенов Сибири: Символика разнонаправленных дуг // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1994. — Вып. 3. — С. 33–54.
- Жукова Л.Н. Языческая картина Вселенной лесных юкагиров // Илин. — 1995. — С. 56–59.
- Жукова Л.Н. Юкагиро-славянские фольклорные параллели: (К интерпретации сказочных текстов) // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996а. — Вып. 4. — С. 32–48.
- Жукова Л.Н. Одежда юкагиров. Учеб. пособие. — Якутск: Якутский край, 1996б. — 143 с.
- Жукова Л.Н. Религия юкагиров. Языческий пантеон: Учеб. пособие. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996в. — 90 с.
- Жукова Л.Н. Новые образцы пиктографического письма юкагиров // Лингвистический сборник. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996г. — С. 85–95.
- Жукова Л.Н. Одежда юкагиров: Генезис и семантика: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Якутск, 1999. — 17 с.
- Жукова Л.Н. Глухая одежда лесных и тундровых юкагиров // Культурное наследие народов Сибири и Севера. IV Сибирские чтения. — СПб., 2000. — С. 149–151.
- Жукова Л.Н. Одежда юкагиров: Прошлое и будущее // Полярная звезда. — 2001а. — № 3. — С. 75–77.
- Жукова Л.Н. Языческое миропонимание и XXI век. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2001б. — 55 с.

Библиографический список

- Жукова Л.Н. Феномен «якутского» ножа // Илин. — 2002а. — № 1. — С. 56–60.
- Жукова Л.Н. Иноэтнические элементы в одежде юкагиров // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII–XXI вв. — Якутск, 2002б. — С. 90–96.
- Жукова Л.Н. Северная Евразия: Адаптивные изменения в одежде аборигенных и пришлых народов // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. — 2005. — № 3. — С. 85–90.
- Жукова Л.Н. Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и вопросы ее изучения // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. — 2006а. — № 2. — С. 86–91.
- Жукова Л.Н. Адаптивные изменения в одежде древних пришлых групп населения в условиях Севера: (К методике изучения глухой одежды народов Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2006б. — № 4. — С 139–143.
- Жукова Л.Н. Картина мира юкагиров: (На основе данных первобытного искусства, фольклора и материальной культуры): Науч. отчет. — Якутск, ИПМНС СО РАН. — 2006в. — 120 с. — Рукопись.
- Жукова Л.Н. Одульский (юкагирский) фольклор о народных танцах // IV Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф. — Магадан: МПО СВНЦ ДВО РАН, 2006г. — С. 152–154.
- Жукова Л.Н. Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. — 2007. — № 3. — С. 79–84.
- Жукова Л.Н. Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров) // Север Азии в этнокультурных исследованиях: (Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона). — Новосибирск: Наука, 2008а. — С. 256–274.
- Жукова Л.Н. К вопросу изучения одульской (юкагирской) одежды // Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск: Наука, 2008б. — С. 115–125.
- Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. — Ч. 1. — 161 с.; Ч. 2. — 89 с.
- Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: (По материалам традиционного декоративно-прикладного искусства). — Новосибирск: Наука, 2001. — 158 с.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX — начала XX в.). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 500 с. — (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая Серия. Т. 81).
- Игнатьева Т.И., Шейкин Ю.И. Образцы музыкального фольклора верхнеколымских юкагиров. — Якутск: Кн. изд-во, 1993. — 86 с.
- Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1898. — Отд. 3. — Т. 10, ч. 3. — 167 с.
- Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — Ч. 3. — С. 148–180.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: Наука, 2005а. — 675 с.
- Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору, собранные в Колымском округе. — Якутск: Бичик, 2005б. — 270 с.

Библиографический список

- Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 498 с.*
- История и культура ительменов: (Историко-этнографические очерки) / Под ред. А.И. Крушинова. — Л.: Наука, 1990. — 207 с.*
- История и культура коряков / Под ред. А.И. Крушинова. — СПб.: Наука, 1993. — 236 с.*
- История и культура чукчей: (Историко-этнографические очерки) / Под ред. А.И. Крушинова. — Л.: Наука, 1987. — 287 с.*
- История и культура эвенов: (Историко-этнографические очерки) / Отв. ред. В.А. Тураев. — СПб.: Наука, 1997. — 181 с.*
- Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока: (Книга для чтения учащихся ст. классов). — М.: Просвещение, 1980. — 125 с.*
- Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки (в связи с юкагирской проблемой). — М.: Наука, 1993. — 221 с.*
- Кирьяк М.А. Отражение космогонических идей в сюжетах граффити со стоянки Раучувагытын (Западная Чукотка) // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 1998. — С. 62–67.*
- Кирьяк М.А. Древнее искусство севера Дальнего Востока: (Каменный век). — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. — 278 с.*
- Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. — С. 74–87.*
- Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века: (По материалам погребений). — Якутск: Кн. изд-во, 1971. — 212 с.*
- Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. — Новосибирск: Наука, 1978. — 128 с.*
- Кочешков Н.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов крайнего северо-востока СССР (XVIII—XX вв.). — Л.: Наука, 1989. — 197 с.*
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994. — 263 с.*
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. — Якутск: Кн. изд-во, 1990. — 256 с.*
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. — Новосибирск: Наука, 2001. — 607 с.*
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка. — Новосибирск: Наука, 2003. — 288 с.*
- Лаптев А.Н. Юкагиры // Научные сообщения ЯФ СО АН СССР. — Якутск: Кн. изд-во, 1961. — Вып. 6. — С. 9–14.*
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. — 364 с.*
- Лукьянченко Т.В. Традиционная одежда кольских саамов. Проблемы этнических контактов // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. — М., 1994. — С. 232–245.*
- Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1984. — 200 с.*

Библиографический список

- Мазин А.И.* Таежные писаницы Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1986. — 260 с.
- Мифологический словарь.* — М.: Сов. энцикл., 1991. — 736 с.
- Мифы народов мира:* В 2 т. — М.: Сов. энцикл., 1980. — Т. 1. — 672 с; 1982. — Т. 2. — 720 с.
- Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1977. — 264 с.
- Народы Сибири /* Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 883–894.
- Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т.* — М.: Фед. служба госстатистики, 2004. — Т. 4, кн. 1. — 946 с.
- Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* — Якутск, 2005. — Т. 5. — 76 с.
- Николаев С.И.* Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. — Якутск: Кн. изд-во, 1964. — 202 с.
- Николаева И.А.* О некоторых юкагирских, нганасанских и других североевразийских фольклорных параллелях // Страны самодийских и енисейских языков. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 40–48.
- Николаева И.А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Ин-т языкоznания АН СССР, 1988. — 24 с.
- Николаева И.А.* Вступительная статья // Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. — Ч. 1. — С. 3–19.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). — СПб.: Дрофа, 2002. — 191 с.
- Носов М.М.* Художественные бытовые изделия якутов XVIII — начала XX в. — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО АН СССР, 1988. — 104 с.
- Окладников А.П.* История Якутской АССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 1. — 432 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. — Л.: Наука, 1969. — Ч. 1. — 219 с.; 1970. — Ч. 2. — 363 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Средней Лены. — Л.: Наука, 1972. — 271 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1976. — 190 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Петроглифы бассейна реки Алдан. — Новосибирск: Наука, 1979. — 152 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка / Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. — Л.: Изд-во АН СССР, 1926. — Т. 3, ч. 1, вып. 8.
- Петров А.А.* Язык и духовная культура тунгусоязычных народов. — СПб.: Изд-во ГПУ им. Герцена, 1998. — 89 с.
- Попов Г.А.* Якутский край (пособие по краеведению). Ч. 2 // Сочинения. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006а. — Т. 2. — С. 58–135.

Библиографический список

- Попов Г.А. Омоки // Сочинения. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006б. — Т. 2. — С. 224–231.
- Попов Г.А. Декабристы в Колымске // Сочинения. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006в. — Т. 2. — С. 303–311.
- Проблемы возрождения исчезающих юкагиров / Под ред. И.Е. Томского. — Якутск: Северовед, 1996. — 140 с.
- Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970. — С. 3–99.
- Расторгуева Л.Н. Традиционная зимняя одежда народов Якутии — резерв тактики индивидуальной защиты человека в условиях низких температур // Вопросы медицинской географии Севера. — Мурманск, 1986. — С. 103–118.
- Роббек М.Е. Краски северного сияния в узорах мастерий: (Прикладное искусство эвенов Березовки). — Новосибирск: Наука, 2004. — 88 с.
- Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока: (Книга для учителя) / Сост. Т.Б. Митлянская. — М.: Просвещение, 1983. — С. 143–146.
- Серошевский В.Л. Якуты: (Опыт этнографического исследования). — 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 1993. — 713 с.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М.: Наука, 1976. — 311 с.
- Спиридовон В.К. Школьный русско-юкагирский словарь. — Якутск: МО РС (Я), 1997. — 57 с.
- Спиридовон Н.И. (Тэки Одулок). Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере. — Якутск: Кн. изд-во, 1987. — С. 96–236.
- Спиридовон Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. — Якутск: Северовед, 1996. — 80 с.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М.: Наука, 1979. — 152 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — В 4 т. — М.: Прогресс, 1967. — Т. 2.
- Федорова Е.Г. Мировоззрение манси и орнаментальное искусство // Диалоги во времени: Традиционное искусство в контексте музея. — СПб.: МАЭ РАН, 1998. — Вып. 2. — С. 17–20.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. — 224 с.
- Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1994. — 100 с.
- Черсов Н.М. Современные гипотезы происхождения юкагиров // Языки, культуры и будущее народов Арктики. — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. — Ч. 2. — С. 98–99.
- Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. — Новосибирск: Наука, 1990. — 188 с.
- Численность и состав народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока в ЯАССР // Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. — Якутск, Респ. упр. статистики, 1990. — 45 с.
- Шалугин В.Г. Рассказы для детей. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1995. — 34 с.
- Шенталинская Т.С. «Знаки любви»: Рисунки на бересте из с. Марково // Живая старина. — 2003. — № 3. — С. 9–14.

Библиографический список

- Эверстов С.И. Изображение на бересте и этническая идентификация юмыхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: Наука, 1999. — С. 54–64.
- Элрика В.С. Традиционная одежда эвенов Магаданской области // Фольклор и этнография народов Севера. — Якутск: Северовед, 1998. — С. 69–73.
- Юкагиры. Историко-этнографический очерк. — М.: Наука, 1975. — 244 с.
- Яловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени. — Якутск: Якутский край, 2004. — Т. 2. — 352 с.
- Drawing shadows to stone (The Photography of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902)* / By L. Kendall, B. Mathe, T. Ross Miller. — N. Y.: American Museum of Natural History, 1997. — 112 p.
- Jochelson Waldemar. The yukaghirs and the chuvancy* // People of Asiatic Russia. — N. Y., 1929. — Pt. 2. — P. 54–56. — (Пер. на рус.: Иохельсон В.И. Юкагиры и чуванцы // Язык — миф — культура народов Сибири / Пер. с англ. К.С. Ефремов. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1994. — Вып. 2. — С. 227–230).
- Constructiong Cultures Then and Now: (Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition)* / Ed. L. Kendal, I. Krupnik. — Washington D.C.; Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, 2003. — 364 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИПМНС СО РАН — Институт проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
МА — материалы автора
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
ММиФНЯ — Музей музыки и фольклора народов Якутии
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
ЯГОМИиКНС — Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского
ЯНЦ СО РАН — Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
арх. — архангельский
др.-рус. — древнерусский
камч. — камчатский
кол. як. яз. — колымский говор якутского языка
коряк. — корякский
лат. — латинский
л. юк. — лесные юкагиры
нган. — нганасанский
олонец. — олонецкий
рус. — русский
сиб. — сибирский
ср.-греч. — среднегреческий
ср.-лат. — среднелатинский
ст.-слав. — старославянский
с.-в.-р. — северо-восточный русский
т. юк. — тундrenные юкагиры
чук. — чукотский
эвн. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
юк. — юкагирский
як. — якутский

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ВВЕДЕНИЕ	14
Глава 1	
ГЛУХАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ЯКУТИИ	22
Адаптация одежды древних пришлых групп населения к климатическим условиям Севера	22
Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров)	27
Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии	46
Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и русских	54
Глава 2	
ЮКАГИРСКИЙ КОСТЮМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.	66
Общие сведения	66
Женская летняя одежда	72
Женская зимняя одежда	93
Мужская зимняя и летняя одежда	101
Глава 3	
СЕМАНТИКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЮКАГИРСКОГО КОСТЮМА	117
Избирательность материала и цветосимволизм	118
Обувь юкагиров как исторический источник	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	144
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	151

Научное издание

Жукова Людмила Николаевна
ОЧЕРКИ ПО ЮКАГИРСКОЙ КУЛЬТУРЕ
Ч. 1
ОДЕЖДА ЮКАГИРОВ: ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА

Редактор Е.М. Шрам. Художественный редактор Л.В. Матвеева. Художник Н.А. Горбунова.
Технический редактор Н.М. Острумова. Корректоры И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева.
Оператор электронной верстки Р.Г. Усова

Сдано в набор 10.03.09. Подписано в печать 20.08.09. Бумага ВХИ. Формат 60 × 90 1/16. Офсетная печать. Гарнитура Times ET. Усл. печ. л. 9,5+2,5 цв. вкл. на мел. бум. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 500 экз. Заказ № 181.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

1—181

2—181

3—181

4—181

5—181

6—181

7—181

8—181

9—181

10—181

2 Заказ № 181

3 Заказ № 181

4 Заказ № 181

5 Заказ № 181

6 Заказ № 181

7 Заказ № 181

8 Заказ № 181

9 Заказ № 181

10 Заказ № 181